

Наринэ АБГАРЯН

Гран-прі премії
Дитячої роки

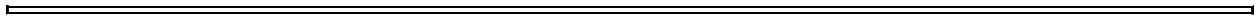
Annotation

Трагикомическая история одной гордой и юной девицы, приехавшей в шальные 90-е из маленькой горной республики покорять Москву. У каждого понаехавшего своя Москва. Моя Москва — это люди, с которыми свел меня этот безумный и прекрасный город. Они любят и оберегают меня, смыкают ладони над головой, когда идут дожди, водят по тайным тропам, о которых знают только местные, и никогда — приезжие. Моя книга — о маленьком кусочке той, оборотной, «понаехавшей» жизни, о которой, быть может, не догадываются жители больших городов. Об очень смешном и немного горьком кусочке, благодаря которому я состоялась как понаехавшая и как москвичка. В жизни всегда есть место подвигу. Один подвиг — решиться на эмиграцию. Второй — принять и полюбить свою новую родину такой, какая она есть, со всеми плюсами и минусами. И она тогда обязательно ответит вам взаимностью, обязательно. Ибо не приучена оставлять пустыми протянутые ладони и сердца.

- [Наринэ Абгарян](#)
  -
  - [Глава первая. Знакомство с Понаехавшей](#)
  - [Глава вторая. Новоселье](#)
  - [Глава третья. Гостиница](#)
  - [Глава четвертая. Фотороботы](#)
  - [Глава пятая. Переезд](#)
  - [Глава шестая. Огни большого города](#)
  - [Глава седьмая. Тетя Поля и ее окружение](#)
  - [Глава восьмая. Горожанин vs иммигрант](#)
  - [Глава девятая. Валентина Ив-на и другие смертные грехи](#)
  - [Глава десятая. Клиенты](#)
  - [Глава одиннадцатая. Не плюй в колодец](#)
  - [Глава двенадцатая. Дефолт. Грустная история в двух зарисовках](#)
  - [Глава тринадцатая. Выбор Бедовой Люды](#)
  - [Глава четырнадцатая. Прощание армянки](#)
  - [Глава последняя. Звонок тети Поли](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

Наринэ Абгарян

Понаехавшая

*Автор благодарит своих замечательных друзей,
понаехавших и не очень:*

*Елену Тришину
Викторию Кирдий
Каринэ Учитель
Марину Карая
Наринэ Папян
Светлану Анохину
Заиру Абдуллаеву*

*и любимого редактора Ирину Епифанову — за
всестороннюю поддержку и вообще.*

*Все события и имена в этой книге придуманы, за
случайные совпадения автор ответственности не
несет.*

*Если что, у автора имеется оправдательная
справка из соответствующего учреждения.*

Глава первая. Знакомство с Понаехавшей

Петровка — улица недлинная и достаточно бестолковая. На тротуарах сваявшимися сугробами лежит подтаявший снег — не пройти, не протолкнуться. Любой мчащийся мимо автомобиль норовит окатить с ног до головы холодной грязной жижей. Декабрь 94-го выдался слякотным и отходчивым на морозы — все, что намело ноябрем, вся мелкая и колючая снежная крупа, нещадно летящая в лицо и норовящая забиться под воротник, — все это таяло и исходило капелью, оставляя серые потеки на боках невысоких старых зданий.

Кругом царил торговый дух: от станции метро «Кузнецкий Мост» и до ЦУМа тянулись ряды из складных столиков, густо заставленных книгами, оренбургскими платками, самоварами, старыми швейными машинками, водкой, упаковками непривычно вкусной импортной жвачки «Ригли» и батончиками «Марс» и «Сникерс». Там и сям аккуратными горками высились диковинные пушистые фрукты киви и гроздь желтых, спелых бананов. Киви стоили каких-то бешеных денег, поэтому люди их брали поштучно.

— Просто попробовать, — зачем-то объясняли продавцам.

Вдоль стихийно образовавшихся торговых рядов всполошенным пунктиром передвигалась высокая, тощая и носастая девица. На голове дыбилась кусачая вязаная шапка, из-под торчащего колом черного пальто струились убийственно длинные, тонкие ноги. Девица крепко прижимала к груди большую немного обтрепанную кожаную сумку со спорным логотипом «Shanel» на боку. Сумка была особенной гордостью девицы. Стоила она целых тридцать долларов, практически двухмесячную мамину зарплату, и служила хозяйке верой и правдой уже четвертый год.

— Ты, главное, не выпускай ее из рук, особенно в метро! — напутствовала мама, собирая дочь в далекую Москву. — Прижимай локтем к боку и не расслабляйся — времена темные, воры не дремлют, вырвут сумку, и останешься без денег и без документов.

Уезжать девица всячески упиралась, но родители настояли на своем, наскребли по сусекам какое-то количество денег, перевели на ереванской толкучке в валюту — получилось целых двести долларов, и снарядили дочь в Москву — за вторым высшим образованием.

— Моя девочка будет кандидатом наук! — предрекал папа.

— А может, и профессором, — улыбнулась мама. — Ты — наша

гордость.

— Ну чего вы? — расплакалась дочь.

Аэропорт был забит до отказа — измученные войной и беспросветной блокадой, люди покидали родину целыми семьями. Плакали дети, причитали женщины, хмуро курили по углам растерянные отцы семейств. Это был великий и страшный исход — в Россию и дальше, за рубеж, туда, где можно было хоть как-то прокормиться и не бояться за будущее своих детей.

— Не хочу уезжать, — обняла девица маму. — Куда я поеду, когда вы остаетесь здесь?

— Все будет хорошо. Ты справишься, я знаю.

Перед тем как скрыться в зале ожидания, она обернулась, выхватила взглядом из толпы провожающих родителей. Папа несколько раз сдержанно кивнул, мама старательно таращилась, чтобы не разреветься. Она что-то крикнула, но расслышать было невозможно, кругом гомонила толпа, все прощались с родными.

— Не слышу! — покачала головой дочь.

Мама сделала такое движение, словно прижимает сумочку локтем к боку. И улыбнулась сквозь слезы.

Прижимать к боку сумку девица не умела. Длинные тонкие руки топорщились во все стороны острыми локтями и целомудренно складываться вдоль тела категорически не желали. Поэтому, во избежание ограбления, ляпка сумки перекидывалась через плечо, а сама сумка прижималась сцепленными крест-накрест руками к груди. Во-первых — не украдут, во-вторых — тепло, да и заглушает немилосердное урчание в животе. А урчать животом девица ой как умела! Это было скорее даже не урчание, а какое-то катастрофическое клокотание — с тонким завыванием, переходящим в приглушенный рык. Нашей героине было двадцать три, и она постоянно хотела есть. И спать.

Такое странное поведение организма объяснялось сменой климата: когда переезжаешь в другую страну, какое-то время приходится вести практически растительный образ жизни. Недавно девица поставила личный рекорд — проспала стоя, уткнувшись лбом в дверь с грозной надписью «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ», всю серую ветку метро, от станции «Пражская» до станции «Алтуфьево». И если бы не сердобольная тетечка, которая отодрала ее от надписи и вывела из вагона, то проснулась бы она в депо, или куда там дальше уходят эти быстрые подземные поезда.

В другой раз девица уснула за ужином, и квартирная хозяйка тетя Поля чуть не отдала богу душу, застав на кухонной табуретке сосредоточенно

сопящее мраморное изваяние. Проснувшись с утра, девушка обнаружила у себя на прикроватной тумбочке маленькую иконку Божьей Матери.

— От сглазу, — назидательно выговорила тетя Поля. — А то ишь чего надумала — за столом засыпать. Где это видано? Замучилась тебя до кровати волочь.

— Я не специально!

— А то я не вижу, что не специально!

На Петровке девушка оказалась не случайно. Сегодня в центральном офисе банка «Золотой Век» проводилось собеседование. Банк набирал девушек для работы в обменный пункт, который в скором времени должен был открыться в гостинице «Интурист».

— Вежливость, коммуникабельность, знание английского языка. Интим не предлагать! — зачитывала в трубку Аля Шелгунова, однокурсница нашей героини.

— Откуда у тебя это объявление? — встрепелась девушка. — И с какой стати работник должен предлагать интим?

— Ой, — хихикнула Аля, — тут я маху дала! Интим обычно работодатели предлагают.

— Как это маху дала? Ты что, сама его составляла?

— Ну да! Мать устроилась бухгалтером в банк. Попросила составить грамотное объявление о наборе девушек. Работа — сутки через трое.

— Аль! А может, мне попробовать? Я вежливая, коммуникабельная, и английский у меня неплохой.

— И интим не догадаешься предложить! — не преминула вернуть Аля.

— Ну да, — скорбно согласилась наша героиня, — не предложу. Мне, главное, какую-нибудь работу найти, а то жить практически не на что.

Жить действительно было не на что, устроиться на неполный рабочий день не получалось. Какое-то время она подрабатывала няней в семье с двумя разномастными детьми трех и пяти лет. Дети полюбили ее с первой минуты и ходили за ней хвостиком. Родители, Андрей и Наташа, занимались продажей подержанных иномарок — очень прибыльный в 90-е бизнес. Андрей уходил на работу ни свет ни заря, Наташа дожидалась прихода няни и тоже уезжала в офис. В обязанности нашей героини входило всего ничего, как-то: с боем накормить детей, ибо по-другому они есть не умели, уложить их на полуденный сон, тоже с боем, а также с песнопениями, ритуальными танцами народов Крайнего Севера и другими шаманскими телодвижениями. Пока дети спали, няня успевала

подготовиться к завтрашним занятиям и немного прибраться в квартире. Уборка в ее обязанности не входила, но сидеть со сложенными руками, видя, в каком загнанном виде возвращаются с работы Андрей с Наташей, было выше ее сил.

Часам к пяти нужно было поднять детей, накормить их полдником и вывести погулять. Гуляли до последнего ребенка на площадке, ибо другого способа вернуть подопечных домой няня не знала — любая попытка увести их с игровой площадки, если там ковырялся хотя бы один завалящий чужой ребенок, заканчивалась горькими слезами и всевозможными истериками. Хорошо, что на дворе стоял октябрь, темнело рано, и часам к семи двор пустел. Последней с площадки ретировалась наша героиня с вверенным ей многочисленным хозяйством — двумя перемазанными до бровей детьми, кричащей уточкой на колесиках, всевозможными лопаточками и формами для лепки песочных куличей, большим автоматом, плюющим красным огнем, и длинным сачком для ловли бабочек. Без сачка дети наотрез отказывались гулять.

По возвращении домой сначала всей дружной компанией приводили в божеский вид верхнюю одежду, а потом до позднего вечера забавлялись разными занятиями. Разные занятия — это письмо, азы английского, лепка из пластилина, рисование. К девяти вечера в квартиру заползали измученные родители и отпускали няню на все четыре стороны в темный страшный город.

— Не забудь позвонить нам, когда доберешься домой! — требовали они.

— Я дома, — рапортовала через час наша героиня.
— Ну слава богу, — отзывались на том конце провода.
— Опять стоя заснула? — всплескивала руками тетя Поля. — Ты хоть трубку положи!

— Я нечаянно, — мычала девица.

Через два месяца к внукам переехала бабушка, и семья с большим сожалением распрощалась с няней. Наташа вместо оговоренных пятидесяти долларов заплатила сто и подарила нежно-лиловый шарфик с тонкой вышивкой по краю, Андрей вручил брелок с трехпалым растопырчатым логотипом «Мерседеса»:

— С почином. Будут деньги — приходи к нам за машиной. Мы тебе хорошую скидку сделаем.

— Обязательно! — вздохнула няня. Уходить из этой семьи было очень грустно — за два месяца она успела сильно привязаться к детям.

— Никогда, никогда больше не пойду в няни! — поклялась себе наша героиня и устроилась продавцом в продуктовый ларек. Но ларек плохо отапливался, за окном выюжил ноябрь, и через неделю она слегла с высокой температурой.

— Ты туда больше не пойдешь! — бухтела тетя Поля, облепляя ее со всех сторон кусачими горчичниками. — Ищи другую работу. А в ларек я тебя не отпущу, так и знай!

Устроиться на другую работу не получалось. По объявлениям о найме на неполный рабочий день отзывались какие-то непонятные женщины, которые первым делом интересовались параметрами соискательницы работы — рост, вес, опять же цвет глаз.

— Интим не предлагать, — трепыхалась на этом конце провода девица.

— А мы и не предлагаем, — отзывались елейными голосами женщины, — какой же это интим — работа в сауне? Вы будете обслуживающим персоналом!

Поэтому звонку Али девица очень обрадовалась. И через три дня она вышагивала по Петровке, шарахаясь от одного ее тротуара к другому, выискивая таинственный дом номер 15/13, владение банка.

— Чтобы в 13.00 была на месте! — предупредила накануне Аля. — Мама говорит — опоздание смерти подобно!

— Я буду там ровно в час.

— Запомни — дом находится за невысокой аркой. Нырнешь под эту арку и вынырнешь к банку. Ясно?

— Угум!

Собирали девуцу на собеседование всей честной компанией. Вся честная компания — это сама девица, квартирная хозяйка тетя Поля и соседка Марья Дмитриевна. Долго выбирали подходящий наряд — чтобы солидно и простенько. Остановились на строгой, нежного лимонного цвета блузке и прикрывающей колени юбке. Тетя Поля собственноручно напудрила девуцу допотопной, пахнувшей бабушкиным сундуком пудрой, Марья Дмитриевна щедро окропила святой водой.

В полдень, истоптав Петровку вдоль и поперек, наша героиня наконец добрела до заветной арки. Дом 15/13 оказался небольшим трехэтажным зданием, обнесенным со всех сторон высоким чугунным забором. За забором угадывались какие-то чахлые кусты и даже скамейки и одна куцая ель породы «голубая». Девица робко толкнула незапертую тяжелую калитку. К входу вела узкая недлинная тропинка.

— Главное, излучать уверенность и спокойствие, — прошептала она, крепко прижала к груди сумку «Shanel» и как можно грациознее ступила на дорожку.

— Ух ты господи! — Выскочил из здания кругленький старичок в длинном вязаном жилете и заправленных в валенки штанах. — Сильно ударились?

— Копчик... ушибла.

— Еще бы, такой кульбит! — Старичок помог ей подняться, нашарил в подтаявшем снегу отлетевшую клокастую шапку. — Аж костями загремела, так навернулась.

— Я к вам на собеседование. — Девушка отряхнула шапку, нахлобучила на голову. — Пораньше пришла, чтобы не ругали за опоздание.

Старичок аккуратно провел ее мимо вертушки (не зацепись тут!), заглянул в сторожевую комнату. Долго шуршал страничками тетради, выискивая в списке фамилию.

— Ты у нас кто? Которая армяночка?

— Да.

— Понаехавшая, значит?

— Понаехавшая, ага. С гор. — Девушка вытащила из сумки платок, протерла сумку. Вздохнула, закручинилась лицом. — Вот, даже не знаю, возьмут меня или нет. Я без опыта работы.

— А ты не будь такой наивной, ничего об этом не говори. Делай вид, что все умеешь и знаешь. Иди воон туда, в третий кабинет.

— Прямо так сразу и идти? — испугалась девушка.

— Ох, горе горькое, пойдем, отведу тебя.

Старик запер коморку на ключ, взял под локоток прихрамывающую девушку и поволок куда-то направо, в плохо освещенный коридор.

— Можно? — Не постучавшись, толкнул дверь кабинета. — Я вам девушку привел, на собеседование.

— Заводи! — откликнулись изнутри низким грудным голосом. — Егорыч, а ты чего ее сам привел, она тебе дала, что ли? — Довольный голос разразился громким хриплым хохотом.

Девушка оторопела.

— Не бойся, — шепнул Егорыч и мягко подтолкнул ее в спину. — Это она так шутит.

— Здрасьти, — пискнула девушка и робко заглянула в кабинет. — Можно?

— Здравствуйте. — Из-за стола поднялась полная невысокая женщина. Короткостриженные волосы пестрели разноцветными прядями, гипюровая прозрачная кофта обтягивала большую грудь. — Это вы у нас по блату?

— В смысле, по блату? — испугалась девушка.

— За вас наша бухгалтер просила.

— Ах да! Она мама моей однокурсницы. Можно?

— Заходи! И закрой за собой дверь. Дует.

Девушка закрыла дверь, неловко стянула с головы шапку, пригладила

волосы. Потупилась. Громко сглотнула. Смутилась. Крепче прижала к груди сумку.

— Семью восемь? — пошла в наступление женщина.

— Пятьдесят шесть, — не дрогнула наша героиня.

— Двенадцать в квадрате?

— Сто сорок четыре!

— Так! Кто по образованию?

— Филолог. Сейчас второе высшее получаю.

— На кого переучиваемся?

— На журналиста.

— Мощно! Мало было одной безденежной профессии, ты решила еще и вторую освоить?

— Ну, это сейчас она безденежная. Потом, думаю, все изменится.

— Акцент есть, ну да хрен с ним. Все равно с иностранцами работать. Английским владеем?

— Владеем.

— Матом послать умеем?

— Нет.

— Нехорошо!

Женщина побарабанила пальцами по столу, встала. Прошлась непринужденной иноходью по кабинету туда-сюда, еще раз туда-сюда, зачем-то заглянула в мусорную корзину, поворошила там рукой. Вытащила какую-то мятую бумажку, разгладила на колене, долго ее изучала.

— Семью девять! — гаркнула что есть мочи.

— Шестьдесят три, — подскочила девица.

— Смотри-ка, филолог, а считать умеет!

— Я школу с серебряной медалью окончила!

— Не выебывайся, как муха на стекле. Это первое мое собеседование, на тебе тренируюсь. Ну как?

— Что как?

— Собеседование как?

— Нормально, хм.

— Вот и славно. Значит, Понаехавшая, говоришь?

— Ага, с гор!

— А то я не вижу. Родители тут или там?

— Там.

— Хэх. Ладно, жалко мне тебя. Берем. Зовут меня О. Ф., говорить со мной вежливо, слушаться беспрекословно. Не перечить. Ясно?

— Ясно! — выпятила грудь Понаехавшая.

— Садись. Пальто сними! Да отцепись ты от сумки, ничего с ней не случится. Чаю хочешь?

— Нет!

— Кому было сказано не перечить? Налей себе чаю, вон, видишь, термос стоит на столе. Печенье возьми. И сахару в чай положи, три куска. А лучше четыре.

Так наша героиня и попала в «Золотой Век».

Для работы в обменный пункт О. Ф. отобрала восемь девушек. Семь москвичек с опытом работы в банке и одну Понаехавшую с пропиской в селе Верхние Луки Рязанской области и без опыта работы. Такой вот выверт фортуны.

После недолгого, буквально двухчасового обучения — показывали, как заполнять справки, как запечатывать инкассаторскую сумку и обращаться с калькулятором, — испуганных девушек повели в отдел кадров. Оформляться. На второй день дали поддержать в руках доллары и немецкие марки, вручили книжку с подробным описанием мировых валют и повезли в «Интурист» — знакомиться с местом работы.

Первыми, кого увидели девушки, перешагнув порог гостиницы, были жрицы любви — они разноцветной стайкой толпились возле высокой колонны слева и, покуривая, что-то оживленно обсуждали.

— Мамочки! — внутренне сжалась Понаехавшая. — Куда это я попала?!

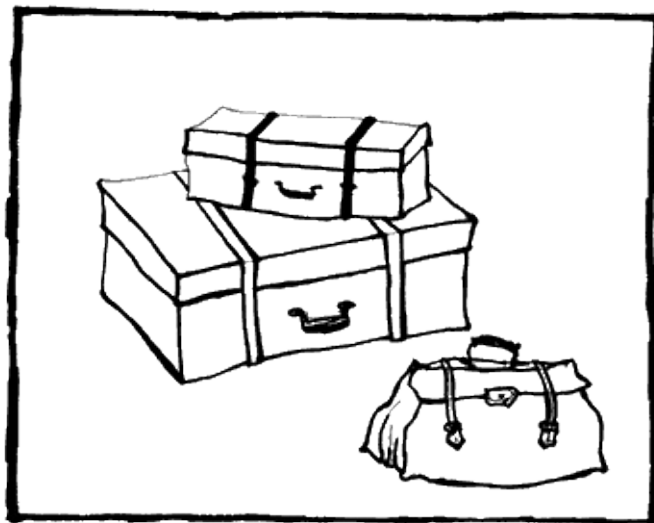
— Дааа, весело нам тут будет, — хмыкнула О. Ф. — Ну, чего столпились у входа, идем прямо, к стойке ресепшн. Где-то там, сбоку, и должен быть наш обменник. На блядей не озираемся. Сказано — не озираемся!

И, напевая что-то бравурное себе под нос, О. Ф. погнала испуганных девочек вглубь гостиницы.

Из письма Понаехавшей к подруге:

«Ты только не думай, у меня все в порядке. Устроилась на работу в „Интурист“, ничего пока не умею. Приняла у клиента пять долларов, рубли отдала как за десять. Недостачу вычтут из зарплаты. Кругом много иностранцев, и проституток тоже много. Зато коллектив хороший. Учат меня матом ругаться, но я не поддаюсь. Совмещать работу с учебой не очень получается, придется, наверное, уходить из университета. Пока раздумываю. Маме с папой ничего об этом не рассказывай. Ну, про универ, про мат и проституток. И про недостачу не говори. Скажи, что я в банке работаю, и что все у меня хорошо.»

*А вообще, знаешь, что я хочу тебе сказать? За последние полгода я впервые нашарила твердую почву под ногами.
Москва меня, кажется, приняла».*

Глава вторая. Новоселье

«Интурист» отнесся к девочкам не то что неласково, а скорее настороженно. Охрана третировала постоянными проверками документов, администраторши из ресепшн не замечали в упор, продавщицы салона «Русские Меха», накинув на плечи служебные соболя, прохаживались в опасной близости от обменника, презрительно задирая тонко выщипанные брови.

— А это кто такие? — как бы риторически спрашивала одна.

— Да фиг его знает, нагонят в приличную гостиницу не пойми кого, а потом жалуются, что клиентов мало! — отвечали хором остальные.

Вот такие приблизительно разговоры вели коренные интуристовцы, завидев в ареале своего обитания опасных чужаков. Опасные чужаки пренебрежительного к себе отношения не замечали — находились в состоянии аффекта. Аффект, можно сказать, подкрался незаметно и отовсюду.

Взять хотя бы обменник. Никто в банке не предупреждал, что работать придется в бывшем павильоне для продажи зажигалок «Zippo». Может, для продажи зажигалок этот павильон очень даже был приспособлен, но для обмена валюты — решительно нет. Крохотное насквозь стеклянное помещение было выдержано в барочном стиле — золоченые витрины, гипсовая колоннада по нижнему краю, всякие другие вычурные загогулины. Чего стоили две пузатые, обитые зеленым бархатом банкетки и овальное зеркало в массивной раме в мелкий завиток! Попытка снять зеркало со стены не увенчалась успехом: когда Понаехавшая потянула его на себя, павильон угрожающе скрипнул и попытался опрокинуться на бок.

— Не иначе противовесом работает! — хмыкнула О. Ф.

Проветривалось помещение весьма оригинально — методом отодвигания в сторону потолка. Потолок представлял собой прямоугольный лист фанеры. Нужно было взобраться на стул и, аккуратно подталкивая снизу, подвинуть фанеру в сторону так, чтобы она не рухнула внутрь или, не дай бог, наружу, в зимний сад. Зимний сад был особой гордостью гостиницы — там, среди вытянувшихся в человеческий рост пальм и каких других сансевиерий, круглый год роились оглушенные постсоветским сервисом иностранцы. Поэтому с проветриванием помещения нужно было соблюдать предельную осторожность, ведь убийство клиентуры падающим потолком в обязанности кассирш обменника не входило.

Функциональностью рабочее место тоже не блистало. Когда девочки разложили по стеклянным витринам необходимую аппаратуру, как-то: счетные машинки, калькуляторы, лупы, канцтовары, ультрафиолетовые лампы для просвечивания денег, а также увесистую кипу макулатуры, в которую оформляется сопроводительная документация, оказалось, что обменник забит реквизитом по самые уши. Рабочего пространства осталось всего ничего. От графика «сутки вдвоем» пришлось временно отказаться. Если одна кассирша еще как-то могла перекантоваться на придвинутых впритык стульях до утра, то с двумя такой маневр категорически бы не прошел. Поэтому О. Ф. приняла волевое решение оставлять на ночь одну кассиршу. Итого часть девочек должна была работать сутки через трое, а вторая — два дня через два, с десяти утра до десяти вечера.

— Я буду не я, если не выбью у этих козлов бронированное помещение! — поклялась О. Ф. на сканере для проверки подлинности валюты. — Просто потерпите чуть-чуть, девочки.

Девочки были согласны на все, лишь бы скорее закончить с новосельем. Поэтому они тщательно протерли все витрины, вымели остатки мусора, проветрили обменник и торжественно заперли на ключ. Обошли со всех сторон, полюбовались делом рук своих. Обменник фальшиво переливался золотом, серебром, стеклянным блеском да ампырными загогулинами насмерть приваренного к стенке зеркала.

— На первое время — вполне, — удовлетворенно кивнула О. Ф. и прислонилась плечом к стенке. Стеклопанель с легким хрустом отошла от петель и провалилась внутрь. Не случись на ее пути обитых бархатом банкеток, она бы разлетелась на тысячи осколков. А так просто опрокинулась на мягкое и плавно съехала на пол.

Остаток вечера девочки провели в перестановках. По новой

передвинули всю аппаратуру, чтобы обезопасить себя от ломких запчастей, заодно починили капризный замок — запирать помещение он запирал, но при легком нажатии на ручку услужливо распахивал дверь.

Ужинали в гостиничной столовой для сотрудников. Молочным супчиком и компотом из сухофруктов.

— Завтра в десять ноль-ноль всем явиться на работу, — велела О. Ф.

— Зачем всем?

— Знакомиться.

— То есть как знакомиться? Вроде уже?

О. Ф. допила компот, выловила из стакана чернослив, придирчиво разглядела его со всех сторон, поморщилась, но съела. Облизала пальцы.

— Обмывать будем!

Йаичныца

Свой первый рабочий день Понаехавшая запомнила на всю жизнь.

— Не выпить ли нам чего? А то я непривычная всухомятку с незнакомыми людьми работать, — предложила О. Ф.

Коллектив сбегал в продуктовый, взял два батона хлеба, вареной колбасы, плавленого сыра «Виола» и баночку маринованных огурчиков. А потом с озабоченным видом завис в винном отделе.

— На девять человек двух бутылок будет вполне достаточно, — посчитала в уме Трепетная Наталья.

— Не мало? — засомневалась девушка Галя.

— А почему на девять? — наивно спросила Понаехавшая. — Я ж не пью.

— То есть как это — не пьешь? — встрепенулся коллектив. — Ты что, совсем на голову больная?

— Ага, — радостно кивнула Понаехавшая, — у меня аллергия на спиртное. Если выпью — моментально вырубаюсь. Да и не голодна я, с утра поела. Йаичныцы.

— Ахахаааа!!! Чего ты поела?

— Йаичныцы! — на чистейшем армянском русском отозвалась Понаехавшая.

— Возьмем три бутылки, — решил коренной до мозга костей коллектив. — Заодно этому чуду вылечим аллергию. И акцент.

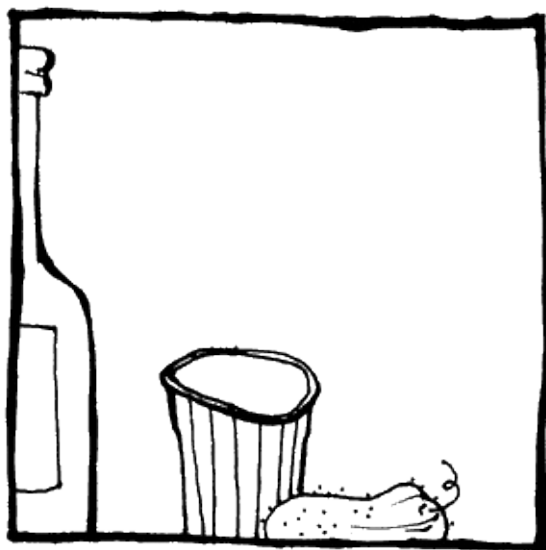
Фуршет организовали в обменнике. За считанные секунды нарезали бутербродов и разлили по пластиковым стаканчикам водку. Вывесили в окошке «BREAK 15 min». Через 15 min заменили на «CLOSED».

— За знакомство, фух! — скомандовала О. Ф.

— Фух! — откликнулся коллектив, дружно закусил перехватившее дыхание хрустким маринованным огурчиком и нехорошо уставился на Понаехавшую: — Нууууу?

— Фух! — крикнула Понаехавшая, залпом проглотила водку, потянулась за огурчиком и свалилась под стол.

— Пиздец! — О. Ф. аккуратно подняла подчиненную, прислонила к счетной машинке и, удостоверившись, что признаки жизни наличествуют, велела продолжать фуршет.

За те три часа, что Понаехавшая находилась в анабиозе, девочки успели дважды сбежать в магазин, а О. Ф., воспользовавшись их отсутствием, прошлась победным маршем по фойе и напустила страху, ущипнув за мягкое место неприступного начальника охраны Сергея Владимировича по кличке Дровосек.

Понаехавшая пришла в себя как раз в тот момент, когда Добытчица Наташа показывала «безотказный фокус с сисями». «Безотказный фокус с сисями» — это когда на левую грудь шестого размера ставишь тарелку с бутербродами, на правую — пластиковый стаканчик с водкой, пепельницу и пачку сигарет, подходишь в таком виде к своему мужчине и говоришь ему ласковым голосом: «Мне нужно сто долларов на новую кофту».

— Действует безотказно, — уверяла Наташа.

А потом О. Ф. оставила самую трезвую девочку работать в ночь, а остальных загрузила в машину и повезла в Бутово, показывать свою новую квартиру. Попытки дезертирства пресекла на корню:

— Кто не поедет — уволью на хуй! Ясно? А ты, Йаичныца, садись вперед, будешь предупреждать о светофорах, а то я выпивши ни хера не вижу. И не слышу, гы-гы-гы!

Это была воистину поездка века. Если кто из москвичей в декабре 94-го видел бежевую набитую визжащими от ужаса девицами запотевшую «пятерку», которая, игнорируя все светофоры, непринужденным зигзагом промчалась по Люсиновской и Варшавке и в районе улицы академика Янгеля на полной скорости протаранила огромный сугроб, то знайте — это были кассирши интуристовского обменного пункта!

— Ёб вашу мать! — вывалившись из автомобиля, обратилась с приветственной речью к обступившим машину аборигенам О. Ф. — Ёб вашу мать! Понатыкали сугробов на тротуарах, нормальным людям проехать не дают!

***Совет:** в общем, если хотите в короткий срок избавиться от акцента — знаете что делать.*

Добытчица Наташа

Однажды в обменнике работала девушка Наташа, и кассирши очень хорошо в этот период питались.

В 92-м году напротив «Интуриста», через Тверскую, открыли фирменный магазин «Данон». Москвичи ходили туда целыми семьями, но ничего не покупали, потому что йогурты стоили чуть ли не по десять долларов за штуку, притом что средняя зарплата в городе едва дотягивала до ста долларов. Чтобы как-то оживить торговлю, среди высоких морозных полок магазина сновали хорошенькие девушки в сине-белых костюмах и голосом античных сирен склоняли посетителей к необдуманным тратам. Посетители не поддавались. Они прятались от сирен за соседними полками и воровато читали по слогам состав йогуртов.

— Ооооо, взбитые сливки! — трепетали они. — С кусочками папайи и гуавы!

А слева от гостиницы, в Газетном переулке, открылся «Макдоналдс». И если раньше кассирши обменника обедали по талонам в интуристовской столовой: гороховый супчик с намеком на копченую грудинку, чахлый винегрет, макароны, компот, — то с открытием «Данона» и «Макдоналдса» они каждый день стали есть много-много йогуртов и много-много гамбургеров.

Такая эволюция в рационе объяснялась очень просто.

В те смутные годы в «Интуристе» верховодила так называемая чеченская мафия. Периодически в гостиницу приезжали целые тейпы: пятьдесят-семьдесят грозных мужчин в папах и других душевынимающих головных уборах. Они заселялись на какой-нибудь один этаж и потом ходили стаями по гостинице, распугивая иностранных туристов своим диковинным видом.

А у Наташи был шестой размер груди, и она всячески подчеркивала ее пышность разными кружевными вырезами. И грозные чеченские мужчины водили к окошку обменника своих желторотых сыновей — полюбоваться на Наташино декольте, потому что «ты мужчина и все в этой жизни должен увидеть»! И в знак благодарности оставляли в окошке щедрые подношения в виде упаковок йогуртов «Данон», гамбургеров и картошки фри.

Наташа с хохотом принимала дары и подкладывала декольте на лоточек, который выдвигался туда-сюда, чтобы передавать деньги. А однажды она позволила одному мальчику подержаться за свою грудь. Мальчик потом уходил от нее боком и даже вприсядку, и Наташа задумчиво произнесла, глядя ему вслед: «Небось кончил».

Это был самый сытый период интуристовской эпопеи, но он, к сожалению, скоро закончился. В какой-то момент Наташиному мужу надоело такое всеобщее обожание его жены, и он пригрозил, что если она не прекратит демонстрировать всем свои прелести, то ей придется увольняться.

Наташа обещала исправиться и завела себе новый, монашеский гардероб. Заменяла декольте на водолазки и прикрывала калькулятором выпирающую из окошка грудь.

Так что питаться кассирши обратно стали в столовой. Гороховым супчиком и винегретом. По талончикам. Но в благодарность о светлых временах теперь называли Наташу Добытчицей.

Однажды в обменнике работала девушка Аня. Такая вся из себя блондиночка с растопыренными ресничками, пухлыми розовыми губками и пергидролевым каре. И как-то в общем разговоре Аня, культурно запивая бутерброд с колбасой коньяком, призналась:

— Муж сильно ревнует меня к бывшему (вздых). Совершенно, между прочим, зря (вздых). Мы, конечно, встречаемся и поебываемся по старой памяти (смешок), но это ведь не повод для ревности! Он, в конце концов, мне не первый встречный, а бывший муж! Практически родной человек!

— Кто тебе родной человек? — поперхнулась Понаехавшая.

— Как кто? Бывший муж, конечно!

— А как же нынешний?

— Нынешнего я люблю. А с бывшим по старой памяти поебываюсь. Чтоб не терять сноровки.

Совет: разводясь, на всякий случай сохраняйте теплые отношения с бывшими мужьями. Берегите сноровку.

О. Ф

Однажды О. Ф. напилась до такого состояния, что прорвалась через охрану известного певца К. и ущипнула его за бок. В другой раз она снова пробила кольцо его охраны, но рядом с К. гарцевал молодой и еще не шибко раскрученный модельер Ю., и он самоотверженно подставил свой бок под ногти О. Ф.

Столь богатые на представителей богемы трудовые будни О. Ф. объясняются очень просто — у певца К. на последнем этаже «Интуриста» имелся офис. И к нему часто приходили разные люди — просить денег. Или протекции.

А однажды О. Ф., будучи опять сильно подшофе, нацелилась вырвать ребро какому-то важному чеченскому авторитету. Охрана авторитета мигом скрутила ее и доставила в обменник. По дороге О. Ф. вырывалась и успешно исцарапала вдоль и поперек всех охранников. Но они были истинными джентльменами и не стали в ответ царапать О. Ф.

Выросшей в маленькой патриархальной республике Понаехавшей было в диковину наблюдать пьяную женщину. Она сильно переживала за

свою начальницу и сопровождала ее по всему «Интуристу». Дело в том, что в гостиницу зачастил новоиспеченный мэр Лужков, и девушка не хотела, чтобы О. Ф. и его ущипнула за какое-нибудь место. О. Ф. пьяно отбрыкивалась и называла девушку «отъебись, уебище». Охрана Лужкова мрачно наблюдала эту душераздирающую картину, но ни на секунду не расслаблялась — слава о выходках О. Ф. дошла до высших эшелонов власти.

А вообще, когда О. Ф. напивалась, она обычно оставалась в обменнике на сутки и всю ночь на автопилоте меняла валюту. Туда и обратно. И что удивительно — ни разу не просчиталась!

Наблюдение: женский алкоголизм, хоть и неизлечим, но на операции по обмену валюты не влияет.

Жрица любви

Однажды к обменнику подошла жрица любви в изрядно потрепанном макияже, просунула в окошко купюру в сто долларов и попросила разменять по пятьдесят.

— А то минет стоит пятьдесят долларов, а у меня сдачи нет, — доверчиво объяснила она.

У Понаехавшей чуть удар не случился.

«Эвона как, — лихорадочно соображала она, разменивая сто по пятьдесят, — она этими руками делала минет, а теперь ими же передала мне купюру. Я не заболею сифилисом?»

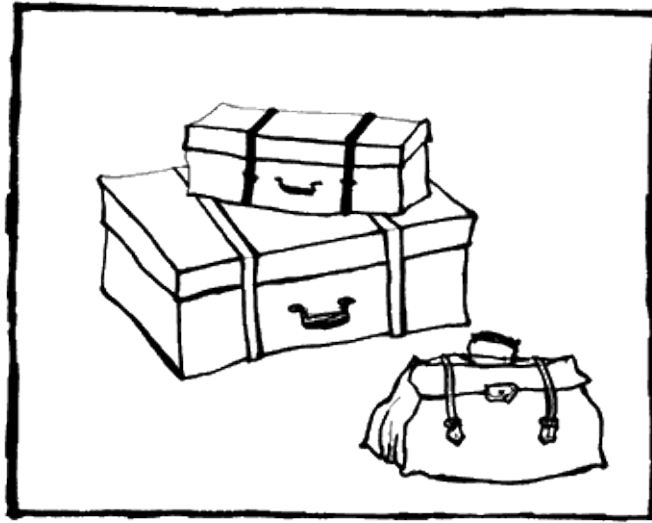
Нет слов, одно мычание.

Глава третья. Гостиница

«Интурист» оказался весьма посредственной гостиницей с обшарпанными интерьерами и запредельными ценами на сервис. Верхние этажи сдавались под офисы и рестораны, фойе было забито мелкими ларьками, торгующими сувенирами а-ля рюс. Там непреклонному в своем желании познать загадочную русскую душу интуристу предлагались матрешки, ушанки, водка, икра, хохлома и прочая гжель. А также самовары, балалайки, расписные деревянные ложки, разноразличные псевдофаберже и даже баян. Каждое утро две худенькие продавщицы выволакивали баян из-под прилавка и вешали на устрашающий, но элегантно обмотанный мерцающей гирляндой мясницкий крюк. Баян с потусторонним стенанием разворачивал полукругом свои мехи и покачивался на сквозняке, укоризненно выставив на обозрение красные бока. В течение дня всяк мимо проходящий считал своим долгом дернуть за свободный ремень и изобразить на клавиатуре что-то отдаленно музыкальное. Баян с готовностью выдавал леденящие душу импровизации, распугивая приезжий народ на многие мили вокруг.

Справа от павильонов и зимнего сада раскинулся большой магазин-салон «Русские Меха». Девочки из «Мехов» считали себя чуть ли не небожителями — еще бы, предлагать клиентам шубы за двадцать тысяч долларов не каждой смертной доверят. Они порхали по внешнему периметру салона мелкими стайками, зябко кутались в элитные меха, подвернув болтающийся ценник куда-то в рукав или под воротник. Щебетали исключительно на странной смеси иностранных языков — щеголяли знаниями. Правда, эти знания им были совершенно ни к чему — основной клиентурой салона являлась «братва» в малиновых пиджаках. «Братва» умела вежливо сказать «принеси-подай» и «курва». Девочки безропотно обслуживали маргинальных покупателей, а потом полдня ходили с трагической гримасой поперек лица — переваривали обращение «слышь, волосатая мездра».

По просторному фойе с грозной и озабоченной миной сновала бравая, закованная в униформу охрана. Вид охрана имела устрашающий — квадратные челюсти, короткие стрижки, шипящие на выдохе рации, убедительно выпирающая из-под пиджака кобура. Только вместо оружия в кобуре хранились заботливо нарезанные бутерброды и всякая другая мелкая трапеза. Поэтому, когда спустя какое-то время в гостинице случилось ограбление, охрана вперед постояльцев рванула прятаться — а кто дурак безоружным лезть на рожон?

За окаймленным сувенирными лавочками зимним садом расположилось большое казино. В те времена игорные дома были в новинку, поэтому клиентура была весьма разнообразной — от простых обывателей и даже пенсионеров, пришедших разочек попытать счастья, до ценителей жанра и даже лудоманов. Работники «Интуриста» в казино не заглядывали — там творились странные дела, выигрыши случались крайне редко, а если и случались, то только крупные и у «крыши». По гостинице ходили систематические слухи, как «на той неделе буквально на минуточку заглянул некий криминальный авторитет, сделал минимальную ставку, сорвал банк в пятьдесят тысяч долларов и уехал прочь, а владелец казино ползал за ним чуть ли не на карачках и рвался подобострастно облобызать ему ботинки».

Особой достопримечательностью «Интуриста» считались жрицы любви (в гостинице их принято было называть «валютными девочками»). Если днем они старались не попадаться на глаза, то ближе к вечеру высыпали разномастными группками и, призывно вихляя бедрами и другими формами, прогуливались по фойе — предлагали встречным свои услуги. Верховодила ими крикливая хромоногая сутенерша Вера — она

неустанно контролировала каждый шаг своих подопечных, строго следила, чтобы они не напивались до положения риз и не дебоширили.

По ходу рабочей ночи жрицы заметно теряли товарный вид — растоптанный макияж, пошатывающаяся полупьяная походка, квелие прелести. Наблюдать за ними было страшно и больно — это была та темная сторона жизни, от которой хотелось держаться как можно дальше.

Впрочем, своим образом жизни жрицы любви не особо тяготились и уходить из профессии если и планировали, то только вперед ногами.

Вот в такой нервной обстановке и предстояло работать кассиршам обменника. Какое-то время, недели две, а может, и три, девочки находились в полной прострации — сцепив зубы, меняли валюту, стараясь не шибко ошибаться в расчетах. Спустя несколько часов сосредоточенной работы внимание притуплялось до такой степени, что все купюры казались на одно лицо. Сведение кассы выливалось в сплошную трагедию — девушки регулярно недосчитывались денег. Если иностранцы в незнакомых купюрах не разбирались, поэтому пересдач просто не замечали, то аборигены старались смыться до того, как нерадивая кассирша спохватится и поднимет вселенский вой.

По итогам первого месяца работы буквально все девочки из-за допущенных ошибок вышли в ноль, а некоторые умудрились остаться в должниках. Вот тут-то и произошел первый отсев: некоторые угнетенные недостатками кассирши позанимали денег, закрыли долги и уволились навсегда. Пришлось О. Ф. обновлять состав. Новым девочкам было проще — их посадили в пары со слегка поднаторевшими коллегами, они втягивались в работу постепенно, поэтому ошибок, которые случались на пути первого прямо-таки горе-состава, не совершали.

Интуристовские работники настороженно наблюдали за новичками, попыток сближения не предпринимали. Но потом, удостоверившись, что девочки обосновались в гостинице надолго, решили проверить их на вшивость и отправили к ним одного из носильщиков с кипой валютной мелочи. Кассирши безропотно обменяли двадцать однодолларовых ветхих купюр на одну новенькую и хрустящую, чем навсегда снискали расположение гостиничных коллег.

Таким нехитрым способом Рубикон был перейден, и «Интурист» повернулся к девочкам лицом.

Из письма Понаехавшей к подруге:

«Я иногда думаю, стоило ли столько лет убиваться на учебе, чтобы потом устроиться обычной кассиршей в обменный пункт? Стыдно и обидно, что моя профессия в новой жизни никак не пригодилась. Помнишь, как на просьбу Наралова поднять руку тем, кто читал джойсовского „Улисса“, со всего курса откликнулись только мы с тобой? Он тогда сказал, что делит своих студентов на две категории: рукопожатные и остальные. И что рукопожатные — это те, которые читали „Улисса“. А потом подошел и пожал нам руки. Мы чуть не лопнули от гордости, еще бы, нас похвалил сам Наралов — страх и ужас всего филологического факультета!

Мы ведь были лучшими — всегда. Самые начитанные, самые старательные, самые умненькие. Нас часто ставили в пример.

Теперь я сижу за кассой и наблюдаю жизнь в обменниково окошко. Неужели это все, к чему я стремилась?

Сначала мне было невероятно горько. А потом я успокоилась. Знаешь, что я тебе скажу? Нужно относиться ко всему проще. Не получается сейчас, получится потом. Обязательно получится. Главное, не унывать и не сомневаться.

По большому счету, неважно, где ты работаешь.

Всюду жизнь».

Люда

Однажды в обменнике работала девушка Люда. За время работы к ней прилепилась стойкая кличка Бедовая. Потому что, где Люда — там и беда. Если в «Интуристе» переклинивали парадные двери, то никто не сомневался, чья голова застряла между створками.

Если по какой-то причине в обменнике отключалось электричество, то не надо уточнять, кому приходилось вслепую пересчитывать пачки денег, чтобы как-то запечатать инкассаторскую сумку.

Если Люда шла в туалет, то одна из кассирш обязательно сопровождала ее — Людины шансы заработать какой-нибудь гемор на маршруте обменник-туалет-обменник были несказанно высоки. Вспомнить хотя бы историю, как заклинило дверь ее кабины, и Люда проревела в туалете бесконечные двадцать минут, пока не явилась уборщица и по душераздирающим звукам, доносящимся с третьего унитаза, не вычислила поломку. На вопрос, почему она не стала звать на помощь, Люда ответила, что как назло в туалет заходили одни иностранки, а по-иностранному объяснить, что сломалась дверь, она не умеет.

Только однажды Люде удалось без сопровождения и без видимых телесных повреждений сходить в туалет, но и здесь она сумела отличиться — на обратном пути попала в толпу активных лесбиянок из Америки и вернулась в плотном кольце ухажеров.

— Тут мне по-английски что-то говорят, а я ни бельмеса не понимаю, переведешь? — вызвала она Понаехавшую из обменника.

— I wanna fuck her!^[1] — страстно обратилась к девушке жилистая женщина-гренадер в ковбойской шляпе и галстук-шнурке на закаленной техасскими штормами вые.

— Чего это она? — счастливо улыбнулась Люда.

— Just a moment!^[2] — каркнула Понаехавшая и сделала круглые глаза Люде: — Уходим!!!

А далее случилось вот что: Люда молниеносно сгруппировалась, в один прыжок преодолела расстояние до обменника и надежно забаррикадировалась дверью, оставив на растерзание боевым американским лесбиянкам свою понаехавшую из маленькой горной республики коллегу.

Предупреждение: устроившись на работу в гостиницу, первым делом выучите на семи иностранных языках фразу: «Очень сожалею, но я не лесбиянка». Или, на худой конец: «Все люди — сестры».

И снова О. Ф.

История с боевыми лесбиянками — просто какая-то ерунда по сравнению с тем, что однажды пришлось пережить О. Ф.

В тот злосчастный день совершенно опрометчиво случилось Восьмое марта, и доведенная до нужной кондиции О. Ф. рыскала по «Интуристу» в поисках очередного высокопоставленного ребра.

— Пшла вон! — ругала она бродившую следом понаехавшую подчиненную. — Кому сказано, отъебись? Уволю на хер!

Понаехавшая пугалась, но не уходила, потому что чувствовала ответственность за свое непредсказуемое начальство.

О. Ф. поняла, что так просто от позорного эскорта не отделаться, и сделала попытку оторваться. Она рванула за угол и совершенно неожиданно для себя влетела головой в группу высоких грудастых тетенок, впоследствии оказавшихся делегацией голландских транссексуалов, приехавших в Москву на какой-то международный транссексуальный слет.

— Я пошарила рукой, чтобы за что-то зацепиться, ну и нашарила чьи-то яйца, — рассказывала потом О. Ф., запивая пережитый шок водкой. — Не, ну вообще охуели, бляди, сверху — сиськи, а внизу — елда!

Совет: и заодно выучите на нидерландском фразу: «Извините, пожалуйста, она просто хотела поздороваться с вами за руку!»

Карьерный рост

— Пойдем завтра покупать тебе одежду, заодно в парикмахерскую сходим, — огорошила Понаехавшую О. Ф.

Понаехавшая испугалась. Во-первых, О. Ф. была женщиной несколько рискованного вкуса — предпочитала люрекс, опять же боа или, на худой конец, бешено вьющийся по фасаду волан. А во-вторых, моментально воспламенялась, если ей перечили. Поэтому отказывать О. Ф. нужно было с большой осторожностью.

— У меня на новый гардероб денег нет, — нашлась Понаехавшая и убедительно закручинилась лицом.

— Не бзди. Я дам тебе денег. Вернешь, когда сможешь. А то ходишь в этой бурке, как неприкаянная.

— Чего сразу в бурке? Это, между прочим, мамино перелицованное пальто!

— Хорошо, что не дедушкины перекроенные кальсоны, — фыркнула О. Ф.

Крыть было нечем, пришлось сдаваться.

Через два дня Понаехавшая явилась на работу в огненно-рыжем облаке волос, розовом платье с волнительным запахом (насуешь в лифчик ваты!) и белых сапогах на высоком каблуке. Пахла она актуальным по тем временам «Амариджем» от «Живанши» и куталась в короткое малиновое пальто смелого кроя. Вид имела вполосенный и немного несчастный.

Успех не заставил себя долго ждать. Сначала ее отказался пускать в фойе начальник охраны Сергей Владимирович (кличка Дровосек) с мотивировкой: «Своих блядей выше крыши», — а следом нарисовалась хромоногая и толстозадая сутенерша Вера и предложила непыльную, высокооплачиваемую работу.

— Я мененжер по девочкам, — протянула она визитку. — Переходи ко мне работать. Думаю, тебе вполне по зубам классика с элементами извращений.

Убегала Понаехавшая от Веры убедительным спринтом, далеко выпучившись вперед глазами. Ворвавшись в обменник, первым делом сунула О. Ф. визитку.

— Это что?

— Да вот, повышение предлагают! — съязвила Понаехавшая. — «Классику с элементами извращений»!

— Сукаблядь, урою на хуй! — закатала рукава под мышками О. Ф. и

побежала рвать в клочья Веру.

Это была воистину битва титанов.

— Еще раз подойдешь к моим девочкам, я тебе зоб вырву и на жопу натяну, ясно? — водила О. Ф. перед носом Веры ощерившейся длинными ногтями пятерней.

— Да я тебя первую по кругу пущу! — метко брызгала слюной Вера и колченогим приставным шагом трусила по периметру вытарашенного бюста О. Ф.

Разнимать женщин опрометчиво полез начальник охраны Сергей Владимирович (кличка Дровосек). И, пока в медпункте на третьем этаже ему делали противостолбнячный укол и обрабатывали ссадины на руках йодом, спустившие пары оппонентки под рюмочку-другую пришли к паритетному соглашению: отныне Вера обязуется не делать непристойных предложений обменнику, а обменник меняет ей валюту по льготному курсу.

— И чтобы я больше не слышала этого пренебрежительного «классика с элементами извращений», ясно? — стучала кулаком по столу О. Ф. — Моим девочкам подачек не надо. Уж если извращения — то по полной программе!

— Гавновапрос, — важно ходила бровями Вера.

Ограбление

Однажды в обменном пункте случилось ограбление. Повезло на такой

воистину экстрим Понаехавшей.

— Здравсти, это ограбление, — представился грабитель и для пущей убедительности просунул в окно пистолет. У пистолета было темное, несколько приплюснутое с боков дуло.

— Прахадити, гости дарахие, — всколыхнулась Понаехавшая.

Грабитель тут же ворвался в обменник и принялся шуровать в ящичках. Наша горе-героиня забилась в угол и какое-то время в ступоре наблюдала, как непрошенный гость выворачивает содержимое сейфов наружу. Потом очнулась, нашарила рукой куртку с сумкой. Тихо прокралась к двери.

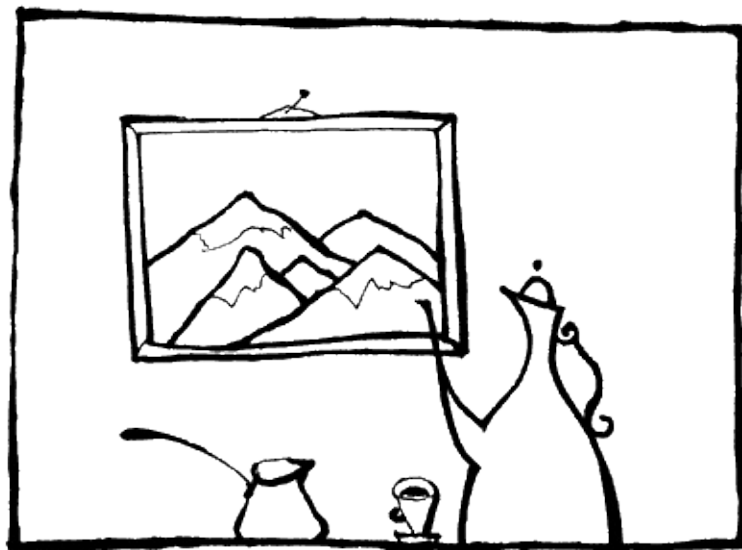
— Ну, я пошла? — зачем-то спросила.

— Иди, — смилостивился грабитель.

Понаехавшая выскользнула из обменника и, дабы не злить грабителя суетливыми телодвижениями, пошла шагом от бедра в сторону лифтового холла. Там она незамедлительно была положена попрятавшейся охраной сначала мордой в пол, а потом, когда разобрались, что это вовсе не преступник, а работник «Интуриста», затолкнута в лифт и хаотично отправлена на семнадцатый этаж.

С семнадцатого этажа Понаехавшая телефонировала в банк и радостно отрапортовала, что вместе с курткой вынесла инкассаторскую сумку, пусть, мол, банк не волнуется, грабителю достанется самая малость.

За что была щедро премирована благодарственным письмом, грамотой и недельным отпуском вне очереди.

Глава четвертая. Фотороботы

День ограбления выдался невероятно сумбурным. Сначала на место происшествия нагрянула бригада скорой помощи. Оказалось, пока Понаехавшая находилась на семнадцатом этаже, в обменник ворвался начальник охраны Сергей Владимирович по кличке Дровосек и попытался посредством голой рации остановить вооруженного преступника. Грабитель, несколько обескураженный героизмом Сергея Владимировича, на долю секунды растерялся, но потом взял себя в руки, прострелил бравому начальнику охраны ногу и, не теряя времени, был таков. Уходил через нижние этажи и служебные помещения, нагоняя страх на сотрудников гостиницы вытаращенным дулом пистолета.

И теперь Сергей Владимирович истекал кровью, лежа вперемешку со скарбом для обмена валюты на полу, и виртуозно матерился в передвинутый для проветривания фанерный потолок. К счастью, он легко отделался — пуля, не задев кость, прошла навылет и застряла в ковровине. Охранники, виновато сопя, облепили обменник со всех сторон. После того как врач скорой помощи вколол Сергею Владимировичу обезболивающее и наложил на рану повязку, они почетно отнесли своего начальника в машину. Нервно курили вслед, смахивая колючую мужскую слезу.

Затем приехало телевидение, и звезде дня Понаехавшей пришлось бубнить невнятное в микрофон, протянутый юркой, густо накрашенной девицей.

— Сегодня в самом центре столицы, недалеко от Кремля, случилось беспрецедентное по своей наглости ограбление! — прицельно выкрикивала девица в камеру оператора. — Мы сейчас разговариваем с жертвой ограбления, кассиром обменного пункта банка «Золотой Век»...

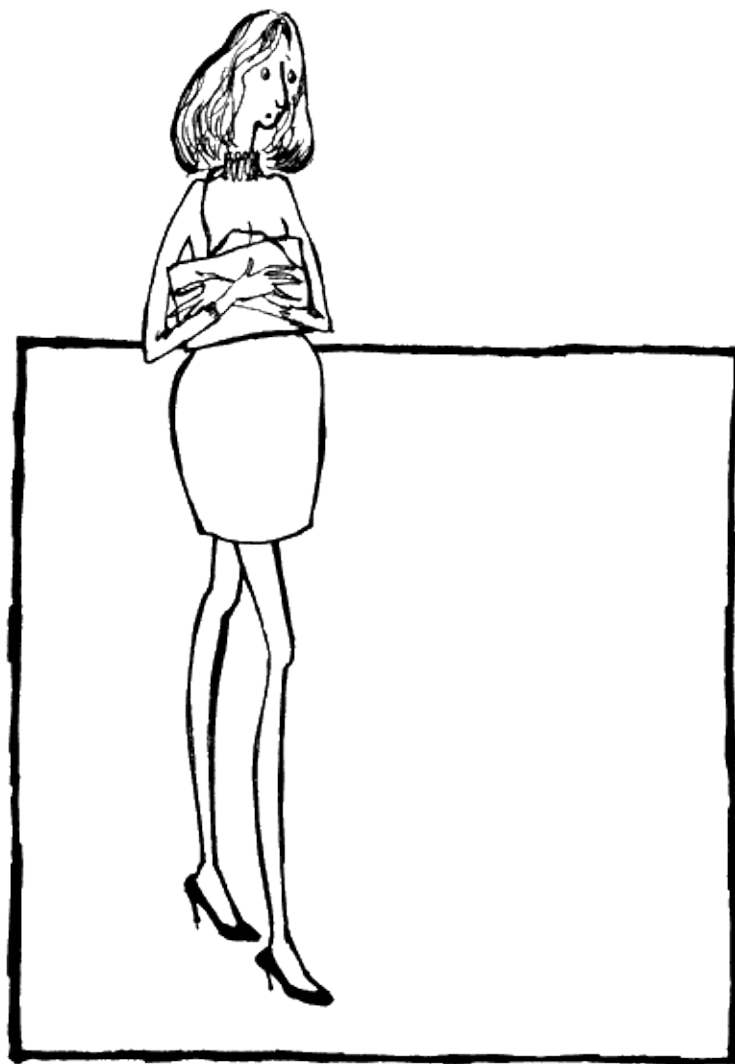
— Не надо рекламы, — промычал увешанный проводами оператор.

— Мы сейчас разговариваем с жертвой ограбления...

— Вообще-то я не жертва, — обиделась Понаехавшая.

— А кто?

— Очевидица.

— Мы сейчас разговариваем с очевидицей ограбления, кассиршей обменного пункта... извините, как вас зовут?

Понаехавшая назвалась. Девушка кивнула. И бойко продолжила репортаж, безбожно перевирая имя и фамилию Понаехавшей каждый раз на новый лад. Ни разу не повторилась!

— В вашем обменном пункте убиты люди! — тыкала микрофоном в лицо репортерша.

— Ранен начальник охраны.

— Смертельно? — оживилась журналистка.

— Не смертельно.

— Ну, это мы еще посмотрим, — не сдавалась репортерша. — Сколько было грабителей? Говорят, что на вас напала целая банда! Они вам угрожали? Может, насильовали? Напугали до смерти? Ранили? Пытали?

Ранили и пытали?

По ходу репортажа подтягивались новые журналисты, они лезли в нос круглыми диктофонами и другими записывающими устройствами, щелкали фотоаппаратами и наперебой сыпали вопросами.

Понаехавшая откровенно страдала. Уворачивалась от фотоаппаратов, делала горестное лицо. К счастью, вскорости подоспели оперативники с Петровки и отогнали прочь всполошенную телевизионную братию. Следом подъехали банковские работники, впереди летела О. Ф. с недокрашенным глазом и большим темным пятном на юбке — накладывала макияж и пила кофе, да так и подорвалась, поднятая тревогой, опрокидывая на себя все, что было под рукой.

Пока она ощупывала подчиненную на предмет повреждений, оперативники споро обсыпали обменник специальным порошком, сняли все отпечатки и опечатали помещение. Потом загнали случившихся на пути грабителя работников «Интуриста» в машины и повезли на Петровку — брать свидетельские показания и составлять фоторобот.

— Вся надежда на вас, — твердили они, — потому что, если это какой-нибудь залетный преступник, очень сложно будет его без фоторобота поймать. Поэтому мы сейчас разобьем вас на группы по два человека и будем составлять его портрет. А потом сверим полученные данные и придем к общему знаменателю.

До позднего вечера восемь групп очевидцев ограбления, напряженно восстанавливая в памяти цепь событий, нашептывали оперативникам приметы преступника. Сильно расстраивалась работница гостиничной химчистки — когда преступник пробежал мимо, она возилась с бельем, поэтому ничего, кроме топота ног, изобразить не могла.

На выходе у следователей получилось восемь диаметрально противоположных по внешности фотороботов. Настолько противоположных, что прийти к общему знаменателю не представлялось возможным. Попытка как-нибудь сблизить версии чуть не привела к мордобою: одни очевидцы утверждали, что это был высокий темноусый кавказец, другие — что гыкаящий житель Ставрополя, а может, даже Украины, но обязательно голубоглазый и светлокудрый. Третьи были убеждены, что это был маленький тщедушный азиат, потому что характерный разрез глаз и вообще.

Единственное, в чем сошлись все свидетели ограбления, это пол грабителя. Но по одному только полу найти преступника очень сложно. Даже если у тебя под рукой восемь принципиально противоречащих друг другу его портретов.

Конечно же, дело заглохло.

Сергей Владимирович вскорости поправился и с триумфом вернулся на работу.

Интуристовское начальство подсуенилось и наконец-то вооружило охрану.

На этой почве в гостинице более не случалось никаких ограблений.

Зато хранить бутерброды теперь стало категорически негде.

Тревожная кнопка

Однажды в обменнике решили провести сигнализацию. Буквально сразу после памятного ограбления. Буквально по горячим следам. Спустя каких-то полгода.

Банковское начальство сделало над собой усилие и таки выделило энную сумму на безопасность своих кассиров. И в торжественной обстановке, чуть ли не под фанфары, вручило О. Ф. конверт с деньгами.

Закаленная в битвах с начальством О. Ф. тут же распечатала конверт, пересчитала деньги и подняла невероятный хай.

Либретто:

а) за такие гроши можно дать только бесплатное объявление в рекламной газете, и то на последней странице и неразборчивым шрифтом;

б) если начальство настолько уверено в своей калькуляции, то пусть само и подыскивает охранное агентство;

в) а она, О. Ф., умывает руки!

Банковское начальство какое-то время наблюдало, «как выплакивалась скрипка, без слов, без такта», ^[3] а потом выставило О. Ф. за дверь, не забыв пнуть вслед распечатанным конвертом.

Расстояние от Петровки до Тверской разъяренная О. Ф. покрыла за рекордные пять минут. Ворвавшись в обменник, первым делом наорала на подчиненных.

— Урою всех на хуй, ясно? А не ясно, так можете быть свободны! Пиздуйте на все четыре стороны, тут вас никто не держит! — изрыгала она дым и пламя, всячески показывая, как сильно расстроена за своих девочек.

Девочки (Понаехавшая унд Добытчица Наташа) часто моргали и тревожно улыбались, но не прекращали обслуживать клиентов.

Предупрежденные о диких московских нравах интуристы зигзагом подбегали к обменнику и, наспех разменяв деньги, тем же боевым зигзагом удалялись в нумера. Вопли О. Ф. они стойко игнорировали, а на кассиров глядели, как на страдающих стокгольмским синдромом заложников.

Спустя какое-то время О. Ф. уgomонилась, неистово поела хлеба и колбасы и, придя от этого в благостное расположение духа, зачитала вслух статью об урюпинской бабке, которая отваром зверобоя и заговорами вылечила мэру города стригущий лишай и косоглазие. Подстегнутая светлым примером бабки, О. Ф. окрылилась и принялась обзванивать охранные агентства.

Через три дня в обменник явились два молодых человека, приладили кругом какой-то подозрительно скворчащий провод, увенчали его странной конструкцией из деревянной панели с прибитым к ней обычным дверным звонком и поставили эту панель под ноги кассирам.

— Вы аккуратнее, а то заденете — тут же приедет группа быстрого реагирования. Ясно?

— Это что такое? — возмутилась Добытчица Наташа. — Это как понимать? Это и есть тревожная кнопка?

— Скажите спасибо, что за те гроши, которые вы нам платите, мы вообще согласились с вами работать! — оскорбились молодые люди.

В тот злосчастный день группа быстрого реагирования выезжала в «Интурист» аж четыре раза. В первый раз она скрутила гостиничную уборщицу, которая пылесосила ковровые дорожки в обменнике и нечаянно задела тревожную кнопку щеткой. Далее она нагрянула через две секунды после того, как Понаехавшая уронила на кнопку степлер. А потом Наташа смахнула на тревожную конструкцию бутылку с питьевой водой, полезла ее поднимать, а когда вынырнула из-под стола, то в окошке ее уже поджидали три пары побелевших от бешенства глаз.

— В следующий раз пеняйте на себя, ясно? — ласково предупредила группа быстрого реагирования.

— Ясно, — пискнули кассирши.

Четвертый выезд группы быстрого реагирования случился аккурат в пересменку, когда Добытчица Наташа рассказывала Бедовой Люде о тревожной кнопке. На словах: «Вы только осторожнее с этой штукой» — Бедовая Люда уронила на кнопку инкассаторскую сумку.

— Бежим! — крикнула Добытчица Наташа и рванула в сторону станции метро «Охотный Ряд». Следом, на ходу натягивая куртку, летела Понаехавшая. Отбежав на безопасное расстояние, они с ужасом наблюдали, как в гостиницу врываются совершенно обезумевшие от ложных вызовов

боевые командос.

Предупреждение: взбешенная ложными вызовами группа быстрого реагирования по опасности ничем не уступает залетному грабителю!

Настя

Однажды в обменнике работала девочка Настя, и была она такой необыкновенной красоты девочкой, что даже уличные фонари оборачивались ей вслед. Поэтому на работу Настя не красилась. Совсем. И одевалась черт-те как. Потому что если такую красоту еще и подчеркнуть да приодеть, то это вообще мировой катаклизм и амок на подступах к одному отдельно взятому обменнику.

Но однажды у Насти случился день рождения, и она, совершенно не подумавши, накрутила волосы в пышную прическу и надела платье с глубоким декольте. И в таком необдуманном виде явилась на работу.

Сначала Настю чуть не побили гостиничные жрицы любви. Потому что ни одна уважающая себя жрица не станет терпеть столь возмутительную красоту в ареале своего обитания.

Потом Настя в таком вызывающем виде — сверху ресницы, ниже — вырез до пупа, а далее ноги, ноги, ноги — нырнула в очередной пожаловавший в гостиницу высокогорный тейп и вынырнула оттуда в сопровождении кавалера Джамбулата.

— Женюсь! — выдохнул Джамбулат и галантно щелкнул желваками.

— Только этого не хватало, — покрылась мурашками Настя и припустила галопом к обменнику.

Кавалер неотступно следовал за ней.

— Никуда ты от меня не денешься! — периодически подбадривал он свою жертву.

— Мама! — прибавляла газу Настя. — Скажи ему, чтобы отстал от меня, — ворвавшись в обменник, потребовала от Понаехавшей именинница.

— Кому ему?

— Ему! — Настя поддела ногтем полоску жалюзи и показала на

гарцующего в нетерпении абрека.

Понаехавшую чуть кондратий не хватил. В голове молнией пронеслись скудные знания о быте и обычаях народов Северного Кавказа. «Имам Шамиль и кровная месть» — вспомнила она и попыталась упасть в обморок.

— Ну чего ты боишься? — возмутилась Настя. — Он ведь тоже с гор!

— Да, но он как бы немного с других гор! И потом, он же не обычный человек! Он «крыша»!!!!

— Какая разница! Умоляю, скажи ему! Ну хоть что-нибудь скажи! — И Настя, вытолкнув Понаехавшую из обменника, захлопнула за ней дверь.

— Ассалам алейкум, — выдохнула Понаехавшая и предательски забегала глазами. На этом весь ее запас северокавказских слов иссяк.

— Алейкум ассалам, — оживился Джамбулат.

— Как там? В горах? Кхе-кхе (*идиотский смех*).

— Нормально, не жалуемся.

— Как мама? (*Боже мой, что я несу?!*)

— Спасибо, хорошо.

— Вам наша девушка понравилась. — Понаехавшая с напускной небрежностью повернулась к обменнику и оцепенела — из-под полоски жалюзи на нее глядели три пары вытаращенных глаз — Добытчицы Наташи, Гали и собственно виновницы торжества Насти.

Понаехавшая громко сглотнула.

— Наша девушка просила передать, что встречаться с вами не может. У нее муж. И любовник. Так что третьего мужика уже не потянет. — И, собрав губы в куриную жопку, она скорбно затрясла головой.

Джамбулат какое-то время молча изучал ее с ног до головы.

— Я смотрю, вы там все на голову ебанутые, — кивнул он в сторону обменника.

— Ага! — обрадовалась Понаехавшая.

— Ну так бы и сказала, — обиделся Джамбулат, повернулся на каблуках и ушел прочь, что-то невнятное бубня себе под нос.

— Как ты его отшила? — спросила Настя, когда Понаехавшая, уняв тремор в чреслах, вползла в обменник.

— Сказала, что у тебя муж и любовник. А третьего мужика ты не потянешь.

— Ты что? Совсем на голову ебанутая?

— А что мне оставалось делать?

С того дня Понаехавшую в обменнике ласково называли Дипломат Ебанько. Наменяя на ее «выдающиеся» дипломатические способности

загасить любое межнациональное недопонимание на корню.

Вывод: *делай добро — бросай в воду. Точно не потонет*
(исковерканная армянская поговорка).

Глава пятая. Переезд

Через год скандалов, шантажа и других ледящих душу трепыханий О. Ф. таки добилась своего — банк совершил над собой очередное калькуляционное насилие и выделил некую сумму на новый, бронированный обменник.

— Ни в чем себе не отказывайте, — напутствовал банк.

О. Ф. рьяно взялась за дело. Но обзвон фирм, занимающихся оборудованием обменников, умерил ее пыл — выданных денег явно не хватало.

На требование увеличить субсидии банк ответил отказом и пригрозил увольнением всего строптивного обменникова коллектива. О. Ф. обматерила скупое начальство до седьмого колена и ринулась действовать в рамках строгой экономии.

В результате «Интурист» получил сокрушительное по монументальности помещение — новый обменник представлял собой железный, несколько облагороженный рельефными металлическими пластинами, наглухо спаянный контейнер. Если старый можно было проветрить методом отодвигания фанерного потолка, то новый на такие уступки не шел. Зато мог похвастать незыблемой, как у гранитного постамента, монолитностью.

Единственные сантименты, которые позволило себе новое помещение, — это два смахивающих на бойницы узких окошка. Теперь, чтобы попросить у клиента паспорт, нужно было податься к нижнему краю бойницы и, вытаращившись, глядеть куда-то вверх. Окна были затянуты несколько затуманенным бронированным стеклом, поэтому отныне все клиенты были на одно лицо. И на один неопределенный пол.

Так как на специальную дверь средств не хватило, пришлось ограничиться обычной железной, которая с душедробительным лязгом распаивалась наружу и запиралась на ужасающих размеров амбарный ключ. Фактически, из всех требований Центрального банка о капитально встроенном помещении с обязательно бронированными окнами и дверью, вытяжкой, пожарной и охранной сигнализацией был выполнен только один пункт — бронированные окна.

И на том спасибо.

Дабы не пугать приезжий люд маргинальным видом обменника, его переставили ближе к выходу. Теперь он высился возле стойки такси и

таращился своими мелкими близорукими глазками на другой борт ресепшн. Зимний сад с кафе «Осборн», любимым местом посиделок как постояльцев, так и гостей с улицы, остались далеко позади. Впрочем, отдаленность от зимнего сада девочек не расстраивала. В любое время года там роились совершенно отвязные комары, они залетали под передвинутый для проветривания потолок и ели поедом все живое на своем пути.

Новое место дислокации радовало глаз широким обзором — теперь девочки видели боковой уставленный двухместными диванчиками узкий коридор. Этот коридор облюбовали гостиничные жрицы любви. После амурных трудов они отдыхали на диванчиках и, покуривая, вели какие-то свои оживленные разговоры. Приводили туда клиентов, чтобы вдали от любопытных глаз торговаться с ними за каждый доллар. Как-то даже устроили шумную свару, с матом, визгом и меткими плевками. Подлетевшая охрана долго разнимала их, переругиваясь в рации. Далее по горячим следам примчалась сутенерша Вера и устроила выволочку всем. Жрицам любви — за безобразное поведение, а охране — за попорченный товарный вид (девочки были изрядно помяты, а у некоторых в процессе потасовки пострадали наряды).

Работать, наблюдая такие батальные сцены, было определенно веселее. Единственное, что расстраивало кассирш обменника, — это утерянная возможность поболтать с Алей, официанткой кафе «Осборн».

Аля была сорокапятилетней женщиной потрясающей красоты. По первости девочки решили, что ей от силы тридцать, а когда узнали настоящий возраст, долго не могли поверить. Это была настоящая русская красавица, такая повзрослевшая сказочная Аленушка — щедрая пшеничная коса, васильковые глаза, распахнутое чистое лицо. Ходила она всегда на каблуках, узкая юбка едва прикрывала колено, кокетливый, туго завязанный фартучек подчеркивал осиную талию. Английским Аля практически не владела, но легко и просто могла найти общий язык с любыми клиентами: и с чопорными, глядящими немного свысока англичанами, и с шумными итальянцами, и с хамоватыми «новыми русскими» — последние при виде светящейся Али подбирали бритые затылки и превращались в истинных джентльменов.

Аля порхала от одного столика к другому, звонко смеялась, хлопала в ладоши, стучала каблучками по выложенному светлой плиткой полу. Называла мужчин «ханни», женщин — «дарлинг». Детей — «эйнджелс», или «крылатый эйнджелс». Выговаривая «крылатый», для наглядности вспархивала руками, словно летала. О. Ф. говорила, что Аля очень похожа на героиню Андрейченко из «Военно-полевого романа».

— Ну, до того, как та превратилась в торговку, помните, какая она была на войне?

— Точно-точно, — кивали девочки. — Очень похожа!

Посетители кафе любили Алю, не скупилась на чаевые. Она часто прибегала к обменнику с просьбой поменять мелкие долларовые купюры на крупные. В благодарность угощала вкусным кофе и правильными берлинскими пирожными, которыми славилась кондитерская «Интуриста».

Рассказывала много интересного о постоянных посетителях кафе.

— Вон, видите того юношу? — И кивала в сторону худенького молодого человека в дорогом пиджаке. — Звать его Даниель, успешный бизнесмен, у него офис на двадцатом этаже. Сидит под самой вытяжкой и пьет ледяную колу. Аж синий весь от холода. Носом хлюпает, но с места не сдвинется. Знаете, почему? Пересядет за другой столик — его из салона мехов не увидят. Он в Олю влюбился, продавщицу из салона. Она, паразитка, носом крутит, а он предпочитает у нее на глазах страдать. Измором берет.

— А вот мой любимый Кокоев, — показывала Аля на высокого импозантного мужчину с серебряной проседью на висках. — Заказывает кофе с виски, выкуривает две сигареты. Недавно с женой развелся, спать разучился. Дома второй месяц не появляется — там все напоминает о ней. Снял на пятом этаже номер, живет в гостинице. Утверждает, что засыпает только после того, как выпьет у нас кофе да немного поговорит со мной. Так что снотворным на пол ставки работаю, — смеялась Аля. — Ладно, я побежала, вон, кто-то столик занимает, а вы попейте кофе да отложите в сторону посуду. Я ее потом заберу.

Подлетала через секунду, строила в окошко смешные гримасы:

— И смотрите у меня, чашки не ополаскивайте! Сама ополосну.

Обменник теперь стоял на отшибе, поэтому прибегать поболтать Аля не успевала. Но исправно меняла мелкие купюры на крупные, хвастала, что за месяц по четыреста долларов набегает. Девочки за Алю очень радовались — хоть она никому не жаловалась, но все знали, что на руках у нее парализованная после инсульта мать, и она из кожи вон лезет, чтобы поднять ее на ноги. Как-то Аля прибежала со счастливыми слезами рассказывать, что мама уже садится в постели, правда с трудом, но без посторонней помощи, а вот речь не восстанавливается, совсем.

— Но мы не сдаемся, даже кубики Зайцева у соседки выпросили, у той ребенок с задержкой речевого развития, а у меня мама, — улыбалась Аля.

— Ты своей любовью даже египетскую мумию поднимешь, что же говорить о родной матери! — дипломатично заметила О. Ф.

Девочки потом долго смеялись, а О. Ф. сердито отругивалась, мол, а что еще остается делать, если подчиненные — сущие пни, утешительного слова не умеют вовремя вернуть.

— Вот и приходится импровизировать на ходу. А импровизация — не мой конек! — бухтела О. Ф.

— Ой-ой, — давились со смеху подчиненные, — не надо скромности, вы сегодня симпровизировали на зависть всем!

Инкассатор Леша

В смутные 90-е самой большой головной болью охранных агентств был набор непьющих отслуживших парней. Ключевое слово — непьющих. Выбирать почему-то обычно приходилось из двух категорий граждан: закладывающих за воротник и закодированных. Другие категории граждан в охранники идти не желали. Инкассатор Леша принадлежал к пьющей категории. Инкассатор Леша был широкоплеч, сероглаз, чертовски красив и вечно пьян.

Так получилось, что Понаехавшей повезло работать в одну смену именно с инкассатором Лешей. Поэтому раз в три дня иностранные туристы наблюдали следующую душевынимающую картину: ранним утром к гостинице подъезжала ржавая насквозь «шестерка» (читай — бронированный инкассаторский автомобиль) и, распугивая пешеходов и прочую городскую живность, чудом притормаживала у тротуара. Далее из машины выбиралась тощая девушка, выволакивала оттуда огромного пьяного детину, напяливала на него бронежилет и прислоняла к ближайшему интуристовскому охраннику со словами: «Подержи, чтобы не упал». Следом она вынимала из машины автомат, вешала его себе на шею, прижимала к груди запечатанную сумку и, подставив плечо могучему Леше, дотаскивала его до обменника.

Оставив деньги в обменнике, она вела Лешу обратно к машине, сажала его на заднее сиденье и со словами: «Шурик, объект сдан», — вручала водителю автомат.

— Объект принят, — рапортовал Шурик и, разгоняя интуристов страстным кряхтеньем «жигуленка», отчаливал восвояси.

У читателей может возникнуть закономерный вопрос — а почему Шурик не помогал Понаехавшей с транспортировкой инкассатора Леша?

Дело в том, что согласно внутренней инструкции банка «ВОДИТЕЛЬ

ДОЛЖЕН БЫЛ НЕОТЛУЧНО НАХОДИТЬСЯ В АВТОМОБИЛЕ ВО ИЗБЕЖАНИЕ». Точка. Во избежание чего — не знал никто. Во избежание, и всё тут. И Шурик неукоснительно выполнял инструкцию.

Инкассатор Леша уволился через три месяца. Нашел себе место престижнее. Теперь он работал в службе охраны большой нефтяной компании на букву «Эл». А на его место взяли закодированного и поехавшего от этого крышей инкассатора Игоря, который совсем не пил, но непрерывно рассказывал. О том, что лично устроил Березовского в Кремль, что у него двадцать восемь счетов в швейцарских банках и что недавно ему звонил Ельцин и предлагал место в своей охране.

— Но я не пофел, — говорил Игорь, — да ну его, этого фебутного Ельцина. Он много пьет, а я таких людей на дух не перенофу.

Понаехавшей ничего не оставалось, как горько вздыхать и смотреть в окно. Она скучала по Леше — он был добрый, смешливый, красивый и в редкие минуты трезвости говорил: «Ты такая классная! Будь я подлецом, я бы на тебе женился. А так просто тихо люблю».

И в знак своей любви сгибал подковой очередную кованую пику на решетчатом заборе банка.

Киоск «Интим»

Однажды в гостинице открылся киоск с волнующим названием

«Интим». И Бедовая Люда прибежала оттуда с вытаращенными глазами и радостной вестью, что приглядела себе презерватив в форме слона.

— Как это в форме слона? — всполошился обменник.

— А вот так: обычная резиновая трубочка, а на конце — голова слона. С ушами и хоботом. Представляете, какой эффект?

Люда тут же кинулась набирать мужу.

— Жорик! Готовься! Сегодня вечером нас ждут непередаваемые ощущения!

— Вы что, снова напились? — напрягся на том конце провода Жорик.

— Клянусь, нет! Я присмотрела нам презерватив в форме слона. Не задерживайся на работе, целуууу-ю!

И, заняв у коллег денег, Люда обратно побежала в киоск.

К слову, презерватив стоил немалых по тем временам денег — целых десять долларов. Что составляло пятую часть зарплаты кассира. Но Люде хотелось простого женского счастья и непередаваемых ощущений, и, если кто осудит ее за это, пусть кинет в себя камень.

В час ночи в обменнике раздался телефонный звонок.

— Хуета, — трагическим голосом оповестила трубка.

— Вы, наверное, не туда попали, — поперхнулась Понаехавшая.

— Да туда! Грю — зря я деньги потратила. Та же хуета, только с хоботом. Как не было оргазма, так и нет! — вздохнула трубка и отсоединилась.

Обменник Люде долг за презерватив простил. Обменник не зверь дополнительно травмировать человека при таком трагическом раскладе интимных дел.

Злорадно: а еще говорят, что женской дружбы не существует. Таки нагло врут!

Глава шестая. Огни большого города

Тяжела доля пустившегося в эмиграцию человека, ох как тяжела! Москва — не крохотный высокогорный городок, где вышел из дому на променад и через пятнадцать минут неспешного хода оказался в соседнем селе. Тут, чтобы добраться до соседнего села Санкт-Петербурга, пятнадцати минут будет явно недостаточно.

Москва для приезжего — город одиночества. Тут можно целый день через толпу туда-сюда ходить и ни одного знакомого не повстречать. А ведь иногда так хочется с кем-нибудь словечком-другим перекинуться, радикально прожитое детство вспомнить, опять же о международных делах

поговорить! В Москве так одичаешь среди множества людей, что начинаешь скучать даже о тех, кого в той, доэмигрантской, жизни на дух не переносил. Например — о дяде Сероже из сороковой квартиры. Дядю Серожа все за глаза называют Сабак Серож. И всё потому, что он злой как собака, скандалит по чем зря, а утренние свои пробуждения превращает в сущий Армагеддон. Его жена тетя Анаит рассказывала, что из боязни попасть под горячую руку сама вскакивает за пять минут до мужа и тихо отсиживается в ванной, с замиранием сердца ожидая того момента, когда зазвонит будильник. Будильник дяди Серожа стоит не как у всех нормальных людей — возле кровати, а каждый раз на новом месте. Укладываясь спать, тетя Анаит шепотом его заводила и ходила по квартире, придумывая надежное укрытие. Так оставался хоть какой-то шанс уберечь будильник от озверевшего от ранней побудки мужа.

«Может, — каждый раз с надеждой думала тетя Анаит, — пока мой Серож будет рыскать по квартире, часть паров из него выйдет, и он не разберет часы на щепки?»

Но природа наградила дядю Серожа неиссякаемыми залежами паров. Поэтому, описав в полете красивую дугу, будильник, жалобно тренькнув, успокаивался в каком-нибудь противоположном от места схрона углу, а дядя Серож, извергая проклятия, направлялся в туалет — досматривать прерванный сон. Тетя Анаит за долгую супружескую жизнь приобрела несколько неоспоримых достоинств. Во-первых, научилась прятать будильник в самых внезапных местах. Из нее получился бы неплохой агент разведки. Такие агенты умеют запрятывать разные донесения в самых неожиданных для человеческой логики местах. Например, в булыжниках. Но не будем о грустном, лучше вернемся к достоинствам тети Анаит. Итак, во-первых, в ней погиб великий агент разведки. Во-вторых, тетя Анаит научилась бесшумно и молниеносно двигаться — пока дядя Серож досматривал в туалете сон, она с космической скоростью накрывала на кухне стол. Заварит чаю, нарежет бутербродов, наложит дорогому мужу целую миску каши. Проверит работу будильника. Если он не ходит — заведет запасной, поставит под дверь туалета, укроется в спальне.

Второй звон будильника вызывал у дяди Серожа такую же бурю эмоций, что и первый. Он выскакивал из туалета, добивал часы метким ударом ноги и с ходу залетал в ванную — медитировать под гул бритвенного станка. Как только из ванной доносилось мерное жужжание бритвы, тетя Анаит хватала одежду мужа и раскладывала по маршруту ванная-кухня в нарастающем порядке: сначала носки, потом брюки, далее ремень. Сорочка дожидалась своего хозяина на спинке кухонного стула,

пиджак — на ручке входной двери.

Третий раз заводит будильник тетя Анаит опасалась. Она прокрадывалась в туалет, благо туалет от ванной отделяла достаточно крепкая стена, запиралась на задвижку и принималась осторожно взывать к совести мужа:

— Серож-джан, на работу опоздаешь.

Серож-джан мигом отзывался сокрушительным потоком брани:

— Ес ку маман, ^[4] сука-пилят, молчи, женщина, на одну ногу наступлю, за другую потяну, разорву пополам!

Тетя Анаит отрывала микроскопический кусочек дефицитной туалетной бумаги и промокала вспотевший лоб:

— Серож-джан, помою твои ноги, выпью воду, у тебя осталось ровно семь минут!

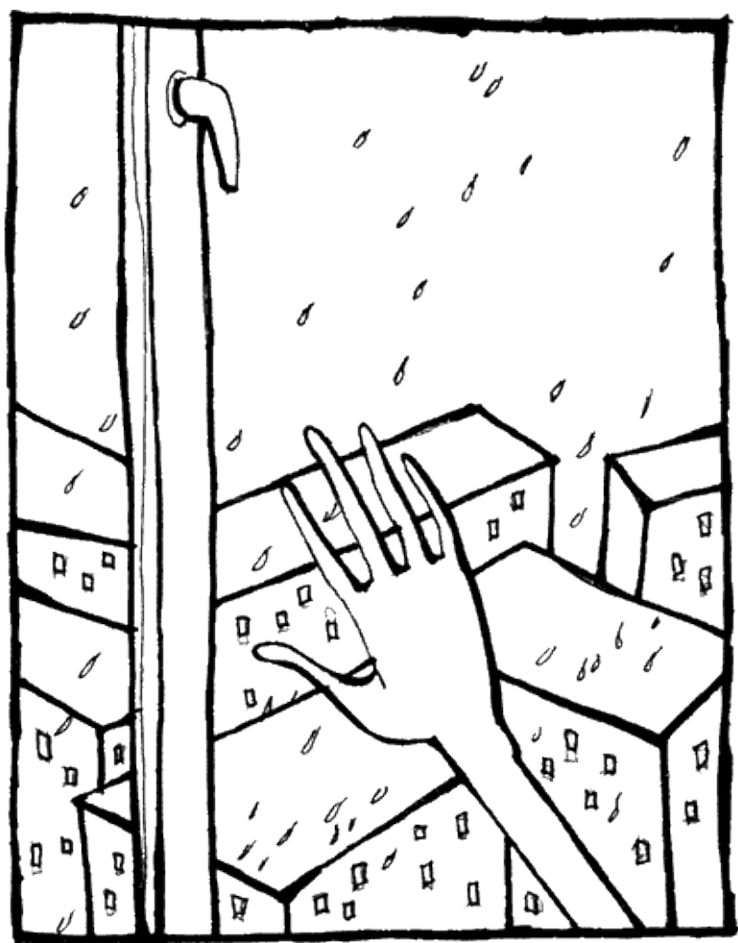
Через семь минут от оглушительного хлопанья входной двери со звоном подпрыгивали в серванте хрустальные бокалы и сыпалась с потолка штукатурка. Тетя Анаит с облегчением выползала из туалета — фух! Пока ее Серож на работе третирует коллег, можно переделать все дела по дому, а потом сбегать к часовщику Жорику, чтобы он починил сломанный будильник. У часовщика Жорика тетя Анаит числится в почетных клиентах и всегда проходит без очереди. Потому что половину дохода часовой мастерской обеспечивает она.

Странное дело, но жители больших городов в целом не сильно отличаются от провинциальных жителей.

И там и там можно встретить как рафинированных начитанных интеллигентов, так и опустившихся горьких пьяниц. Будучи родом из самой что ни на есть глухой провинции, Понаехавшая с удивительной легкостью вычисляла типажи своих земляков в москвичах. Поэтому, обнаружив в соседнем подъезде Тетиполиного дома славянского Сабака Серожа — Степана Дмитриевича, она не особо удивилась. Наоборот — обрадовалась как родному. Хотя никаких положительных эмоций взрывоопасный Степан Дмитриевич вызывать не мог — такой же самодур, как Сабак Серож.

Правда, в отличие от Сабака Серожа, Степан Дмитриевич будильниками не кидался. Зато строил всё живое и неживое в пределах своей видимости с таким остервенением, что, хоть стой, хоть падай. Тетя Поля его люто ненавидела и за глаза называла Иродом. Ирод отличался повышенной морозостойкостью — даже в самые лютые холода жил с

открытыми окнами. Жена Ирода, Татьяна Петровна, ходила по дому в валенках и душегрейке, обмотанная крест-накрест пуховым платком. Аквариум с рыбками в холодное время года приходилось убирать в ванную — во всех остальных комнатах вода в нем замерзала за считанные часы. Аргентинские и мексиканские сериалы, заполонившие телевидение 90-х, Татьяна Петровна смотрела украдкой, потому что Ирод подвергал их жесточайшей обструкции. Иногда, пропустив какую-нибудь серию, она прибегала к тете Поле на утренний повтор. Они распивали чай с яблочным вареньем и, затаив дыхание, наблюдали слезоточивые латиноамериканские будни.

— Вот этот — вылитый твой, — возмущенно хмыкала тетя Поля, указывая на главного злодея сериала, какого-нибудь Луиса Альфредо, на протяжении трехсот серий почему зря третиrowавшего несчастную героиню Хуаниту.

— Не говори! — мелко кивала Татьяна Петровна и, горько вздыхая,

аккуратным движением поправляла выбившуюся из-под простенького гребня прядь волос. Понаехавшая замирала в изумлении — в такие минуты Татьяна Петровна до боли напоминала ей бедную жену Сабака Серожа тетю Анаит.

Галя

Однажды в обменнике работала девушка Галя, и это был полный звездец.

Потому что Галин муж Петя с какой-то радости решил, что его супруга, этот лысый мешок костей (цитата), эта фригидная кобыла (цитата), эта мандрена вошь (цитата), только и делает, что изменяет ему с каждым заезжим интуристом.

Петя завел себе привычку просачиваться в гостиницу и, окопавшись в зимнем саду, бдительно инспектировать окрестности обменника. Периодически (и всегда неожиданно) он возникал в окошке и выкрикивал туда разные бессвязные речи.

— Покажи! — взывал он протяжно. — Покажи, мандрена вошь, или мало не покажется!

— Что показать? — пугалась Галя.

— Всё покажи! — пузырился очами Петя. — Всё! Вспоминай! — выныривая откуда-то снизу, клочкотал в лоточек для передачи денег Петя. — Галина Сергеевна, фригидная ты кобыла! Ну-ка вспоминай, что ты забыла!

— Что я забыла?

— Нет, ты вспоминай, вспоминай! Мало ли что ты еще могла забыть!

Петино экспрессивное поведение пугало не только Понаехавшую. Часто возле стойки ресепшн, расположенной аккуратно напротив обменника, можно было наблюдать группы англосаксов, финно-угров или каких других тевтонцев, оторопело взирающих на лихорадочные Петины метания.

— Was ist das?^[5] — удивлялись непривычные к местным брачным играм европейцы.

— Кому угодно даст! — с готовностью откликался Петр.

Очень скоро интуристовской охране надоели Петины выходки, и она перестала пускать его в фойе. И вся гостиница теперь нервно вздрагивала, натываясь на распластаный по стеклянной перегородке холла активно страдающий экстерьер Петра.

Галина уволилась через месяц. Февраль в том году выдался морозным,

и хладнокровно наблюдать примерзший к стеклу анфас бедового мужа ей не позволила совесть.

— Хоть и debil, но свой, — говорила она на прощание, обнимаясь по очереди с расстроенными коллегами.

Совет: возьмите эту фразу на вооружение. Очень укрепляющая семейные узы фраза.

Трепетная Наталья

Однажды в обменнике работала девушка Наталья, нежный такой бутончик, юная и не замутненная активной мозговой деятельностью особа. В анамнезе Наталья имела неудавшийся брак и отчаянную попытку увода из семьи владельца ярко-красного «Ауди» бизнесмена Вазгена. Попытка закончилась плачевно — к Натальиной квартире явилась ширококозадая Вазгенова жена и истово покрошила обивку двери в мелкую лапшу.

Наша героиня наблюдала эту леденящую душу картину из соседней квартиры — зашла к соседке попить кофейку, хорошо, что перед выходом глянула в дверной глазок. И минут десять Трепетная Наталья и соседка Валя по очереди наблюдали, как эта сумасшедшая Ашхен кромсает дверь длинным кухонным ножом. Вдруг Валя не выдержала и громко чихнула. Ашхен словно этого и ждала — она резво подскочила к Валиной двери и с вызовом крикнула в глазок: «Передайте этой суке, что если она не отстанет от моего мужа, то я и ее порежу! Ясно?»

— Ясно, — неожиданно для себя проблеяла Валя.

— Ты чего? — зашипела Наталья и пребольно пихнула Валью в бок.

Валя сделала круглые глаза и кивнула на дверь. Наталья боязливо прильнула к глазку — мало ли что еще могла выкинуть эта ненормальная Ашхен! Но лестничная площадка была пуста, сделав свое черное дело, соперница покинула поле боя.

— Пришлось обивать дверь дерматином, разве это дело? — кручинилась Наталья и с претензией глядела на Понаехавшую.

Понаехавшей было очень стыдно за безответственное поведение соотечественника Вазгена и горячность его жены, она мелко трясла головой и делала успокаивающие пассы руками.

За время работы в обменном пункте ей пришлось краснеть также за бригаду дяди Рубика, которая так удачно положила линолеум в коридоре ее начальницы О. Ф., что высота потолков резко сократилась с 270 до 245 см, и все благодаря пузырям, которыми пошел линолеум.

Также Понаехавшей пришлось краснеть за жрицу любви Зою, которая пыталась сбегать в обменник 200 фунтов стерлингов какой-то неопознанной державы, настаивая на том, что это английские деньги, а, столкнувшись с яростным сопротивлением, обматерила Понаехавшую на чистом армянском. Чем ввела свою землячку в непродолжительный, но сокрушительный ступор.

— На каком это языке она ругалась? — оживились коллеги по обменному делу.

— Не знаю, на каком-то восточном, — густо покраснела Понаехавшая.

Наблюдение: *накосячит горстка идиотов — а доказывать, что она не верблюд, целой диаспоре!*

Глава седьмая. Тетя Поля и ее окружение

У каждого гостя столицы свой список квартирных хозяев, у которых ему приходилось снимать жилье. Понаехавшая слышала на своем веку немало леденящих душу историй о нерадивых постояльцах и не менее нерадивых хозяевах. Одна ее знакомая смешно рассказывала, что, пока они с мужем были на работе, к ним на съемную квартиру заявлялась квартирная хозяйка и подъедала все припасы. Все, что не подъедала, — уносила с собой. Пришлось им через месяц съезжать, потому что вся зарплата уходила в бездонный желудок хозяйки. Другая знакомая рассказывала о своем печальном опыте сдачи жилья иностранцам. Приезжие господа вселились в чистенькую квартиру и буквально по горячим следам превратили ее в птичник.

Оказывается, они занимались запретным бизнесом: ловили в России хищных птиц — сапсанов, ястребов — и перевозили их в Арабские Эмираты. Квартира служила эдаким перевалочным пунктом. Через месяц явившаяся за деньгами хозяйка застала у себя невообразимый бардак — мебель была сдвинута в угол, а вдоль стен стояли большие железные клетки, густонаселенные разной летающей живностью. Убираться за птицами никто не собирался, поэтому весь новенький ковролин был забрызган обильным, едко пахнущим пометом. Новые светло-бежевые обои были изодраны в хлам. Видимо, скучающие в клетках птицы развлекались тем, что тренировали свои клювы и когти на стенах.

Таких вселенских страстей на пути Понаехавшей не приключалось. Она снимала комнату у Полины Михайловны — двоюродной тети маминой однокурсницы. Тете Поле было семьдесят три. Но выглядела она от силы на пятьдесят пять, и то если сильно придираться. Высокая, статная, ухоженная, вся из себя красивая, она ходила с гордо выпрямленной спиной, откинув немного назад голову в светлом нимбе аккуратно уложенных выющихся волос.

Ухажеров у тети Поли было хоть отбавляй. Целых три штуки. Первый ухажер звался Максимом Петровичем. Жил он в Краснодарском крае, бывал в Москве наездами, когда раз в месяц, когда чаще. Максим Петрович занимался продажей мяса — привозил из Калмыкии баранину и реализовывал на рынках. Баранина, к слову, была отменная, вся партия раскупалась за считанные часы. Но Максим Петрович не спешил возвращаться в свою казацкую станицу, к семье. Он задерживался в Москве

на неделю, жил у тети Поли, называл ее ласково Полюшкой и страстно за ней ухаживал — дарил гроздь бананов, духи «Дзинтарс», подавал в постель витиеватые завтраки из кружевных блинов с малиновым вареньем, в чашке чая плавала искусно вырезанная из лимонного кружочка звезда. На обед жарил картошку с салом и чесночком, мясом Максим Петрович признавал только свинину, и, хотя сам торговал бараниной, никогда ее не ел — не нравился специфический вкус. Поэтому привозил с собой несколько килограммов домашней свинины и туго забивал морозилку Тетиполиного холодильника. Так что в его приезд на обед была непременно жареная картошечка с салом и чесночком и обязательное мясное — котлеты или какое другое жаркое. На ужин подавалось что-нибудь легкое навроре макарон и опять неизменное мясное — буженина собственного приготовления или домашняя колбаса.

Буженину Максим Петрович делал по старинному казацкому рецепту — дно кастрюли застилал слоем хорошо промытой луковой шелухи, на шелуху укладывал большой кусок бескостного мяса, сверху покрывал вторым слоем луковой шелухи. Заливал холодной соленой водой и ставил на средний огонь. Когда вода закипала, он шумовкой аккуратно снимал пенку, убавлял огонь до крохотного и оставлял вариться до готовности. Потом, когда бульон полностью остывал, Максим Петрович выкладывал мясо на дуршлаг, чтобы стекла лишняя жидкость, натирал чесноком и красным перцем, заворачивал в фольгу и убирал в холодильник на сутки. Буженина получалась сочной, невероятно вкусной и просто таяла во рту.

Домашней колбасы Максим Петрович привозил несколько больших кругов. Колбаса ядрено пахла чесноком и крупномолотым перцем, Максим Петрович кромсал ее щедрыми кусками, инкрустировал полукольцами репчатого лука и дольками маринованных огурцов. Лук заранее нарезал тонкими полукольцами, посыпал крупной солью и оставлял на минутувторую.

— Чтобы пустил слезу, — объяснял.

Тетя Поля была на седьмом небе от счастья — она тихо шуршала рядом, готовила жидкие овощные супчики, натирала яблоки или шинковала капустку — на салатик, надо же было как-то уберечь свой изнеженный столичный желудок от ковровых бомбардировок сытной южнорусской кухни! Максим Петрович салатки кушать отказывался наотрез, пренебрежительно называл силосом и отставлял от себя тарелку брезгливым жестом растопыренных пальцев.

Понаехавшую он по первости принял настороженно (знаем мы этих кавказцев!), потом, узнав об армянских ее корнях, смягчился, а уж когда

про русскую бабушку прослышал — так и вовсе лицом оттаял.

— Ты бы сразу сказала, что в тебе архангельская кровь течет. Прабабка моя была родом из Архангельска, так что мы с тобой в некотором роде земляки!

— Вот и славно, — вздохнула с облегчением тетя Поля.

— Вот и славно, — пискнула Понаехавшая. Она немного побаивалась Максима Петровича, его встопорщенных залихватских усов и непринужденного мата. Мат у Максима Петровича лился безудержной рекой, буквально через слово, контуженная таким щедрым лексиконом Понаехавшая судорожно глотала и поминутно переводила встревоженный взгляд на тетю Полю. Тетя Поля успокаивающе улыбалась, а потом, улучив момент, шепнула: «Ты его мата не пугайся, крепкий русский мужик без мата, что баба без месячных, понятно тебе?»

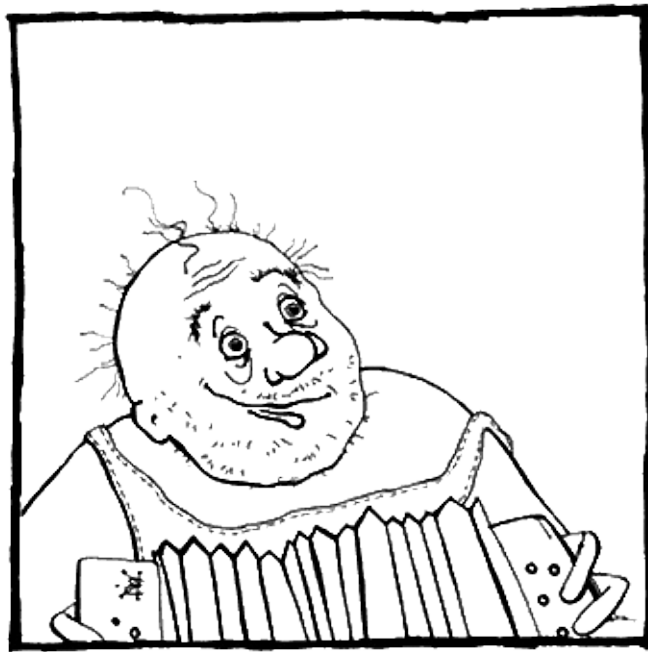
— Понятно, что ж тут непонятного? — поспешно согласилась Понаехавшая. Максим Петрович напоминал ей гоголевских персонажей, тут же рисовались в воображении сладкие и страшные вечера близ Диканьки, крупная, треснутая по выпуклому боку черешня на глиняной миске, остроносые черевички на атласной подкладке, кузнец Вакула — могучий, хмельной, да Солоха с затейливо повязанным вокруг головы платком.

Тетя Поля была прихожанкой храма Державной иконы Божьей Матери, что на Чертановской, и в приезд Максима Петровича гордо ходила в сопровождении кавалера два раза в день на службу, на утреню и вечерню, мимо своих застывших соляными столпами одиноких подружек, особенно мимо пучеглазой Валентины Ив-ны, бывшей монахини, которую боялась до трясучки и в остальные, одинокие, периоды своей жизни слушалась беспрекословно. Но с приездом Максима Петровича и на Тетиполиной улице случались праздники непослушания, в такие дни Валентина Ив-на провожала ее тяжелым немигающим взглядом, сердито скрипела редкими зубьями, но молчала — да и что скажешь поперек такого видного мужчины?

Уезжал Максим Петрович ранним воскресным утром, тетя Поля несколько дней переживала расставание и, дождавшись вороватого звонка с Краснодарского почтамта, принималась сладострастно жаловаться в трубку на свое одиночество. Но Максим Петрович эти жалобы пресекал твердыми обещаниями вернуться к концу месяца, ну и ладно, вздыхала в трубку тетя Поля, ловя в зеркале свое отражение и кокетливым жестом поправляя заколку в волосах, ну и ладно. В большой комнате тикали настенные часы, на кухонном окне вытянулось алоэ, в телевизоре шел сериал про бедную

просто Марию.

Ухажер номер два звался гармонистом Ильей Сергеевичем. Периодически, когда погода располагала к прогулкам, тетя Поля созванивалась со своими подругами-пенсионерками, наводила марафет (пудра, помада, несколько капель духов «Дзинтарс») и, вся из себя нарядная (белая крахмальная блузка, тонкий вязаный жакет, босоножки на небольшом каблукке, нарядный платочек на плечах), отправлялась гулять в парк. Они ходили нарядной стайкой, шумно, перебивая друг друга, разговаривали за жизнь, вспоминали свою многолетнюю работу на АЗЛК, Илья Сергеевич, тоже бывший коллега, весь обвешанный сумочками и гармонью, терпеливо плелся следом. В женский разговор он не вступал принципиально, берег нервную систему.

Утомившись моционом и воспоминаниями, подруги усаживались где-нибудь в тенечке и под аккомпанемент обиженно фырчащей гармони перепевали репертуар Клавдии Шульженко и Людмилы Зыкиной. Илья Сергеевич был любезен со всеми дамами, но выделял все-таки тетю Полю — садился всегда напротив и, залихватски оттопырившись локтем, наигрывал на гармони, не отводя взгляда от ее раскрасневшегося лица.

Тете Поле было приятно внимание Ильи Сергеевича, она розовела от волнения, водила в такт песни плечами и, закатывая глаза, солировала в «Синеньком платочке». Подруги ревниво следили за влюбленными очами

Ильи Сергеевича, выводили параллельные рулады, пытались оттянуть на себя часть его драгоценного внимания. Но гармонист был непреклонен — из всей стайки бывших наладчиц АЗЛК он выделял только тетю Полю, да так и играл — только для нее. Это был платонический роман — Илью Сергеевича дома ждали сварливая жена, два взрослых женатых сына, две внучки, старая собака Варешка и черепаха Гвидон. Тетя Поля к тихому обожанию Ильи Сергеевича относилась с пониманием, благосклонно улыбалась в ответ, изредка позволяла проводить до подъезда. Но ничего более, ничего!

Третий Тетиполин ухажер звался Геннадием Васильевичем.

С Геннадием Васильевичем вышла совсем смешная история. Однажды, вернувшись после работы домой, Понаехавшая застала тетю Полю в коридоре — нахохлившись, руки в боки, она нависла грозовой тучей над телефонным аппаратом и сверлила его суровым взглядом.

— Что-то случилось? — испугалась Понаехавшая.

Тетя Поля не успела ответить, как в следующий миг телефон зазвонил.

— Алё! — крикнула она в трубку. — Алё!

Далее, пока Понаехавшая переодевалась, тетя Поля вела страстные переговоры с таинственным собеседником:

— Ну, здравствуй! Давно не звонил (сварливо). Мне что, делать нечего — по тебе скучать? Ну... Ну... Врешь ты все (зарделась). Говорю — мели Емеля! В гости? Не пойду, и не проси. А на что ты мне сдался? Небось на старости лет некому за тобой ухаживать, вот и звонишь. Мне Нинка говорила, ты и ее к себе в гости звал (ревниво). Вот и звони ей!

Повернувшись к зеркалу, изучает свое отражение.

— Ага... Небось и Нинке так заливаешь! Бессовестный ты, вот ты кто. Мое тебе последнее слово — бессовестный ты. Все, кладу трубку. Все, говорю! Ага. Ну. Ага! Зачем мне к тебе в гости, мне и у себя неплохо. Ну заливаешь (зарделась). Не знаю. Говорю — не-зна-ю! Может, и приду. Завтра? Может, и завтра, а может, через неделю. Мне не к спеху. Говорю — мне-не-кспе-ху! Глухой, что ли? Что? Что-о-о??? Бессовестный ты, вот ты кто, понял? Не звони мне больше. Все, кладу трубку.

Положила аккуратно трубку. Подняла, послушала гудки. Возмущенно хмыкнула. Пройшла на кухню, села за стол.

— Сделать вам чаю?

— Нет, спасибо, не хочу.

— Обидел он вас?

— Да надоел он мне! Все звонит, все в гости зовет.

— Хороший мужик?

— Хороший, ага, семьдесят восемь лет! (Самой семьдесят три.)
— Почему бы не сходить в гости?
— А чего мне к нему ходить?
— Не изнасилует же!
(Смеется.)
— Да он инвалид одноногий! В нем сил, как в дите малом!
— А что же тогда так неласково с ним обошлись?
— Да жулик он, вот он кто! Говорит — Поля, ты мне нравишься, красивая такая (зырк глазом в зеркало).
— Ну вы ведь и впрямь красавица! Здесь он не врет.
— Врать-то, может, и не врет, а вот жулик он. Не пойду к нему!
(Твердо.)
— А что так?
— Я думала, от всего сердца зовет, а он, как узнал, что приду, говорит — возьми колбаски, дарницкого полбуханки и пол-литру. Что я — глупая на него тратиться? Ему же пожрать охота, пенсию небось пропил, теперь в гости зовет. А я-то думаю, чего это он к концу месяца всегда звонит, то мне позвонит, то Нинке! Она, дура, радуется, а я его вмиг раскусила. Жулик он, вот он кто!
Встала, пошла к себе, возмущенно бормоча под нос. Зазвонил телефон. Кинулась со всех ног поднимать трубку.
— Алё! Алё! На, это тебя (разочарованно).

Крем для эпиляции

Все началось с того, что Бедовой Люде какая-то интуристка подарила крем. Положила на лоточек для передачи денег тюбик и улыбнулась:

— Present for you. ^[6]
— Тейк ит изи, — отозвалась Люда удачно всплывшей в памяти строчкой из какой-то песенки.
— Ты сама-то хоть поняла, что сказала? — фыркнула Понаехавшая.
— Не нагнетай, — отмахнулась Люда. — Лучше переведи, что это такое.
Понаехавшая какое-то время внимательно изучала инструкцию.
— Это крем для эпиляции. Для интимных мест.
— Для каких мест?
— Подмышки, зона бикини. — Понаехавшая осторожно открутила

крышечку и понюхала крем. — Смотри-ка, пахнет малиной!

— Вау! — по-иностранным обрадовалась Люда. — Приду домой — первым делом обработаю зону бикини!

Крема в тубике было всего ничего — практически на одну процедуру. Но Люду это не остановило. Тем же вечером она протестировала его и осталась невероятно довольна результатом.

А далее Люда поступила как истинная побывавшая двумя ногами в совке леди — собрала использованный крем в баночку и убрала в холодильник. До повторного, так сказать, востребования.

Только до повторного востребования дело так и не дошло. Потому что следующим утром на крем напоролась Людина подслеповатая свекровь Серафима Петровна.

— Вот бядина! — сделала боевую стойку она. — Сама жреть, а мне не дает. Что это может быть? Пахнет-то как вкусно. Ажно малиной! Как пить дать ёхурт!

И, пока Люда чистила зубы и наводила марафет, Серафима Петровна мстительно съела несколько ложечек «ёхурта».

— Итить твою мать! Чегой-то туда добавили непонятного. Не разжевать, да и горчить! — давилась Серафима Петровна, но от поставленной задачи — во всех смыслах уесть сноху — не отступала.

Люда дико обрадовалась, когда застала свекровь с остатками крема на усах. «Вот оно, спасение», — подумала она. Но следом закопошилась совесть, и Люда, попутно крикнув мужу: «Жорик, неси воды, твоя мать наелась яду!» — поволокла свекровь в ванную.

Серафима Петровна бойко отбивалась и брызгала матом, но благоразумно дала себя скрутить и напоить двумя литрами воды. Потом она поохала, несколько раз натужно рыгнула и с горя легла спать.

— Который день покакать не может, — рассказывала коллегам Люда, на автомате меняя валюту. — И главное, пилит и пилит. Мол — это все ты, это твои волосы мне «сток забили».

— Так купи ей вантуз! — давились от хохота девочки и утирали выступившие слезы справками строгой отчетности формы Ф. № 377.

***Предупреждение:** не все то ёхурт, что в холодильнике стоит.*

О. Ф. и трудности перевода

Однажды О. Ф. изъявила желание изучать иностранные языки.

— Будешь учить меня английскому, — обрадовала она Понаехавшую.

— Хорошо.

— Как будет по-английски... ну, не знаю, например, «как дела»?

— «Now are You», — решила блеснуть британским произношением Понаехавшая.

— По-человечески скажи! По-нашему, по-русски! — рассердилась О. Ф.

— Хау ар ю.

— Хауайу. Звучит как «хуею». Это я легко запомню.

— Ну да, хм.

— Здороваться как?

— Это не так просто будет запомнить, — заволновалась Понаехавшая. — Если здороваетесь утром, то — «good morning», если днем, то...

— Так! Эти мудёрлинги засунь себе знаешь куда?

— Знаю, — сверкнула эрудицией Понаехавшая.

— То-то. Придумай что попроще!

— Можно сказать «хелло»!

— Ну! А то выёбываешься, как муха на стекле. «Хеллоу» — это по-нашему, это я легко запомню. Далее. А как будет «мне нужен ваш паспорт»?

Ответить Понаехавшая не успела.

— Good day! — галантно улыбнулся в окошко высокий холеный иностранец. — I'd like to change...^[7]

— Хеллоу, мудёрлинг, — с готовностью откликнулась О. Ф. — Охуе... хауе... какого, в общем, хуя тебе надо?

Иностранец вежливо дослушал приветственную речь, заулыбался пуще прежнего и положил в лоточек для передачи денег сто долларов.

— А улыбаешься на всю тысячу, — пропела О. Ф. и обернулась к Понаехавшей, — спроси у него паспорт!

— Тааак, — протянула О. Ф., когда оглушенный постсоветским сервисом интурист, отвесив обменнику горсть реверансов, побрел восвояси, — а как будет по-английски «пожалуйста»?

— Если вы обращаетесь с просьбой, то «please».

— Как?

— Плиз.

— Плиз-плиз, жополиз. Это тоже легко запомню. А если не с просьбой?

— Ну как не с просьбой. У нас принято говорить «пожалуйста» за услугу, правильно? Они нам «спасибо», а мы им — «пожалуйста». Так вот «плиз» в этом случае говорить нельзя.

— А что можно?

— You are welcome.

— Чегоооо???

— Можно просто «welcome», — пошла на попятную Понаехавшая.

О. Ф. какое-то время напряженно смотрела перед собой, потом махнула рукой, вывела на клочке бумаги печатными буквами «ВЕЛКАМ» и прикрепила к окошку.

— Тут матом делу не поможешь. Придется шпаргалкой пользоваться, — вздохнула она. — А вообще, — через минуту добавила О. Ф., — зря я, конечно, на экономиста пошла учиться. С моими-то способностями к иностранным языкам надо было лингвистом становиться. Что скажешь, чудо с глазами?

Воззвание: велкам ту лингвистический, кто умеет ругаться матом. Французский прононс, британский английский. Бонусом — бесплатный мудёрлинг. Велкам унд инджой!

Диалоги Натальи

Трепетная Наталья была мастером коротких и бессмысленных диалогов, возбуждающих в собеседнике горячее желание прибить ее чем-нибудь тяжелым раз и навсегда. Объяснить сию феноменальную способность Натальи девочки не могли и каждый раз вздрагивали, когда она открывала рот.

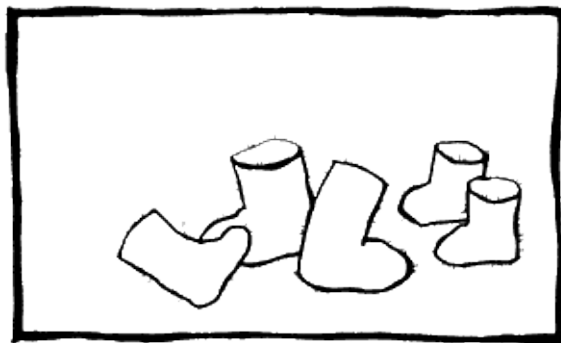
Несколько Натальиных диалогов:

Задумчиво наблюдая, как голодная О. Ф. вгрызается зубами в хрустящую горбушку батона:

— Мой дядя двадцать пять лет проработал на четвертом хлебокомбинате.

— И чего?

— Вообще не ест хлеба. Уже двадцать пять лет. Увидел, как его делают, и больше не ест. Брезгует.

Обращаясь к Понаехавшей:

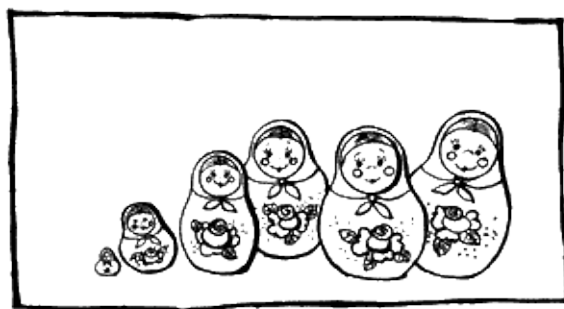
— Ты у нас кто по гороскопу?

— Козерог.

— Оно и видно.

— В смысле?!

— Да ну тебя! Вот я Рыбы и не парюсь!

— Лад, а Лад!

— Наталья, скажешь глупость — получишь в глаз.

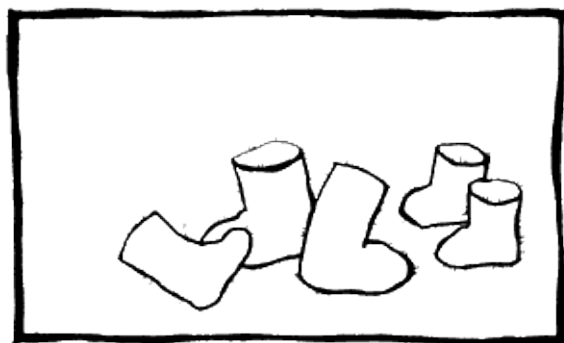
— Да не, какая там глупость! Спросить хотела. Ты бородавку на носу сводить будешь или как?

— Не, ну ты вообще охуела? Девчонки, у меня на носу есть бородавка? Девчонки, хором:

— Нет!

Наталья:

— А что? Уже свела?

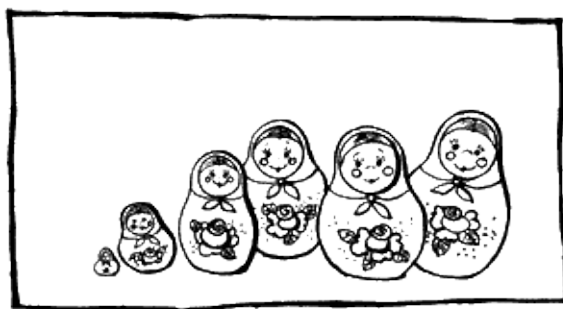
Идет известный певец К. в окружении охраны. Вокруг К. снует какой-то маленький человечек, активно жестикулирует руками, что-то убежденно говорит. К. слушает его, утомленно водя бровями.

В какой-то момент человечек запутывается между охранниками, спотыкается и падает. Процессия, не останавливаясь, чуть ли не переступая через него, идет дальше. Человечек поднимается, отряхивает одежду, обратно бежит за К.:

— Иосиф Давыдыч! Иосиф Давыдыч!

Наталья, задумчиво наблюдая эту удивительную картину:

— А говорят, что в шоу-бизнесе всё через постель!

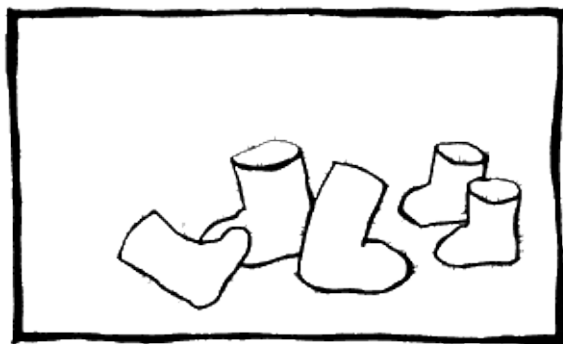

Обращаясь к огромному шотландцу в килте:

— А сумка на пузе зачем?

— Sorry, what?^[8]

— Надо же, в жизни бы не подумала.

Наблюдая, как взмыленная Понаехавшая затаскивает инкассатора Лешу в обменник:

— Ну что ты с ним цацкаешься? Стукни куда надо, что он пьет.

Леша, добродушно:

— Она меня любит, вот и не сдает.

Понаехавшая, зло:

— Заткнитесь оба!

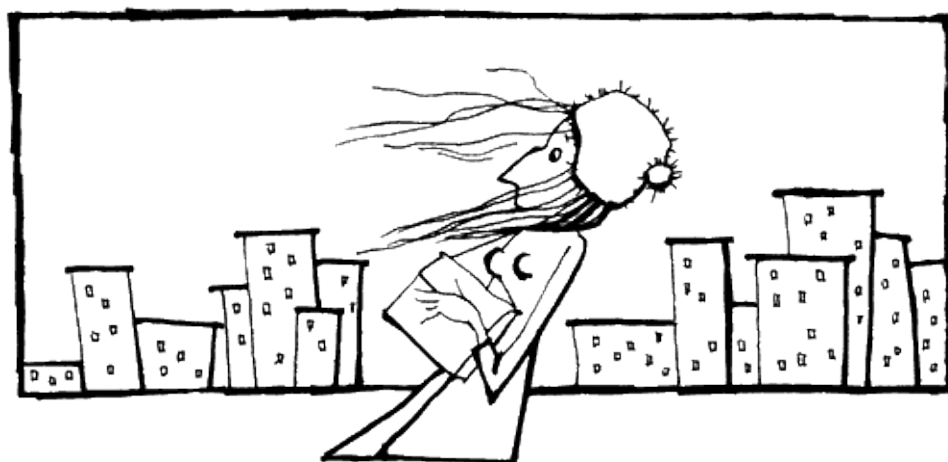
Наталья:

— Леш, она хоть дала тебе, или ты так спиваешься, с какого-нибудь другого горя?

Глава восьмая. Горожанин vs иммигрант

Так уж получается, что жизнь иммигранта усеяна не только розами. Шипов на его нелегком пути покорителя столиц тоже не счесть. Да чего уж там скромничать — шипов раз в миллион больше, чем роз. Поэтому иммигрант чаще всего имеет вид несколько настороженный, если не взъерошенный. Мало ли что можно ожидать от горожан! Эвона ходят из себя расфуфыренные, глядят косо, складывают губы в презрительное «фэ»! Злые какие-то они, негостеприимные. Вроде всё у них есть — и прописка, и работа, и гражданство. А все равно злые!

Вот так приблизительно и думает иммигрант, не подозревая, какую бурю эмоций он вызывает одним своим видом в душах горожан.

Идет, к примеру горожанин в свою привычную булочную. В эту булочную его за руку еще бабушка водила, Варвара Петровна, царствие ей небесное. Сорок лет прошло, а ничего с тех пор не изменилось, редкое для столицы счастье, тот же деревянный крашеный забор да низенький каменный домик со скрипучей тяжелой дверью, стукнет кто-то створкой, и вырывается на улицу горячий ароматный дух свежесвеженного белого да чуть кислый, тяжеловатый — ржаного. Идет себе горожанин по родной улице, осеннее золотолистье ботинками поддевает, предвкушает ломтик швейцарского сыра на темной, щедро обсыпанной семенами кориандра горбушке бородинского.

Заходит в булочную. И в привычно русоволосой очереди цепляет взглядом настороженного иммигранта. Иммигрант, весь из себя

встопорщенный, глаза от ответственности за непрошеную иммиграцию врастопыр, стоит непринужденно в очереди и прикидывается местным. Мимикрирует. Дабы не слишком выделяться из толпы, он одет во все самое лучшее — спортивный костюм, остроносые лаковые туфли, черная, вышитая золотыми «Гуччи» кепка. Рядом топчется жена в богатом атласном халате, надетом на платье с обильным воланом, волосы убраны под переливчатый платок, на ногах — кожаные тапки и шерстяные носочки с Микки-Маусами. Последний писк провинциальной моды.

Горожанин в замешательстве. Он явно не готов к такому визуальному экстриму, не затем он спешил в родную булочную, чтобы лицезреть провинциальное прет-а-порте. И губы его непроизвольно складываются в презрительное «фэ».

«Злые какие-то они, негостеприимные, — думает иммигрант, наблюдая вытянувшееся лицо горожанина. — Вроде всё у них есть — и прописка, и работа, и гражданство. А все равно злые!»

«Вот ведь страсти господни, — недоумевает горожанин, пристраиваясь в конец очереди, — и чего им дома не сидится? Едут и едут, едут и едут. Сколько можно?»

Так и расходятся, оставаясь каждый при своем.

Понаехавшая & Со

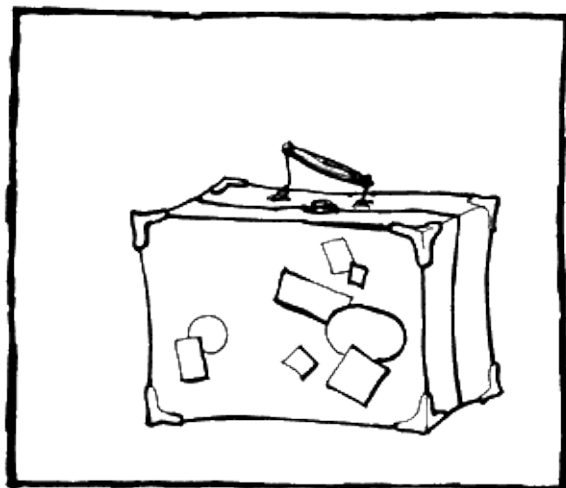
— Таня, кто такая тетя Нина из Тбилиси, ты не знаешь?

— Не знаю.

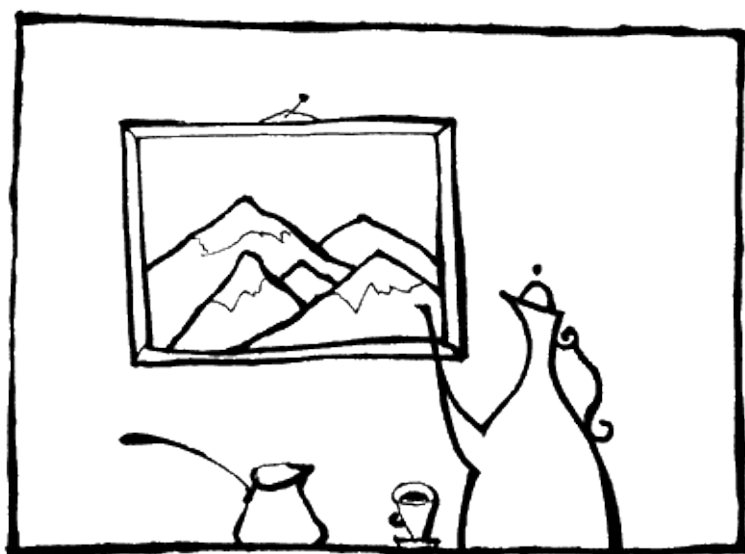
— И я не знаю.

«Мимино».

Слух о том, что старшая дочка зубного доктора переехала в Москву, устроилась в банк и работает аж в «Интуристе», с космической скоростью облетел родной городок. И в одночасье Понаехавшая стала звездой местечкового, «раенного» масштаба. Скоро в гостиницу зачастили редкие угнездившиеся в Москве земляки — поглазеть на свою «знаменитую» землячку, а заодно поговорить за жизнь.

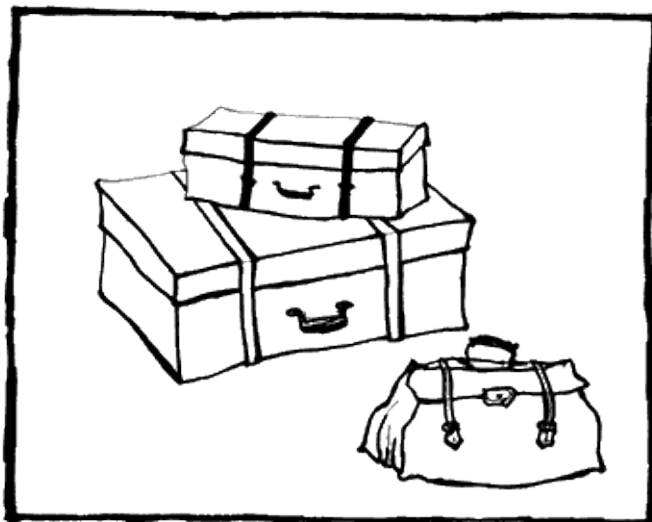
Гости с гор не оставляли равнодушными никого — ни охрану, ни работников обменника, ни иностранных туристов. Потому что если для Понаехавшей две огромные волосатые ноздри под кепкой — это дядя Размик, отец одноклассника Гарика, то для неискушенных северных жителей это троглодит и «боже ж ты мой, что это было?!». Опять же, если на фоне извилистой горной дороги сухонький мужчина в кургузом пинжачке поверх вязаной жилетки и в брюках, заправленных в шерстяные носки, смотрелся вполне органично, то в фойе гостиницы «Интурист» он вызывал самые противоречивые чувства. От стремления спровадить незамедлительно восвояси до желания подойти поближе и рассмотреть чуть ли не в лупу.

Понаехавшая бесконечно переживала за своих земляков. Вести себя как столичные штучки они категорически не умели: разговаривали только криком, активно жестикулировали, стояли руки в боки и отчаянно страдали от того количества одежды, которую приходилось носить в русские морозы.

— Барев, джана! — раскатисто демонстрировал свою незамутненную радость от встречи с Понаехавшей земляк в ветхой тужурке, расклешенных брюках и повязанной изящным бантиком под подбородком ушанке (главное, чтобы уши не мерзли!).

— Барев дзес! — вскидывалась Понаехавшая и, увлекая за собой сияющего гостя, укрывалась в самом дальнем уголке «Интуриста» — подальше от любопытных глаз.

— Ты меня помнишь, да, дочка? Я дядя Сето, двоюродный брат тети Вали, которая жена дяди Гургена, который в 73-м году чинил «москвич» твоего деда!

Понаехавшая могла поклясться чем угодно, что дядю Сето она видит впервые в жизни.

— Ну, ты тогда еще маленькая была, помню, сидела на горшке, все никак покакать не могла. Глаза вылупила и смотришь напряженно, как соенок, — голос дяди Сето, руша преграды, проникал во все щели и закоулки гостиницы, камня на камне не оставляя от репутации Понаехавшей.

— А упрямая была! — гудел колоколом дядя Сето. — Мать тебя кормит, а ты наберешь в рот пюре, прибегаешь на веранду и давай во двор плевать. А потом как ни в чем не бывало возвращаешься на кухню — за новой порцией.

Обменник каждый раз вздрагивал, завидев в окошке очередную усатую, расплывшуюся в счастливой улыбке деревенскую физиономию. О. Ф. ласково называла визитеров Понаехавшей «чибермесаами» и вызывалась разговаривать с ними светские разговоры.

— Вас как зовут? — учтиво ходила она вокруг древнего вислоухого деда в военном кителе и фуражке времен последней русско-турецкой войны.

— Варлаам Аршавинович, — галантно представлялся дед. — Я тут для нашей девочки бастурмы принес и лаваша с домашним сыром.

— Не откажемся от гостинцев, — отвечивала реверансы О. Ф. — Какими судьбами в Москву? Проездом или, хмхм, навсегда?

— Проездом, — улыбался дед, поправляя на затылке резинку, которой заботливо перетянул очки. — В Голландию уезжаю, на ПМЖ. К детям.

— Хочешь, мы тебе рубли по оптовой цене на гульденны поменяем? — продолжала сыпать книксенами О. Ф.

— Нет, спасибо, добрая женщина, дети мне карточку сделали. — И дед, неуклюже ковыряясь натруженными пальцами в нагрудном кармане, доставал «голден визу». — Вот.

— Йоптворюмать! — заворачивала потом в лаваш влажные ломти брынзы всполошенная О. Ф. — На голове резинка от трусов, а в кармане — «голден виза». Только в Голландии его не хватало! Доедет до улицы красных фонарей и счастливо очочурится от огромного количества голых баб.

— А чего сразу очочурится? — обижалась Понаехавшая.

— Ладно, скопытится, — шла на уступки О. Ф., закусывая прозрачным ломтиком острой бастурмы.

Однажды Понаехавшая отпросилась с работы на одну смену. Аккурат в этот день с визитом вежливости в гостиницу явился троюродный кузен крестного сына тети Светы Вагаршак. Вагаршак подготовился к визиту основательно — густо набриолинил немилосердно вьющиеся волосы, надушился туалетной водой «Опе man show», заправил вареные джинсы фасона «банан» в лакированные штиблеты на небольшом пятисантиметровом каблуке. Сияние, исходившее от штиблет и прически, слепило все в радиусе полтора километра. Заменяющая Понаехавшую Наталья была сражена наповал. Вагаршак тоже. После обстоятельного разговора «за жизнь» Вагаршак галантно спросил у Натальи телефон, преподнес ей двухлитровую бутылку тутовки и откланялся.

Трепетная Наталья отвинтила крышку и недоверчиво принялась к самогонке. Посидела минут тридцать, приходя в себя от ударной волны. Восстановила рефлексy. Собрала глаза в кучку и потопала в туалет — выливать тутовку в унитаз.

— Главное, чтобы О. Ф. не видела, — приговаривала она, пестуя на груди бутылку с семидесятиградусной нефильтованной водкой.

О. Ф. нарисовалась на пути Натальи совершенно неожиданно, как если бы слышала ее ментальный призыв.

— А что это у тебя в руках? — встала руки в боки она.

— Водка! — От растерянности Наталья брякнула правду.

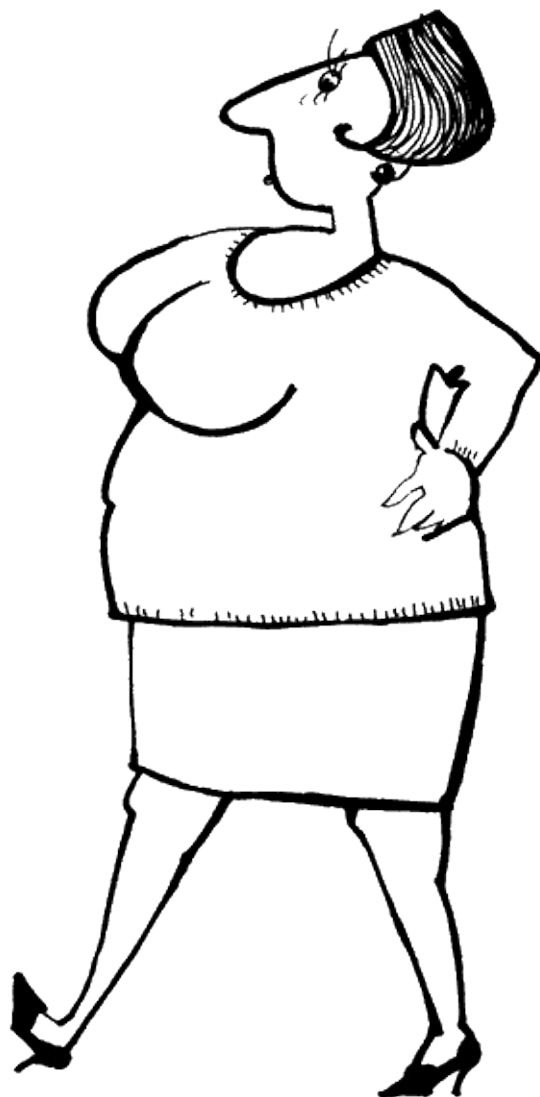

О пьянке, случившейся в тот вечер среди обслуживающего персонала гостиницы, потом долго слагали легенды. Двух литров тутовки хватило на то, чтобы полностью деморализовать обменник, магазин-салон «Русские Меха», киоск «Интим», а также начальника охраны Сергея Владимировича (кличка Дровосек).

Поговаривали, что О. Ф., отчаянно горланя репертуар группы «Комбинация», наматывала круги по фойе в длинной соболиной шубе и меховой шапке. Ценник «800 у. е.» бодро мотался по ее лицу, и О. Ф., периодически притормаживая, трогательно пыталась заправить его за ухо.

Несгибаемый Сергей Владимирович (кличка Дровосек) непрестанно переговаривался по рации со своими подчиненными исключительно в уменьшительно-ласкательных выражениях.

— Максюта, пупсик, — вещал он в рацию, стоя в полуметре от Максюты-пупсика, — а сходи-ка ты, малыш, на третий этаж да попроси у Ираидочки нашей Михайловны медицинского спиртику. Немного, буквально граммчиков триста. Обещай от меня тортик. Или цветочки на могилку, если она тебе откажет.

Трепетная Наталья вывесила в окошке обменника «Closed» и улеглась умирать на диван в кабинете директора магазина «Русские Меха», накрывшись палантином из чернобурки. А тоненькие продавщицы «Русских Меха» скакали козочками по периметру зимнего сада и строили глазки ополоумевшим от такого несусветного представления немецким бизнесменам, впоследствии оказавшимся бельгийскими пенсионерками.

Не случись в тот день заезда трех финских групп, влетело бы всем. Но туристы из Финляндии, счастливо добравшись до русской водки, оперативно напились до положения риз и колобродили до утра в фойе. Чем очень удачно отвлекли внимание гостиничного начальства на себя.

Авторитет жителей высокогорного городка был полностью восстановлен в глазах работников «Интуриста».

— Это же пиздец какой, — заикалась О. Ф., вспоминая свое состояние после стопочки тутовки. — И ЭТО они пьют постоянно? Поклянись! Мамой поклянись! Каждую неделю???

— Да практически завтракают ею каждый день, — пожимала триумфально плечом Понаехавшая.

***Совет:** эмигрируя в другую страну, не унывайте. Не забывайте — против любого лома найдется прием. В виде другого семидесятиградусного нефильтрованного лома.*

Кусок хлеба

На следующий после своего разрушительного визита в гостиницу день Вагаршак позвонил Наталье с предложением встретиться, чтобы «поесть кусок хлеба и друг друга лучше понимать».

— Одну минуточку, — пропела трепетная Наталья в трубку, — Вагашр... Вашарк... Вагшарак!

— Вагаршак, — галантно каркнул троюродный кузен крестного сына тети Светы.

— Один хрен. Подождите буквально минуточку, я сейчас вам перезвоню.

— На моем глазу!^[9]

Наталья отсоединилась и тут же набрала «Интурист». Понаехавшая была как раз по уши в работе, когда зазвонил телефон. Перед окошком змеилась длиннющая очередь из представителей финно-угорских племен, которая со скандалом требовала незамедлительного чейнджа — нужно было срочно заселиться в номера, чтобы потом с финно-угорским размахом отдохнуть от сухого закона, царившего в их европах.

— У него что, совсем денег нет? — возопила Наталья, как только Понаехавшая подняла трубку.

— У кого это у него? Наталья, у меня времени в обрез, тут народу море!

— Включи громкую связь, мне срочно. Пожалуйста!

— Ладно.

Понаехавшая включила громкую связь и с улыбкой обратилась к

очередному финну с всклокоченными усами вполлица:

— Mister, would you be so kind...^[10]

— Miss! — возмутился в окошко усатый финн.

— Ооооо, — заклокотала Понаехавшая, а про себя язвительно подумала — вот ведь до чего людей феминизм доводит! Нет чтобы усы сбрить. Ну или на худой конец замаскировать бородой!

— Слушай, — меж тем надрывалась Наталья, — у этого Вашварака что, совсем денег нет?

— У какого Вашварака? У Вагаршака?

— Ага, у него. Он пригласил меня на «кусочек хлеба»! — У Натальи от негодования задрожал голос. — Это как понимать?

— Ну что ты. «Съесть кусочек хлеба» — это всего-навсего идиома!

— Сама ты идиотка!

— Наталья!!! Идиома, а не идиотка!

— Хорошо, идиома. Чего обзываешься-то?!

Понаехавшая отсчитала деньги, положила в лоточек, наклонилась к телефону и заорала в мигающую кнопку громкой связи:

— Да не обзываюсь я! Это термин такой, понимаешь, тер-мин!

— Miss? — трогательно постучался кончиками пальцев в окошко очередной клиент.

— Just a moment, — вымученно улыбнулась Понаехавшая и ткнула пальцем в телефонный аппарат, мол, разговор очень важный.

Финн понимающе кивнул, обернулся к очереди и сказал что-то на своем финском, весело посмеиваясь, а заодно сделал жест рукой, в смысле — трубку не подняла, несчастная русшиш фанташиш, в аппарат надывается.

— Га-га-гаааа, — беспардонно загоготала очередь.

Понаехавшая взбеленилась. Некоторые туристы имели весьма обидную привычку — заглядывали в окошко обменника и откровенно смеялись над неутешительной постсоветской обстановкой. В целом девочки к такому поведению приезжих относились индифферентно, но иногда беспардонность заезжих туристов зашкаливала, и тогда то одна, то другая кассирша срывалась.

Сегодня был день Понаехавшей. Она ринулась к двери, загрохотала многочисленными замками, выскочила из обменника и, выхватив пламенеющим взором из толпы притихших финнов переводчицу Аню, гаркнула что есть мочи:

— Объясни этим дикарям, что у нас давно уже существует громкая связь и можно спокойно переговариваться по телефону, не поднимая

трубки.

— Ты бы хоть этой позорной связкой амбарных ключей не трясла, чудо в перьях, — вздохнула Аня, но собралась и чеканным советским голосом перевела финнам гневную речь Понаехавшей.

— Андестанд? — дыхнула огнем на очередь Понаехавшая.

— Андестанд! — вытянулись в струнку финны.

— То-то! — хмыкнула наша героиня, торжественно вставила ключ в замок и минут десять под заинтригованные взгляды интуристов врывалась в обменник, гремя всевозможными ключами, скрипя ржавыми винтиками и шпунтиками, наваливаясь элегантно, когда плечом, а когда коленом, на железную дверь.

— Ты где? — прорвался сквозь скрежет испуганный вопль Натальи. Понаехавшей впервые в жизни остро захотелось ответить в рифму, матом. Но она героически сдержалась. Нечего ударять в грязь лицом перед иностранцами, особенно когда у тебя за плечами великая родина Советский Союз, и ты в ответе за то, что в ней родилась.

Совет: не стоит пугаться приглашения на «кусок хлеба».

«Кусок хлеба» — это ужин, чаще всего в национальном ресторане, с обязательным шашлыком, вином, сыром, зеленью, бастурмой, суджухом, мацуном и лавашем. С изжогой на ночь и похмелем с утра. Такие вот прозаичные дела.

Финал истории «куском хлеба»

Убедившись, что «кусок хлеба» не подразумевает под собой ничего оскорбительного, Наталья согласилась на свидание. Но, как всякая уважающая себя девушка, несколько дней вертела хвостом — не говорила «да», но и не говорила «нет», строила из себя недотрогу и томно вздыхала в трубку. Вагаршак на каждый ее томный вздох покрывался благоговейной испариной и выдавал подстрочником диковинные обороты речи. Наталья исправно пугалась и обрывала телефон Понаехавшей с требованиями безотлагательно расшифровать смысл Вагаршаковых прямо-таки выражений.

— Ты понимаешь, что словами «я грязь под пяткой твоей» или «помою

твои ноги и выпью воду» в России можно если не напугать, то сильно озадачить человека? — втолковывала троюродному кузену крестного сына тети Светы Понаехавшая.

— Мамино солнышко, больше так не буду! — заверял Вагаршак.

— Ты опять за свое? Это что за выражение такое — «мамино солнышко»?

— Но у нас ведь принято так клясться!

— Так это у нас!

— А можно хотя бы говорить «мамой клянусь»? — не сдавался Вагаршак.

— Можно, — вздыхала Понаехавшая. Она понимала — если убрать из речи Вагаршака все идиоматичные выражения, то ничего, кроме междометий и набивших оскомину рекламных слоганов типа «Хопер-инвест — отличная компания от других», не останется.

Через неделю произошла церемония поедания «куска хлеба». Наталья была сражена наповал галантностью своего кавалера, который виртуозно заворачивал в лаваш овечий сыр с зеленью и бастурмой и сыпал стихами, как комплиментами.

— Над долинами и взгорьем гордо реет буревестник, черной молнии подобный, то как зверь она завоет, то заплачет как дитя, — декламировал Вагаршак, подкладывая своей музе сочные куски шашлыка.

— Вон сколько правильных русских слов знает! — тихо радовалась муза, запивая мясо терпким вином «Арени».

Скоро между ними завязался роман со всеми вытекающими — ночными прогулками по спящему городу на зеленой Вагаршаковой «копейке», ссорами на кухне: «ты не умеешь готовить толма» — «можно подумать, ты умеешь» — «женщина, что с тебя взять, волос длинный, ум короткий» — «а у тебя ни волос, ни ума», ну и тэдэ.

Дело определенно двигалось к свадьбе — Наталья научилась без тяжелых для пищевода повреждений поглощать обильно перченые блюда, Вагаршак — относительно правильно выговаривать имена Натальиных родителей: Валирья Тимофевна и Канстантин Дмитриевич. Валерия Тимофеевна и Константин Дмитриевич проявили чудеса артикуляции и научились произносить «Вагаршак Аршалуйсович» без мучительных вспомогательных телодвижений.

Но до свадьбы так и не дошло. Наталья неожиданно для себя увлеклась новым соседом по подъезду. Новый сосед оказался прямо-таки Аполлоном Бельведерским — он был прекрасен, как Аполлон, и женат, как

Бельведерский.

Жить на два кавалера, как другие благоразумные девушки, Наталья не умела.

— Вагаршак, — призналась она, — у нас с тобой разные космосы, ты солнце, а я — звезда. Понимаешь?

— Нет, — честно ответил Вагаршак.

— В общем, мы слишком разные. Я полюбила другого, и вот. Прости меня.

— Доморазрушительница, как ты могла! — взвыл Вагаршак и вылетел пулей из квартиры.

— Домо... чего? — переспросила Наталья в захлопнувшуюся дверь.

— Мне так стыдно! — каялась она на следующий день Понаехавшей.

— Не переживай. Чувства были да сплыли. Такое бывает.

— Сплыли, это да! — Наталья пошарила в сумке в поисках носового платка, ничего не нашла, махнула рукой, выдернула из бланков строгой отчетности копирку и сладострастно высморкалась.

— Ты чего? — всполошилась Понаехавшая.

— Не волнуйся, я в изнаночную сторону.

— А этот твой новый? Кто он вообще такой?

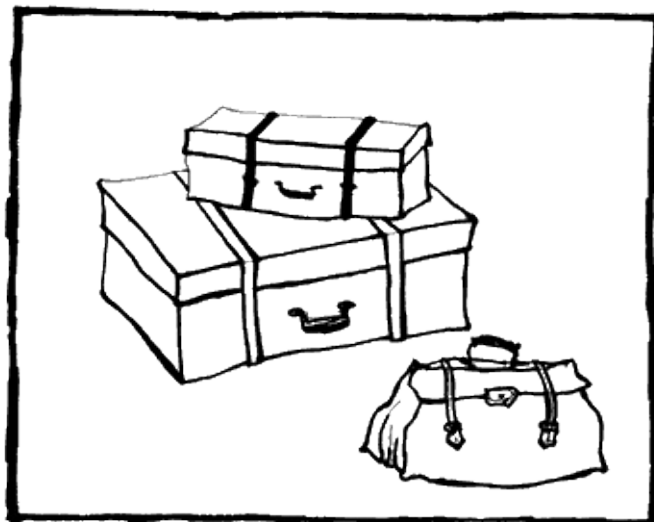
— Хороший! — Наталья закатила глаза. — Но женатый.

— Совсем женатый?

— Совсем. Отбивать буду.

Наталья повздохала, попила водички, уставилась в окно. Напротив, возле стойки ресепшн, топталась группа не иначе однойцевых японцев — все они были в одинаково светлых плащах, темных брюках, белых кедах и крепко держали в руках черные портфели системы «дипломат». Переводчица Светлана что-то объяснила им и махнула в сторону обменника рукой. Японцы дружно обернулись и уставились на Понаехавшую с Натальей.

— Небось сейчас думают: «Все эти русские на одно лицо», — хмыкнула Понаехавшая.

Наталья хихикнула, но тут же снова пригорюнилась:

— Он такой наивный, прикинь, даже выражения «кинуть палку» не знал!

— А что это такое? — напряглась Понаехавшая.

— Ты тоже не знаешь?

— Ну, я понимаю, что такое кинуть палку. А «кинуть палку»?

— А еще филолог! — оскорбилась Наталья.

Ответить Понаехавшая не успела, группа японцев штурмом взяла обменник — менять иены на рубли.

— «Кинуть палку» — это переспать, ясно? — выпалила Наталья, когда последний иностранец, счастливо обменяв валюту, вернулся вприпрыжку к ресепшн. — Палка — это... ну... — Она согнула в неприличном жесте руку, показывая, что такое палка.

Понаехавшая хрюкнула.

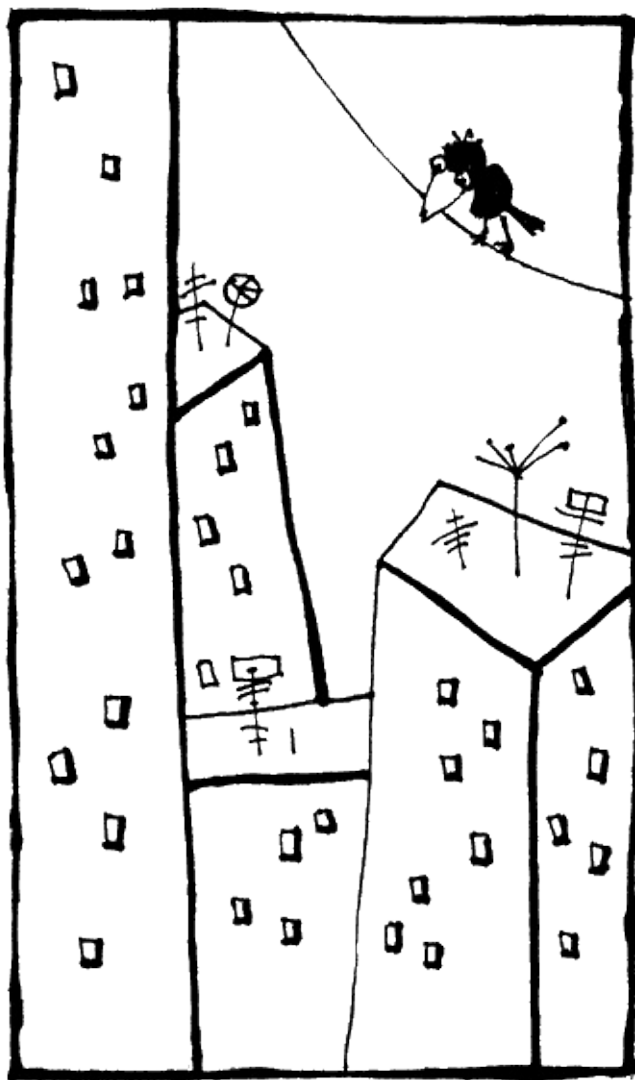
— Да ладно!

— А то! И ты знаешь, что я хочу тебе сказать? Умеет Вагаршак кинуть палку, ой как умеет! Ты ему так и передай, чтобы он не страдал.

Троюродному кузену крестного сына тети Светы Понаехавшая ничего про палку передавать не стала. А то неправильно еще поймет. Вагаршак погоревал-погоревал, потом нашел себе другую девушку, что примечательно — тоже Наталью. Видимо, планида была у него такая — влюбляться в Натальи.

А Трепетная Наталья ушла с головой в любовный треугольник. Через какое-то время она была выкинута оттуда мощным пинком Бельведеровой

жены. В буквальном смысле этого слова. Вернулась Бельведерова жена с ночной смены — а тут такие дела. Она выволокла Наталью за волосы из квартиры и придала ей пинком пудовой ноги такое ускорение, что Наталья, игнорируя в траектории полета все законы геофизики, пролетела дугой через один лестничный марш и утихомирилась на крышке мусоропровода. Отделалась легко — ушибом копчика. А ведь могла зайкой остаться на всю жизнь!

Совет: в общем, ввязываясь в любовный триумвират — берегите копчик. Мужиков на вашем пути может случиться хоть отбавляй, а рудиментарных примочек в организме раз-два и обчелся. На всех не напасешься.

Глава девятая. Валентина Ив-на и другие смертные грехи

Понаехавшая с первого дня жизни в столице чувствовала себя достаточно комфортно. В целом она несильно отличалась от москвичей. Особенно анфас и когда молчала. Но как только открывала рот — тут же выдавала себя легко уловимым, но весьма характерным армянским акцентом.

— Пошла снова акать! — ругалась тетя Поля. — Ты можешь меньше напирать на гласные?

— А москвичи разве не акают? — разводила руками Понаехавшая.

— Москвичи акают, ага. А ты, — тетя Поля набирала побольше воздуха в легкие и выкрикивала на выдохе: — АКАЕШЬ. Понятно тебе?

— Понятно. Буду мягче.

Относилась тетя Поля к Понаехавшей очень по-доброму. Детей у нее не случилось, поэтому весь нереализованный материнский инстинкт она обрушила на свою жиличку. Жиличка контуженно моргала и старалась соответствовать. Если позволяло время — сопровождала тетю Полю в поликлинику и на вечерню, ездила с ней на дальний продуктовый рынок — отовариваться. Стоически поглощала утренние каши на воде. Единственное, от чего остервенело открещивалась, — это сопровождать тетю Полю на традиционные прогулки с подругами.

— Вот и сиди дома, как сыч, — ругалась тетя Поля. — У нас компания хорошая, песни поем, а Илья Сергеевич на гармонии нам наигрывает. Могла бы пойти, проветриться, «Синенький платочек» спеть.

— Я другое слушаю, — оправдывалась Понаехавшая, — мне «Синенький платочек» не очень хочется петь!

— Знаю я твое другое! Небось снова эту страсть слушала, как ее там, Дешешумуду, да?

— «Дешеш мод»!

— Один хрен, прости господи!

— Напиши мне на бумажке, как деда с бабушкой звали, я попрошу, чтобы батюшка их в молитве за упокой помянул, — предлагала тетя Поля.

Понаехавшая выводила аккуратным почерком имена родственников. Тетя Поля разворачивала бумажку, нацепляла очки, читала по слогам.

— Нерусские какие-то имена! — удивлялась.

— Так ведь и я нерусская!

— Нет! Ты у меня самая что ни на есть русская. Только зовут тебя как-то не так. Хоть бы Ниной назвали, что ли? Я бы к тебе тогда Ниночкой обращалась.

Понаехавшая прятала улыбку и изо всех сил делала серьезное лицо. Тетя Поля теребила записку в руках, сама с собой вела обеспокоенные разговоры:

— Ладно я. А как же батюшка будет их имена нараспев за упокой произносить? Оконфузится ведь!

В общем, в доме тридцать два по Кировоградской царили любовь и полное взаимопонимание. Только такая идиллия не давала покоя Тетиполиной подруге Валентине Ив-не.

Валентина Ив-на, будучи бывшей монахиней, имела над богобоязненной тетей Полей неконтролируемую власть. Она умела хорошо поставленным басом напустить такое количество страха, что тетя Поля потом долго рыдала, уткнувшись в маленькую икону Владимирской Божьей Матери. В частности, Валентина Ив-на очень осуждала Тетиполину связь с женатым Максимом Петровичем. Называла блудницей и грозила Божьей карой и адовыми муками.

— Недаром Святая Церковь считает блуд таким же тяжким грехом, как отпадение от веры и убийство! — грохотала Валентина Ив-на.

— Ой грешна, матушка! — всхлипывала тетя Поля. — Ой грешна!

— Так чего же ты, Полина Михайловна, продолжаешь дальше встречаться с Максимом Петровичем?

— Люблю я его! — заламывала руки тетя Поля.

С появлением Понаехавшей Валентина Ив-на завела новую песню:

— Значит, ты, Полина Михайловна, душу-то свою дьяволу продаешь. За тридцать сребреников! Сколько она тебе за комнату платит?

— Тридцать долларов.

— Точно тебе говорю, дьяволу продаешься. Гони ее взащей, не бери лишний грех на душу!

— Так без этих денег я ноги с голоду протяну, — оправдывалась тетя Поля. — Пенсия-то совсем маленькая! Да и куда я ее выгоню? На улицу?

Но Валентина Ив-на была непреклонна. Грузная, неопрятная и пучеглазая, с пучком сальных волос на макушке, она неустанно читала нотации и возмущенно ходила усами. Вылавливала из вазочки самые крупные изюмины, жевала долго и со вкусом, хвостики кидала обратно в вазочку.

Понаехавшая побаивалась вмешиваться в разговор давних подруг. Но тетю Полю сильно жалела, поэтому ходила за ней хвостиком, утешала, как умела.

— Не слушайте ее, небось обзавидовалась вся, у вас любимый мужчина, маленький, но доход, а у нее — совсем ничего!

Тетя Поля сидела, пригорюнившись, в кресле, рассматривала свои руки.

— Она чего говорит. Она говорит — не богоугодное это дело — комнату за деньги сдавать. Греховное.

— Так.

— Я, получается, Иуда Аскарёт. Он ведь Христа за тридцать сребреников предал!

— Да ее зависть душит! Сама бы небось комнату сдала, но кто к ней жить пойдет? Она же ненормальная!

— Ты думаешь?

— Я в этом уверена!

— Да ну ее, эту Валентину Ив-ну, — улыбалась сквозь слезы тетя Поля, — я слушать больше ее брехню не стану! Живи, сколько хочешь. Я к тебе привыкла. Можешь даже вообще не платить. Или (подумав) через месяц платить. Проживем...

Ольга и немного о танцах

Однажды в обменнике работала девушка Ольга — невероятно добрый, отзывчивый и порядочный человек. Практически ангел, готовый прийти на помощь в любое время дня и ночи. Все свободное от работы время Ольга проводила в аэропортах и на путях поездов дальнего следования, встречая и провожая постоянно наезжающих в Москву разнообразных родственников. А также бегала по городу, доставая в магазине «Богатырь» чуни сорок третьего размера для тети Зины из Улан-Удэ или в «Пчеловоде» специальную каску с лицевой металлической сеткой для дяди Виталика из Стерлитамака. Дома у нее негде было повернуться — со всех углов выглядывала понаехавшая с периферии родня, которую Ольга преданно обихаживала.

О. Ф. была среднестатистической, обильно выпивающей и стихийно прелюбодействующей грешницей. Поэтому неудивительно, что ее жутко раздражали Ольгины миссионерские замашки. Очень сложно наслаждаться полноценной скромной жизнью, когда перед глазами постоянно мельтешит живое воплощение десяти заповедей. Поэтому О. Ф. старалась с Ольгой особенно не пересекаться — берегла ауру.

Но однажды напарница Ольги ушла в отпуск, и О. Ф. пришлось целый месяц ее заменять.

— Урою на хер! — ругалась она на следующее утро, обнаружив свои простирнутые колготки на подлокотнике раскладного дивана. — Тебя кто просил их стирать?

— А что тут такого? — искренне недоумевала Ольга. — Пока вы спали, я решила сделать вам приятное. Заодно и хлястик на плаще

пришила. А то ходите с оторванным хлястиком как неприкаянная.

— Не, ну что за йоптворюмать! Где ты там видишь оторвано? Где??? Это модель такая! Один хлястик пришитый, а другой торчит, и карманы разные! Там пришито, а тут... а тут что, тоже пришито???

— Ну, я заодно и тут пришила! А то какая-то асимметрия получается!

— Или ты даун, или дебил, третьего не дано! — надрывалась О. Ф., обнаружив целую горсть американских центов в Ольгиной кассе. — Сказано было: мелочь не принимать?! Ну куда мы ее денем? Вот куда?

— Так человека ведь жалко! Она всю Москву обошла, нигде не смогла эту мелочь обменять.

— А меня тебе не жалко? Наш банк не принимает центы. Куда теперь я их дену? И чем недостачу в кассе прикрою? Жопой?

— Вычтете из моей зарплаты.

— Не, ну мать твою Тереза, не, ну безмозглая ты пизда!

— А чего сразу безмозглая?

— Я хуюю, дорогая редакция! За «пизду» она не обижается, а за «безмозглую» обижается!

Терпение О. Ф. было небесконечным и лопнуло ровно в тот день, когда Ольга приняла у какого-то интуриста двадцать безнадежно рваных и неистребимо пахнувших засаленным ковбойским носком долларов. Чтобы удержаться от искушения тут же с концами уволить юродивую подчиненную, О. Ф. велела ей поменяться сменами с Понаехавшей.

— Та тоже овца овцой, но хотя бы не раздражает меня, — процедила она.

Надо было видеть выражение лица Понаехавшей, когда Ольга позвонила с радостной вестью о пертурбациях. Впереди был Новый год и разновсякие Рождества, венчающиеся старым Новым годом. Как пережить этот воистину апокалипсический отрезок времени бок о бок с О. Ф., она не представляла.

«А мама в горах готовит толму, — перекрывала громкими вздохами шум в вагоне метро Понаехавшая, распугивая москвичей своим перекошенным от горя лицом, — а папа шашлыков нажарит, как я люблю. Чтобы немного сушеного горного майорана и злой лук кольцами! А потом завернет шашлык в лаваш, и он полежит несколько минут, впитывая в себя аромат мяса!!!»

Мысли о шашлыке и толме грели Понаехавшей душу. В Москве было холодно и морозно. Виданное ли дело — начало декабря, а кругом уже два месяца лежит снег! Опять же огромные расстояния! Когда коллеги впервые спросили, далеко ли она живет от Еревана, и Понаехавшая, закатив глаза,

сказала, что на другом конце республики, аж в трехстах километрах от столицы, обменник дружно загоготал:

— Ты бы еще сказала — на другом конце света!

«Зато тебе всегда везет на людей, — утешала себя Понаехавшая, — девчонки вон какие хорошие. И О. Ф. замечательная. Хоть и пьет, и свирепствует почем зря. Зато по-доброму к тебе относится, из всего коллектива именно тебя выбрала в напарницы. Это ведь о чем-то говорит?»

О чем это говорит, Понаехавшая мигом поняла, когда переступила порог «Интуриста».

Возле стойки ресепшн, растерянно улыбаясь, жалась к переводчице разодетая в национальные костюмы группа каких-то заезжих иностранцев, предположительно перуанцев. В окошках обменника маячили изумленные донельзя лица Красавицы Насти и Добытчицы Наташи. А между обменником и перуанцами, кокетливо подцепив двумя пальцами подол развевающейся юбки, отбивала какой-то микс из танцев народов мира О. Ф.

— Видали, как умеем? — остервенело водила она полными плечами и даже грудью, переходя от чечетки к гопaku и обратно возвращаясь в лезгинку. — А то явились сюда танцы танцевать. А вот хуяк вам, а не танцы, ясно? Нашли чем нас удивлять! — Тут О. Ф. пошла на испуганных креолов вприсядку. — Каждый русский младенец, блядь, вырос на «Лебедином озере» и Пушкина с пеленок цитирует. — Широкий жест рукой, сопровождающийся громким уханьем и топотом ног. — Знаете, что такое Пушкин? Никто не читал «Мцыри», тьфу, «Евгений Онегин»? То-то. Роман в стихах, блядь!

И, распираемая гордостью за державу, О. Ф. пошла большим кругом по фойе, воинственно выкидывая разные хореографические коленца.

— Явилась? — обрадовалась она застывшей между клацающими дверями Понаехавшей. — Это хорошо! Иди сюда, станцуй им «Танец с саблями»! А то пожаловали с народными плясками, нашли чем нас удивлять!

Понаехавшая похолодела. С грехом пополам остановить бегающую по «Интуристу» выпившую начальницу она еще умела. Но как остановить трезвую как стеклышко и отбивающую чечетку О. Ф., Понаехавшая не очень представляла. Это был какой-то новый, практически апокалипсический кульбит, случившийся на ее корявом иммигрантском пути.

Р. S.: Кстати, плащ с «оторванным хлястиком» был от «Валентино». О. Ф. его раздобыла в честном бою, исцарапав вдоль и поперек двух оппонентов в секонд-хенде на Кировоградской. За смешные семьдесят

долларов.

Р. Р. S.: То есть плащ она купила за семьдесят долларов, а не оппоненток исцарапала за семьдесят долларов.

Немного о сексуал харасменте

Ассоциация, которая владела в том числе банком, где работал дружный коллектив девочек, арендовала на двадцатом этаже гостиницы офис. С видом на Красную площадь и всякие другие красоты ЦАО.

Однажды в этом офисе работал молодой человек Георгий.

Деятельность Георгия была туманна, как рассветное марево над Альбионом. Потому что Георгий занимался тем, что создавал видимость успешности и безусловной европеизированности ассоциации. День-деньской он озабоченно сновал по этажам гостиницы и наматывал круги по фойе, потрясая пухлыми заморскими папками. Папки топорщились во все стороны разноцветными закладками и прозрачными файлами и гордо именовались «Хёрлиц». Так как любое иностранное слово вызывало у одичавших от советского дефицита аборигенов шок и трепет, уважающие себя компании, дабы быть конкурентоспособными на внутреннем рынке, снабжали своих сотрудников обязательными атрибутами роскоши того времени — папками «Хёрлиц», зажигалками «Зиппо» и ручками «Паркер».

Вот и бегал Георгий по этажам гостиницы, потрясая папками «Хёрлиц», прикуривая от «Зиппо» и щелкая лжезолотой ручкой «Паркер». Пускал пыль в глаза. Ассоциация, кстати, набирала обороты, обрастала новыми филиалами и довела своего руководителя аж до кандидатов в президенты на очередных выборах. Правда, первый круг он не прошел, зато шуму наделал, да и народ позабавил.

И вот бегал Георгий по гостинице, бегал и добегался. То есть влюбился в Понаехавшую. И возжелал ее что есть мочи.

Понаехавшая уже полгода как встречалась с молодым человеком, а тут такие новости. Практически нагрянули, откуда не ждали, полные штаны радости.

Георгий оказался весьма упорным ухажером — круглые сутки торчал в окошке обменника, ревниво отгонял клиентов мужского пола к другой кассирше, непрестанно сыпал комплиментами. Отказов не принимал, в ответ читал стихи собственного сочинения.

Понаехавшая пугалась непрощеных ухаживаний и неприкрыто

горевала. Измена была не ее стилем ведения домашнего хозяйства — это раз. И два — Георгий приходился дальним родственником президенту ассоциации и не раз туманно намекал, что отказ равносильно увольнению.

О. Ф. откровенно забавлялась, наблюдая сцены, разворачивавшиеся в окошке обменника: Георгий читал пылкие воззвания, называл Понаехавшую бутончиком розы. Понаехавшая пугалась, заламывала руки и просила войти в ее без пяти минут семейное положение.

— Ну чего ты выделяешься? — подтрунивала над своей несчастной подчиненной О. Ф. — А как же мы выкручивались? Ляжешь, накроешь лицо простынкой и ждешь, пока он свое отпыхтит.

— То есть как это ляжешь?! — вскакивала Понаехавшая. — И кто это отпыхтит?

— Ноги раздвинешь и ляжешь. А отпыхтит сама знаешь кто. Начальство. Ну чего ты так на меня смотришь?

— Не буду я так работать! Лучше уволюсь к чертовой матери!

— Ну-ну! — хмыкнула О. Ф. — Ты просто пороху не нюхала. А хочешь, я расскажу тебе одну историю? О том, как две подруги ебнули свою дружбу? Хуяк — и нет ее, многолетней дружбы. Практически трагическая история, если что.

— Хочу.

— Только ты меня не перебивай!

— Хорошо.

Трагическая история рассказанная О. Ф.

— Одна моя подруга работала товароведом в одном тресте. И у них был начальник. Страшный ёбарь. Хлебом не корми — дай кого-нибудь выебать. Укомплектован был, между прочим, по полной программе — жена, секретарша, любовница, двоюродная сестра...

— А при чем здесь двоюродная сестра? — встряла Понаехавшая.

— Для острастки. Не мешай мне рассказывать!

— Ладно.

— Так вот. Звали его Салахаддин Иванович Мечников. По глазам вижу — спросить хочешь. Ну что ты так смотришь? Русский он был, просто имя такое, в честь деда по материнской линии назвали. Нормальный был православный мужик. Но с одним изъяном — ебал все, что находилось в пределах досягаемости его... хмхм... члена. Все настроение пропадает называть вещи своими именами, когда ты так на меня смотришь. Смотри

куда-нибудь в сторону. Куда-куда? На счетную машинку смотри или вообще на бланки строгой отчетности! И как-то приходит к ним в кабинет Салахаддин Иванович, к ним — это к товароведу, которая моя подруга, и к бухгалтеру Анаиде. Анаида, кстати, была армянкой (мстительно).

— Это я уже поняла.

— Не, ну ты заткнешься или как? Просили ведь не перебивать! Сядь спиной ко мне. Совсем спиной! Вот так. И делай вид, что тебя вообще тут нет. Как хочешь, так и делай, это уже твои проблемы... И говорит он им: «Жена улетела на море, Люда (это любовница) загремела в больницу с аппендицитом, Маша (это секретарша) уехала с поручением в министерство». Давайте, говорит, сообразим на троих. И делает такой жест рукой, словно приглашает к столу. А Таня (так звали мою подругу) с Анаидой были не дураки выпить. Поэтому быстро вытаскивают из ящичка стола бутылку коньяка, половину лимона и конфеты. Ну чего ты молчишь, как неродная? Хоть плечом поведи! Или кивай головой периодически... Глянул Салахаддин Иванович на коньяк и говорит: «Это после». И начинает быстро стаскивать штаны, мол, у нас ровно час, скоро вернется Маша, и я на ней по полной тогда оторвусь. А пока ты, Анаида, становись раком, у тебя жопа что надо, а ты, Таня, ложись на стол, потому что у тебя грудь большая, за такую приятно подержаться. А я, говорит, буду между вами туда-сюда бегать и где-нибудь да и кончу. Чего ты головой трясешь, как будто тебя током ударило? Сочувствуешь? Ну-ну. Смотри сотрясение мозга не получи... И тут Таня с Анаидой начинают возмущаться и убирать обратно в стол коньяк и говорят, что ни за что и никогда не переспят с ним, потому что хранят мужьям верность. Так и сказали, Танька даже глазом не моргнула. А он спокойно снимает штаны, а по семейникам видно, что уже готов, они у него аж трещат спереди по швам, и хозяйство у него какое надо хозяйство, выдающееся, так сказать. Уволю, говорит, мать вашу! Уволю, и ищите себе новое место работы, ясно? А так премию вам выпишу. Ты, Анаида, и выпишешь, а я подпишу. Скоро праздники, никому лишняя денежка не помешает. Да и где вы такой хуй увидите еще! И достает из семейников такое, что Анаида начинает мелко плакать и набирать на машинке приказ о премии, а Таня убирает со стола конфеты, а про себя думает: «Один раз не пидорас». Чего дергаешься? Выражения такого не слышала? Вот тебе и новая идиома, гыгы... Так и закончилась их дружба. Стыдно было после групповухи в глаза друг другу смотреть. Анаида потом попросилась в кабинет отдела кадров, а Таня так и маялась в старом кабинете, пока не уволилась насовсем. Дождалась премии и уволилась. По спине вижу — спросить что-то хочешь. Лучше не надо, все равно ничего

путного не скажешь.

О. Ф. переобулась в туфли, аккуратно сложила под стулом сменную обувь. Хмыкнула.

— А ты Георгия пугаешься. Да у него пугалка небось с гулькин хуй. Обмельчал народ, истерся в причиндалах. Не то что в наше время (вздых). Пойду в туалет.

Понаехавшая наблюдала, как О. Ф. идет по фойе, маленькая, полненькая, в нелепых зеленых клетчатых брюках и черной облегающей кофте с переливающимися люрексowymi вставками на плечах. Возле стойки ресепшн высилась группа элегантно одетых подтянутых англичан. Когда О. Ф. поравнялась с ними, одна дама неловко повернулась и уронила на пол большой зонт-трость. О. Ф. наклонилась, подняла зонт, с хрустом согнула оторопевшей интуристке руку в локте и галантно повесила на сгиб зонт за бамбуковую ручку.

— Велкам! — улыбнулась она.

Интуристка забулькала что-то нечленораздельное в ответ.

— Грю — донт дроп ёр зонт, чудо в перьях! — ласково пропела О. Ф. и пошла дальше, в сторону лифтового холла. Группа англичан проводила ее долгим немигающим взглядом.

— Уроки английского не прошли даром, — вздохнула Понаехавшая. Она коротко и зло расплакалась, вытерла сопли рукавом и села писать заявление об уходе. По собственному желанию.

Но до увольнения дело не дошло. Через неделю глухой обороны Георгий неожиданно исчез. Оказалось, его перевели в другую гостиницу — в «Космос». Пускать пыль в глаза «космическим» клиентам.

Совет: берегите дружбу. Ни один Салахаддин Иванович Мечников не стоит того, чтобы ею так рисковать!

Глава десятая. Клиенты

Меняли в обменнике деньги не только иностранцы. Так как с десяти утра и до десяти вечера охрана пропускала в фойе людей с улицы, то опыт работы с соотечественниками девочки стали нарабатывать с первого дня. И буквально с первого дня вычислили всю разницу между иностранным клиентом и местным.

Среднестатистический иностранец был неплохо воспитан, умел вовремя улыбнуться, поблагодарить, обезоружить книксеном. Сюрпризов и всяких других подвохов от него ждать не приходилось. С ним было надежно, но почему-то скучно.

Основной экстрим доставляли советские в этимологии клиенты. Наш человек, он ведь особый. Его хлебом не корми, дай театр одного актера устроить. Опять же, с ним не скучно, потому что он непредсказуем. Он как молния — бьет не целясь, и лишь потом, когда проснется совесть (а совесть у нашего человека просыпается всегда, просто она заднеприводная и срабатывает постфактум), так вот, и, только когда просыпается совесть, наш человек начинает разбираться, кого же он случайно, в порыве своей непредсказуемости, испепелил.

Непредсказуемость соотечественников девочек не пугала. И даже увешанные золотыми крестами в натуральную величину «малиновые пиджаки» им были нипочем. Потому что с О. Ф. девочки были как за каменной стеной.

В О. Ф. погибла великая дрессировщица. Она легко могла усмирить разбуянившегося соотечественника, иногда, в приступе встречной непредсказуемости, выскакивала из обменника и устраивала целое цирковое представление с жонглированием барсетками и другими предметами роскоши распоясавшегося клиента. К счастью, все заканчивалось для клиента благополучно: подлетала охрана и выпроваживала его под белые рученьки из гостиницы.

К вежливым соотечественникам О. Ф. относилась со снисходительным пониманием, терпеливо консультировала на тему курсов валют и за глаза ласково называла «маде ин усэсэр».

К обмену соотечественники подходили осторожно — долго заглядывали в окошки, выбирая безобидную на вид кассиршу. Вследствие такого творческого подхода у каждой кассирши со временем образовалась своя постоянная клиентура. Если у одной в клиентах числились преимущественно молодые люди, то у другой — женщины постбальзаковского возраста. Возле окошка Добытчицы Наташи, например, всегда толпились не отягощенные проблемами с простатой мужчины. Любая женщина, увидев роскошный, подчеркнутый глубоким вырезом Наташин бюст, шарахалась к другому окошку. В другом окошке бюстом не пахло, там маячили чахлые каркасы Понаехавшей или Праведной Ольги, посему оскорбленные Наташиными персями женщины охотнее эксчейнджили там.

Бедовую Люду присмотрели граждане с сомнительной валютой. Поэтому количество изъятых Людой фальшивых купюр спустя полгода перевалило за сотню. В банке хватались за голову — сомнительная валюта требует экспертизы и бумажной волокиты. В банке даже мягко намекали, что неплохо бы какое-то количество такой валюты возвращать клиентам с формулировкой «не прошла через детектор». «Пусть и у других банков голова болит», — говорили Люде. Но Люда объявила джихад фальшивомонетчикам и с намеченного курса сбиваться не собиралась. Так что если в О. Ф. погиб великий дрессировщик, то в Люде — непримиримый боец с преступностью.

Что касаясь Понаехавшей, то ее облюбовали шизофренички всех мастей. Тихие, обмахиваясь кружевными платочками, декламировали поэтов серебряного века. Буйные демонстрировали в окошко свои испещренные варикозом ноги, парики, искусственные челюсти и другие прелести и, закатывая глаза, повествовали разные истории о многочисленных молодых любовниках, штурмующих балконы, или о соседях, в пять утра с умыслом грохочущих титановыми болванками.

— Чем? — пугалась Понаехавшая.

— Титановыми болванками. От атомных боеголовок! — следовал исчерпывающий ответ.

— О-о-о-о! — выдыхала ошарашенная Понаехавшая.

— Слышь, Мундисабели, ты бы хоть комиссию с них брала. Другие такую чушь за деньги слушают! — посмеивалась О. Ф.

Понаехавшая расстраивалась. В каждом обороте речи О. Ф. ей слышался матерный контекст.

— А чего сразу Мундисабели? Это что-то нецензурное, да? — допытывалась она.

— А то! — гоготала довольная произведенным эффектом О. Ф.

Самой везучей на клиентов была Галя. Потому что к Гале шли политически активные пенсионеры. Денег у них было мало, зато желания обсудить ситуацию в стране — хоть отбавляй. Поэтому Гале приходилось на досуге штудировать учебник по истории. Чтобы соответствовать. А как-то с Красной площади к ней пришли «Ленин» и «Сталин» — актеры, которые зарабатывали на жизнь тем, что в образе вождей фотографировались с гостями столицы. У обоих был изнуренный алкоголем вид. Галя возбужденно разговаривала лозунгами, поминутно почтительно вскакивала с места и норовила взять у них автограф на бланке строгой отчетности. Еле отговорили.

Игорь

Однажды в обменном пункте работал мужчина Игорь. Понаехавшая могла поклясться чем угодно, что даже на самой высокой макушке самой высокой горы не каждый день встретишь мужчину такой зубодробительной, беспрекословной и сокрушительной суровости.

Личностный конструкт Игоря был безыскусен и незамысловат, и никаких завихрений в виде сантиментов или каких других эмоциональных

изысков не предполагал. При взгляде на Игоря в голову лезли разные увесистые слова типа коловорот, мордovorот или на худой конец — переворот. Опять же, открытая черепно-мозговая травма.

В анамнезе Игорь имел два неудавшихся брака и пятилетнюю отсидку в местах не столь отдаленных. Мочка его левого уха отсутствовала напрочь, глубокий прикус радовал глаз массивными булатными коронками. Выражать нестройный ряд своих мыслей он предпочитал исключительно матом.

— Хуй ли блядь надо было пиздячить блядь с этим мудозвоном блядь в его ебенья? — делился Игорь впечатлениями о поездке с бывшим тестем на дачу и глядел на Понаехавшую с претензией, требуя немедленной сатисфакции в виде адекватного ответа. Понаехавшая пугалась и искренне жалела, что не родилась глухонемой.

Питался Игорь только здоровой, домашнего приготовления пищей, закусывал ее ядреной головкой репчатого лука. Луком хрустел, как яблоком. Работать предпочитал исключительно под хорошую музыку. Правда, и тут без суровостей не обошлось — хорошей музыкой он признавал только репертуар группы «Лесоповал» и Михаила Круга.

Уволить Игоря О. Ф. не могла — он был племянником одного из руководителей банка. Ставить его в постоянную пару с кем-нибудь из девочек она тоже не могла — замучила бы совесть. Поэтому О. Ф. определила за Игорем скользящий график, чтобы у девочек была возможность отойти от смены с ним.

Работали кассиры сутки через трое, ночевали в обменнике, на маленьком раскладном диване, ложились когда валетом, а когда face to face. С Игорем такие номера не проходили. Игорь был поперек себя шире и пах как рота десантников после марш-броска через пустыню Гоби. От его храпа срабатывала сигнализация в Грановитой палате Кремля и сворачивалось молоко у кормящих мамочек ЦАО.

Поэтому смену с Игорем девочки коротали у окошка, глядя слезящимися от смрада глазами на стойку ресепшн напротив. «SOS!» — конвульсивно семафорили они лицом в гостиничное фойе. Администраторши из ресепшн делали сочувственные пассы руками, но помочь несчастным ничем не могли.

Проработал Игорь в «Интуристе» ровно два месяца. Уволился по собственному желанию — подался в челноки. Несколько лет успешно торговал в «Лужниках». Открыл сеть автомастерских по Москве. Потом вообще ушел в нефтяной бизнес с головой.

Увольнение Игоря девочки отметили небольшими посиделками типа

фуршет.

Фуршет потом плавно перетек в банкет, и Понаехавшая опять бегала с выпученными глазами по гостинице, вырывая из цепких ногтей О. Ф. разные высокопоставленные ребра.

В память об Игоре обменнику остались заслушанная до дыр кассета Михаила Круга да резиновые тапки сорок восьмого размера. Этими тапками О. Ф. пугала каждую новоприбывшую подчиненную. Мол — смотри, каким я троглодитом командовала, а уж тебя, милочка, подавно сожру!

О. Ф. худеет

Однажды О. Ф. решила похудеть. Притом худеть она принялась сразу после того, как объелась бутербродами с густоперченым салом.

— Вот, — сказала она, дожевывая последний бутерброд, — пора и честь знать. Сегодня у нас двадцатое декабря, до Нового года почти две недели, надо бы килограммчик-другой скинуть. А то брюки на пузе не застегиваются.

В те годы Москву накрыло бумом «Гербалайфа», но обменник эта напасть обошла стороной. Все кассирши благоразумно считали, что худеть за деньги — несусветная глупость.

— Лучше я эти деньги на жратву пущу, а вес бесплатно буду

скидывать, — резюмировала общий боевой настрой Добытчица Наташа.

О. Ф. запланировала на Новый год кожаные зеленые штаны, отороченные по краю енотом, умело загримированным под песка. К такой неземной красоте она прикупила черную облегающую кофту в бешеный перелив, с широкой гипюровой вставкой на спине.

У Понаехавшей задержалось веко. На ее робкое предложение заменить гипюровое великолепие на что-нибудь менее броское О. Ф. благодушно возразила:

— Дурашка! Что ты понимаешь в женской красоте?! Шокировать и укладывать штабелями — вот наше кредо. Наматывай себе на ус, если не хочешь загнуться синим чулком.

Когда закончились бутерброды, О. Ф., со словами: «Чтоб не перекусывать почем зря» — вынесла из обменника остатки хлеба, печенья и какую-то еще мелочь в виде окаменелых пряников и торжественно выкинула в урну.

Спустя полтора часа угрюмого голодания она снарядила Понаехавшую в продуктовый. За кефиром и сыром.

— Худеть — это не отказываться от еды! Это просто питаться с умом, — напутствовала О. Ф. — Кефир — это диетично. А в сыре с дырками больше дыр, чем сыра. Так что все честно.

В семнадцать ноль-ноль Понаехавшая снова сбегала в магазин — за крекерами и чем-нибудь легким типа овощного салатика.

— Возьми еще сыра с плесенью! — крикнула ей вдогонку О. Ф. — Он все равно воняет ногами. Его много не съешь.

В восемнадцать тридцать Понаехавшая опять предстала перед заинтригованными продавщицами.

— У вас сегодня гости? — полюбопытствовали они, завешивая двести граммов вареной колбасы (от вареной нам ничего не будет, она же не сырокопченая!).

— Мы худеем, — вздохнула Понаехавшая.

— Возьмите еще овсянки. Заварите кипятком. Может, и невкусно, зато полезно.

— Давайте.

Через пять минут пришлось возвращаться за мелпусеньким кусочком масла (ты охуела мне такое всухомятку предлагать?).

Когда Понаехавшая ворвалась в продуктовый аккурат перед закрытием, никто уже не стал удивляться. Продавщицы молча отвесили ей граммов триста ветчины, сыра с дырочками, ну и по мелочи — еще одну пачку крекеров и упаковку сушек (возьми на всякий случай, пусть лежат).

Вечер прошел в нервной обстановке. О. Ф. вздыхала и остервенело листала газету «Третий глаз». Зачитала вслух статью журналиста М. У. Дьяконова о групповой медитации, случившейся у паломников на подступах к дольмену Мамочки.

— И звезды указывали им путь в магические врата! — присвистнула она. — Молодец мудьяконов, хорошо написал.

Далее О. Ф. долго и обстоятельно изучала свои ноги под ультрафиолетовой лампой для просвечивания денег.

— Худею на глазах, — констатировала она, похрустывая крекерами, — с утра были полные, а сейчас просто отеки от долгого сидения.

В час ночи закончились крекеры. Следом закончились сушки. Сон предательски не шел. О. Ф., сердито поворочавшись на диване, снарядила Понаехавшую к девочкам в ресепшн. Девочки в ресепшн справляли чей-то день рождения, поэтому ничего, кроме «Киевского» торта и бутербродов с бужениной, предложить не могли.

Когда Понаехавшая прибежала с докладом о банкете напротив, О. Ф. помрачнела.

— Запивают чем? — нехорошо прищурилась она.

— Пятизвездочным армянским, — выдохнула Понаехавшая.

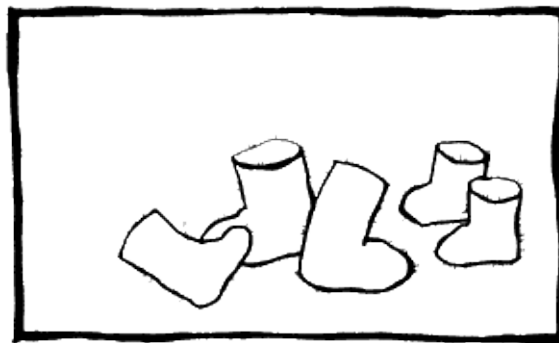
О. Ф. честно держалась минут пятнадцать. А потом с воплем: «Гори оно синим пламенем, надену юбку годе с накладными карманами!» — штурмом взяла ресепшн.

Попыток худеть она более не предпринимала. Штаны с псевдопесцовым начесом так и лежали в шкафу, пока О. Ф. не подарила их гостиничной уборщице тете Гале. Тетя Галя, контуженная таким роскошным презентом, тут же села на диету. С прицелом на осиную талию, сонмы кавалеров и томный полуночный разврат. Она два раза на дню преданно протирала окна обменника влажной тряпкой и, громко сглатывая слюну, наблюдала, как О. Ф. трапезничает бутербродами с сырокопченой колбасой, преступно запивая их сладким чаем.

Наблюдение: странное дело — похудевшую тетю Галю мужчины обходили стороной, зато вокруг О. Ф. охотно укладывались штабелями. Со всеми вытекающими отсюда томными делами. Вот такой практически оксюморон. Худеть или любить — вот в чем вопрос.

Еще немного диалогов Натальи

Бедовая Люда решает кроссворд:
— Древнегреческий многоглазый великан. Наталья, радостно опережая всех:
— Анус!
Минутная тишина, потом общий хохот.
— Может, Аргус? — любопытствует Добытчица Наташа.
Наталья, не желая сдаваться:
— Может, и Аргус. Зато Анус звучит солиднее!

С умным видом:

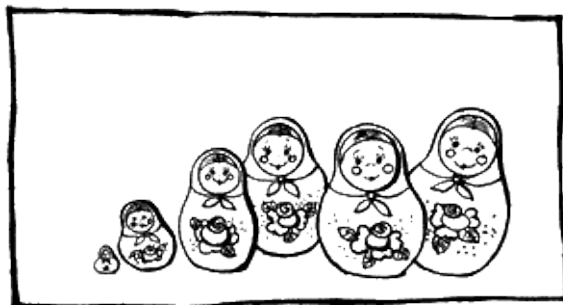
— Любовь — это такая нежность, которая разъединяет людей.

— Да ладно!

— А что? Вот смотри: полюбил — ушел от жены к другой. Или: полюбил — ушел от родителей к мужу. Сплошное разъединение!

— Смотри, какая умная!

— Ну! А вы всё дура да дура!

Понаехавшей:

— К тебе человек приходил.

— Какой человек?

— Ну... такой. Высокий, смуглый, с бородкой.

— Что сказал?

— Сказал передать, что он приходил.

— И больше ничего? Имени не назвал?

— Не назвал. То есть назвал. Имя такое, нерусское, я не запомнила.

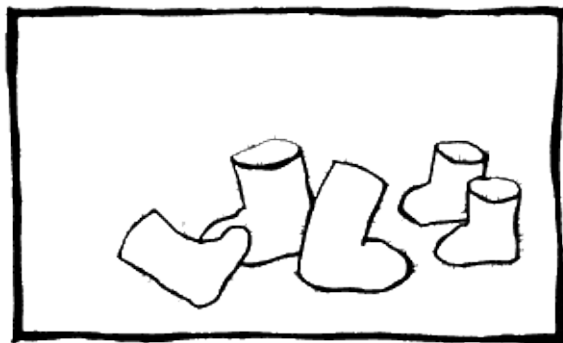
Типа Дормидонт.

Через пять минут к окошку подходит высокий смуглый мужчина.

— Здравствуйте, дядя Арташес! — улыбается Понаехавшая.

Наталья, радостно:

— Видишь? Я ж говорю — Дормидонт!

О. Ф. подавилась бутербродом, Наталья нещадно колотит ее по спине:

— Смотри, даже лопатки прощупываются!

О. Ф., отдышавшись:

— Ты на что намекаешь, вражья морда?

Наталья, пытаясь исправить ситуацию:

— На то, что на спине у вас, слава богу, целлюлита нет. Не то что на ляжках.

7 января. Наталья вваливается радостная в обменник:

— Христос воскрес!

— Дядяяяя? (*Общий стон.*)

— Вам не угодишь. Ладно, воистину воскрес!

Глава одиннадцатая. Не плюй в колодец

Однажды, приехав с утра на работу, Понаехавшая застала дикий скандал: какой-то азиатской внешности человек прямо-таки бушевал у окошка обменника — топал ногами и бешено грохотал выдвижным лоточком для передачи денег.

— Раз вы не принимаете ветхую валюту, то и выдавать должны только новую! — с сильным китайским акцентом надрывался он. — Не нужны мне ваши мятые рубли!

— Прааавильно! — прицельно пробасил в темечко дебоширу инкассатор Леша. — Построже надо с этими бабами, а то распустились тут!

Дебошир осекся, боязливо оглядел Лешу с ног до головы, пожевал недовольно губами, притих. Да и что тут скажешь, когда над тобой развевается такая красота! Инкассатор Леша выглядел сегодня вызывающе прекрасно — он прямо-таки свисал с тощего плеча Понаехавшей и изящно заплетался в ногах. Антураж инкассатора Леши объяснялся очень просто — буквально на той неделе у него случился день рождения, и он до сих пор его преданно отмечал.

Понаехавшая ввалилась в обменник ровно в ту минуту, когда Красавица Настя, глотая слезы, ковырялась в кассе, выбирая новенькие рубли для взъерошенного иностранного гражданина.

— Набираешь? Молодец! — Леша буквально опрокинулся на диван, вытянул с наслаждением ноги. — Китайцев обижать нельзя, они нам као-сао-ванк поставляют!

— Какой еще као-сао-ванк?

— Бальзам такой. «Золотая звезда». Вонючий — жуть. Мать этим бальзамом все болячки лечит, начиная от головной боли и заканчивая сглазом.

— То есть как это заканчивая сглазом? Как можно сглаз лечить? — Понаехавшая убрала в сейф инкассаторскую сумку и поправила свисающий с шеи автомат. — И чего это ты разлегся? Пора в машину, там тебя Шурик ждет!

— Натурально. Лечит, и все. Ни один сглаз меня не берет! — Леша поерзал, улегся удобнее, скрестил на груди руки. Девушки невольно залюбовались им — серые, необычайно глубокого оттенка глаза смотрели ласково и чуть насмешливо, светло-русые густые волосы непокорно вились на вспотевших висках.

— И вообще я отсюда никуда не пойду. Буду вас охранять! — смешно свел глаза к переносице Леша.

— Тут охраны до фигищи. Тебя только не хватало! — фыркнула Настя.

— Такого как я нигде не найдете. И вообще, я много веселых историй знаю. Про китайца Ху Цинга, например. Хотите расскажу?

— Нет!!!

— Значит, так. Этот Ху Цинг давно уже живет в Москве, лет двадцать точно. То есть практически ассимилировался. Ментально.

— В смысле ментально? — встрепелась Настя.

— В смысле мозгами: виртуозно ругается матом, опять же водочку уважает. То есть человек в душе практически русский, а снаружи — нет. Ну скажи по этому поводу свое традиционное, не сдерживайся! — улыбнулся он Понаехавшей.

— Мелкая твоя шовинистическая душонка! — с готовностью откликнулась Понаехавшая.

— Га-га-га! Так вот. Женился этот Ху Цинг на нашей русской девушке. Жили они — не тужили, пока у них мальчик не родился. Вот тут-то и начались проблемы. Потому что иммигрировать надо с умом. Человеку по имени Ху делать в России нечего. Родится у тебя сын — быть ему Хуевичем. А дочке, соответственно, быть Хуевной. Что тоже, согласитесь, не фонтан!

Инкассатор Леша с невозмутимым видом переждал приступ гомерического хохота, скрючившего девушек по разным углам обменника.

— И чего теперь? — отдышалась Понаехавшая.

— Имя себе меняет.

— Кто?

— Ху, кто же еще. Не хочу, говорит, чтобы мой сын звался гордым именем Дмитрий Хуевич, хочу, чтобы он звался Дмитрий Сергеевич!

— Да ну! Небось сам все придумал, — махнула рукой Настя.

— Вот те крест! — Леша хаотично потыкал себя в грудь. — Ху на моей однокурснице Ляльке Вересаевой женился. Так что теперь она Лялька Цинг, Хуева жена.

— Ладно, пошли отсюда, рассказчик! — дернула Лешу за рукав Понаехавшая. — Нам работать, а ты отвлекаешь.

— Не ценишь ты меня! — причитал Леша, пока она волокла его обратно к ржавой «шестерке», служившей банку инкассаторским автомобилем повышенной бронированности. — И истории ты мои не ценишь! И као-сао-ванком не пользуешься небось!

— Не ценю. — Понаехавшая затолкала Лешу в машину и проследила,

чтобы он устойчиво угнездился на сиденье, захлопнула дверцу. — И не пользуюсь. Кстати, бальзам «Золотая звезда» нам вьетнамцы поставляют, а не китайцы, ясно? Аривидерчи, амигос!

— Ты автомат-то отдай, амигос! — загоготал Леша в победно удаляющуюся спину Понаехавшей.

Пришлось позорно возвращаться и вручать водителю Шурику автомат.

— Чтоб глаза мои тебя не видели! — брызнула на прощание ядом Понаехавшая.

— Я тоже тебя люблю, — не остался в долгу инкассатор Лёша.

Ржавая «шестерка», победно библикнув «Ламбадой», стартовала в сторону Театрального проезда. Понаехавшая проводила ее долгим немигающим взглядом и громко вздохнула.

— Если рассказать на родине, что в Москве среди бела дня можно услышать автомобильный сигнал «Ламбада», никто ведь не поверит! — пожаловалась она прогуливавшемуся рядом начальнику гостиничной охраны Сергею Владимировичу по кличке Дровосек.

— Почему не поверят? Очень даже поверят. В Москве — как в Греции. Всё есть! — И Дровосек, выводя бедрами восьмерки, проникновенно затянул на всю Тверскую: — Ааааа-рекордасао-ваи-естар-ком-эл-ан-де-фооооор!

— Я пойду? — вспотела Понаехавшая.

— Иди! — смилостивился Дровосек.

— Сергей Владимирович, прием, что это было? — захрипела рация.

— Идите в жопу, прием! — обратно засборил лицо в суровую гримасу Сергей Владимирович.

— Ты бы видела, как Дровосек на проходной ламбаду наяривал! — Понаехавшая ворвалась в обменник и уставилась на Настю. — А бедрами как двигал!

— Как двигал? — Настя оторвалась от купюры в десять тысяч

японских иен и уставилась на свою коллегу.

— Вот так, — Понаехавшая попыталась повторить телодвижения Дровосека.

Настя окинула ее снисходительным взглядом, фыркнула:

— Даже в Дровосеке развратности больше, чем в тебе!

— Куда мне до Дровосека! — Понаехавшая достала из сейфа инкассаторскую сумку, аккуратно обрезала спаянную металлической пломбой суровую нить, вытащила пачку долларов, нахмурилась — на верхней купюре колючим почерком была выведена ее фамилия.

— Интересно, она всю валюту пометила? — Настя заглянула в сумку, вытащила еще одну пачку денег.

— Видимо, всю. — Понаехавшая раскрыла веером доллары и продемонстрировала метки со своей фамилией почти на каждой купюре.

— Чтоб ей пусто было! — выдохнула в сердцах Настя.

Банк со своими работниками был строг и требователен донельзя. За малейшие, даже самые безобидные ошибки наказывал рублем, особенно лютовал, когда кто-то из сотрудников принимал ветхую валюту. Притом ветхой считалась любая, даже новенькая, «хрустящая» купюра старого года выпуска. Такую валюту банк мстительно возвращал кассирам.

— Реализовывайте, как хотите! — надрывалась в телефон заведующая отделом валютных операций Инна Денисовна. — Или же выплачивайте из своего кармана, раз вы у нас такие умные!

На попытки втолковать банку, что приезжие не виноваты в диких местных нравах, начальство пожимало плечом и переходило на ультразвук:

— А мы вас не держим! Увольняйтесь, других наберем!

Особенно туго приходилось кассиршам, работающим в «Интуристе». Попробуй объяснить привыкшему к вежливому обращению иностранцу, что он не может поменять вполне себе нормальные, но 1973 года выпуска доллары только потому, что так захотелось банку! Иностранцы реагировали на такой произвол весьма предсказуемо — негодовали, оскорблялись и требовали незамедлительного обмена денег.

— Не мы ввели такие правила, — слабо оправдывались девушки, — это наш банк и начальство!

— Факинг крейзи банк! — ругались иностранцы. — Энд факинг крейзи босс!

Кое-кто из доведенных до белого каления интуристов, как, например, утренний китаец, устраивал прямо-таки демарши. Девочки густо краснели, разводили руками, извинялись по сто раз. К сожалению, в те годы

повсеместно царили нелицеприятные порядки — банки упорно игнорировали распоряжение ЦБ принимать любую валюту, если только она не прострелена навывлет в пятистах местах. Кассиры обменников были подневольными людьми и, во избежание конфликтов с начальством, придирались ко всему — печати или росписи на купюре или чуть потертому портрету президента.

Правда, не все сотрудники следовали внутренней инструкции банка. Некоторые особенно юродивые работники ухитрялись безропотно принимать все деньги. Особенно преуспели в этом деле Праведная Ольга и Понаехавшая. В отместку Инна Денисовна завела себе привычку выводить карандашом на «неправильных» купюрах фамилию строптивного кассира и возвращать их виновнице торжества с ультразвуковыми переливчатыми комментариями.

— Еще одна купюра времен царя Гороха — и они могут идти на все четыре стороны, — предупредила недавно Инна Денисовна О. Ф., брезгливо тыкая длинным ногтем в купюру 1966 года выпуска.

О. Ф. заведующую отделом валютных операций терпеть не могла, поэтому мигом завелась:

— Вы вообще соображаете, что говорите? Как можно отказать человеку в обмене, если он пришел с нормальными деньгами?

Инна Денисовна мелко вздрогнула нарисованными бровями и тонкими холеными пальцами:

— Еще раз вы позволите себе повисить на меня голос — и я уволю вас, притом по какой-нибудь нехорошей статье. Ясно?

На каждом пальце Инны Денисовны переливалось кольцо повышенной каратности. Бриллиантовые и изумрудные брызги слепили и раздражали О. Ф. Она демонстративно встала руки в боки, выставила вперед правую ногу в псевдозамшевом ботинке, гордо вскинула голову.

— И по какой такой нехорошей статье вы меня уволите? Валютные махинации? Или, может быть, воровство? — И О. Ф. кинула многозначительный взгляд в сторону переливчатых пальцев заведующей отделом валютных операций.

— Я попрошу! — заволновалась Инна Денисовна. — Я попрошу!

— Попросит она, попрошайка жопоногая! — взорвалась О. Ф. — Ты попросишь, а нам что делать? Там кругом иностранцы, и все несут старую валюту. Чего нам делать, спрашиваю я тебя?

— Мы подумаем над вашим поведением, — холодно отрезала Инна Денисовна и указала перстнем в дверь. — Вы свободны.

— Очень надо! — дыхнула огнем О. Ф. и выскочила из кабинета. — Они подумают! Они, оказывается, думать умеют! Ха!

Репрессий, как ни странно, не последовало. Но девочки понимали — еще один скандал, и достанется всем. Поэтому они раскинули мозгами и придумали маленькую хитрость: если не получалось по горячим следам реализовать принятую за день «неправильную» валюту, ее по эстафете передавали следующей кассирше. Таким образом, в банк уходила новая валюта, а старая оседала в кассах. А те купюры, которые не получалось обменять на новые, заведующая отделом валютных операций с маниакальным упорством помечала карандашом и возвращала в «Интурист».

Если можно было бы убивать мыслью, то Инна Денисовна давно уже была бы мертва. Но дистанционно убивать обменник не умел, поэтому с ужасом ждал того дня, когда из банка нагрянет проверка и обнаружит в кассах валютную рухлядь. В минуты горестных раздумий девушки сладострастно рисовали в своем воображении дивные картины. Например, как Инну Денисовну многократно кусает бешеная собака, и заведующая корчится от болезненных уколов в живот. Или того хлеще — Инна Денисовна счастливо сходит с ума, и бригада могучих санитаров увозит ее

в Кащенко. Навсегда и на веки вечные. Такие мечты скрашивали суровые рабочие будни и настраивали кассиров на боевой лад.

Как это ни прискорбно признавать, но коллективная медитация воплотилась в реальность.

Однажды О. Ф. заползла в обменник с виноватым выражением лица и нехорошо уставилась на своих подчиненных.

— Что такое? — переполошилась девушки.

— Да тут вот какое дело, — замялась О. Ф. — Денисовну ограбили.

— Как это ограбили?

— Вот так. Всё вынесли, даже мебель. Она в выходные за городом была, вернулась — а дома хоть шаром покати. Сегодня в банк пришла в каком-то старом шушуне и чуть ли не в калошах.

В обменнике воцарилась гнетущая тишина. Да и что тут скажешь — не злорадствовать же!

— Что самое странное... — О. Ф. нахмурилась и провела пальцем по морщинке между бровями. — Она написала заявление об уходе по собственному желанию. Ушла, ни с кем не попрощавшись.

— Бедная, — вздохнули девочки.

Через неделю стало ясно, почему Инна Денисовна ушла не попрощавшись. Она накатала жалобу в ЦБ и чуть ли не в Минфин, где в подробностях раскрыла все схемы, благодаря которым банк уходил от налогов. В центральный офис зачастили с проверками инспекторы из налоговой, и банковское начальство замучилось водить их по ресторанам и одаривать завуалированными под дорогостоящие подарки взятками.

В своей кляузе Инна Денисовна в том числе указала, что кассиры игнорируют указ ЦБ принимать ветхую валюту. Конечно же, в обменник нагрянула проверка.

И тут настал звездный час девушек. Ибо то количество старой валюты, которую они выгребли из касс, ввергло в ужас даже выдавших виды инспекторов.

О. Ф. ходила потом грудь колесом. Скопировала отчет об итогах проверки и вывесила на стене обменника — на всеобщее обозрение.

Придумала новую поговорку.

— Не плюй в колодец, козленочком станешь, — периодически мурлыкала она, намекая на Инну Денисовну.

Девочки согласно кивали в ответ.

Ухажеры вокруг О. Ф. вились всегда, ибо женщиной она была в меру вызывающего и несомненного сексуального облика и умела очаровывать мужчин в каких-то прямо-таки безудержных количествах.

Привлекала она их внимание не только своей бесспорной красотой, но и неординарным поведением. Например — очаровательной манерой высовываться по пояс в окно едущего автомобиля, будучи крепко за рулем. Понаехавшая лично присутствовала при одном таком сальто-мортале. В тот день О. Ф., проехав под «кирпич», умудрилась, высунувшись в окно и переругиваясь с водителем автомобиля, пытающегося проехать в законном направлении, развернуться на крохотном пяточке и выскочить обратно в поток машин. Водитель поруганного автомобиля догнал «пятерку» О. Ф. на светофоре и потребовал незамедлительно выйти за него замуж. О. Ф. тут же согласилась, назвалась Зинаидой, продиктовала телефон бухгалтерии и, рассыпаясь в воздушных поцелуях, повернула под следующий «кирпич».

Красилась О. Ф. как если бы писала картину в авангардистском стиле — накладывала косметику щедрыми мазками, зачастую экспериментируя на ходу, дополняла свой облик новыми, смелыми штрихами. Как-то она промахнулась с покупкой карандаша для бровей, коричневый на вид грифель чертил почему-то красным, и О. Ф. из чувства протеста проходила целую неделю с вызывающими бровями, для убедительности оттеняя их шейным платком в алые разводы.

Еще О. Ф. умела сокрушительно выпить, не размениваясь на закусь и всякие чоканья, в подпитии была адекватна, но в меру агрессивна и готова на отпор. Однажды, будучи несколько подшофе, она принимала участие в драке «стенка на стенку», притом одна стенка была представлена тремя цыганскими гадалками, вышедшими на промысел на Большую Дмитровку, а другую стенку являла собой О. Ф. в боевом вечернем раскресе и туфельках на каблуке. Итого: гадалки позорно бежали с места боя, брэнча многочисленными кольцами и монистами, а О. Ф. победно пошла дальше, на спектакль в ефремовский МХАТ — отдохнуть, по велению магического альманаха «Третий глаз», седьмой чакрой Сахасрара.

Потомственные театралы влюблялись в О. Ф. пучками. Театрал, он с виду, может, и рафинирован, но не чужд авантюрных экивоков и всяких других бравурных трепыханий. Поэтому ничего удивительного, что в тот день О. Ф. ушла из храма Мельпомены не одна, а под руку с очаровательным мужчиной Зябликовым — профессором, доктором

экономических наук, коренным жителем ЦАО, ул. 1-я Тверская-Ямская, дом, в котором живет Пугачева. Всё, буквально всё в Зябликове было хорошо — пятикомнатная квартира, домработница, венецианское стекло и прочий антиквариат. Флердоранж и унитаз под гжель. Опять же ламбрекены.

Но! У Зябликова имелась мать. Косящий под нежную маргаритку ядовитый плющ Аглая Викторовна. Профессорская жена и генеральская дочь, уроженка дома на Котельнической набережной.

Аглая Викторовна была стойким бойцом невидимого фронта, поэтому при виде пассий сына принималась трепетно закатывать глаза и плохо выговаривать букву «ш».

— Дууууууфенка, — самозабвенно рассказывала она О. Ф., застукав ее впервые у себя в квартире, — может, хотя бы вы станете той единственной, которая украсит холостяцкие будни моего сына! Вот буквально до вас, буквально вчера, была Маааааафенька, преподаватель консерватории, чууудная девочка! — Здесь Аглая Викторовна трепетно закатывала глаза. — Жаль, они не софлись характерами. Мафенька требовала страстных ночей, а у моего сына (*слеза в голосе*) аллергия и хронический простатит. О каких страстных ночах может идти речь?

О. Ф. сидела напротив, нога на ногу, в нелепой оборчатой юбке с вышитыми бисером накладными карманами. В щедром декольте прямо-таки переливалась инкрустированная бижутерией грудь. О. Ф. была благодушна и расслаблена — пока мамочка неосмотрительно отлучалась по делам, у них с Зябликовым случилась страстная эскапада на унитазе под гжель.

Аглая Викторовна, озабоченная безучастностью О. Ф., пожевала губами и решила копнуть с другого боку:

— А вы, извините, кем работаете? А то мой мальчик любит деууууфек творческих профессий — скрипачек, актрис, художниц.

— Работаю сутенершей в гостинице «Интурист», — любезно осклабилась О. Ф.

— Кем-кем?

— Сутенершей. «Крышую» проституток. Сиречь блядей.

— Ава-ва-ва, — зашлась в мурашках Аглая Викторовна.

О. Ф. потом смешно рассказывала, как мать Зябликова воевала с ней. Например, посредством званого ужина.

— Дуууууфенька, — пела она в трубку, — вы приглашены на званый ужин. Наденьте что-нибудь черное, длинное и наглухо застегивающееся.

Будут Антоновы и Гольц.

О. Ф. являлась на ужин в алом и вызывающем, с рыжей лисой на плече. Аглая Викторовна, будучи оскорблена до глубины души, виду не подавала. Зато мстила названиями блюд.

— Дуууфенька, — обращалась она к О. Ф., — сейчас у вас будет гастрономический фок. Вряд ли вы когда-либо ели изысканный рыбный суп с крутонами, тертым сыром и соусом «Руй».

— С каким соусом? — делала невинные глаза О. Ф.

— С соусом «Руй»!

— А мне послышалось ху...

— Кха-кха-кха! — прерывала благочестивым кашлем возмутительные речи О. Ф. Аглая Викторовна. Антоновы и Гольц, укрывшись салфетками, тихо рыдали по периметру вычурно сервированного стола.

К большой радости Аглаи Викторовны, О. Ф. особых планов на Зябликова не строила, а вскорости вообще завела себе параллельного джентльмена — Митрича с автобазы на Кировоградской. Митрич, может, и не знал, что такое консоме, и андуйет посчитал бы личным оскорблением, зато умел в два счета поменять колесо машины или сколотить баньку.

Кавалеры долгое время существовали в жизни О. Ф. бок о бок, практически не подозревая друг о друге. Отношение к ним у О. Ф. было разное. Если в ее личной шкале предпочтений бесхребетный Зябликов оставался на уровне прогрессивного кроманьонца, то Митрич прочно застрял в неандертальцах. Поэтому Зябликова О. Ф. жалела, а Митрича пользовала на полную катушку — он был крепче физически, да и ментальными треволнениями оставался счастливо не замутнен.

А ежели кому интересно, кто являлся для О. Ф. Homo Sapiens в самом прекрасном смысле этого слова, то так и быть, не станем делать из этого тайны. Homo Sapiens-ом О. Ф. считала только одного представителя мужской половины человечества, и имя ему Адриано Челентано.

И этим все сказано.

Мы песенку про Петю решили вам пропеть... (А. Барто)

Однажды в обменнике работала девушка Лена.

В свои тридцать один Лена являлась мамой пятнадцатилетнего сына. Так получилось, что сына она родила в десятом классе. Как-то очень незаметно для себя и для окружающих проходила всю беременность и к концу третьей четверти, аккурат на большой перемене, изошла

околоплодными водами в школьном буфете.

Мальчик звался Семеном и к моменту Лениной работы в обменнике из послушного и ласкового котеночка превратился в огнедышащее прыщавое чудище с волосатыми подмышками и другими буйно зацветшими вестниками полового созревания.

У Лены когда-то имелся муж Петя. Не то чтобы шибко красивый и даже не умный, денег тоже домой не приносил, но зато пил... как бог. То есть бесконечно. Лена сначала пыталась воспитывать его разными доступными методами, как-то: совестила, колотила скалкой, наказывала сексуальной блокадой. В смысле не давала. Петя эскапад жены не замечал, неустанно совершенствовался в непростом деле алкоголизма, придумывая водочные заначки в самых неожиданных местах — приматывал бутылку скотчем к задней ножке кровати, закапывал в горшок с бенгальским фикусом, не брезговал водным пистолетом сына.

Однажды Лена обнаружила Петину заначку в своей спринцовке. И тут ее великое терпение закончилось.

«Так больше жить нельзя», — решила она, схватила в охапку Семку, многострадальный фикус, спаниеля Сушку и переехала к матери на Коровинское шоссе. От алиментов брезгливо отказалась, в отместку стала называть Петю Педей.

Устроилась в риелторское агентство. Пропадала на работе с утра до ночи, стала неплохо зарабатывать. Параллельно переболела гепатитом А. Новый год отметила супчиком из шпината, горько вздыхала над салатом «Оливье».

Останавливаться на достигнутом Лена не собиралась, поэтому через месяц ввязалась в драку. Сосед с первого этажа колотил в подъезде жену, а Лена шла мимо, возвращалась из магазина. Ну и попутно, буквально походя, избивала соседа авоськой с репчатым луком так, что он потом полгода с женой на «вы» разговаривал.

На излете зимы была покусана бешеной собакой. Стоически перенесла изуверское лечение. Между уколами лаялась с родней — на Истринском водохранилище мать с тетей владели шестью сотками. Лене полагалась мамина половина — три сотки, но тетнины два сына всячески напирали на нее и требовали разделить «по справедливости — чтобы каждому по трети». Воздвигли на участке хлипкую перегородку, отвели Лене две сотки. Лена ездила на участок по воскресеньям, мстительно переносила перегородку обратно.

Когда братья выдвинули тяжелую артиллерию в лице своих жен, Лена сделала ход конем и вышла замуж за женатого таджика. Женатый таджик

звался Саидом, руководил большой стройкой. Недалеко от Лениных законных соток, через дорогу от церкви, воздвигал скромный особняк местного священника — трехэтажный дом с пятью парковочными местами и прочей утварью для постной, целомудренной жизни, как-то: большой бильярдной комнатой, бассейном с подогревом и многоуровневым погребом со специальным отсеком для хранения дорогих вин.

Саид нагнал на Ленин участок рабочих, в рекордно короткое время воздвиг крепкую изгородь, поставил временку и перебрался туда жить. На том и кончилось великое противостояние — спорить с двухметроворостым амбалом с пудовыми кулаками кишка была тонка, поэтому родственнички погоревали-погоревали, да затеяли разъезд. Предложили Лене участок в Троицком районе, а сами остались на Истре. Лена с радостью подписала все бумаги и навсегда забыла о сварах. Периодически пересекалась с Саидом — помогала ему оформлять российское гражданство. Саид рассказывал леденящие душу истории о том, как уживаются на шести сотках два родных брата.

— Вчера чуть не поубивали друг друга, всей бригадой разнимали, — качал он головой.

Осенью Лена заработала себе открытый перелом. В трамвае. Стояла на верхней ступеньке, никого не трогала. Трамвай дернулся, какой-то плотный мужичок не удержал равновесия, рухнул на Лену и впечатал ее в дверь. Заодно сломал ногу.

Потом Лена целый месяц сидела дома и придумывала разные способы, как почесать отчаянно зудящую под гипсом ногу. Научилась мыться частями и гоняться за шkodливым сыном, прыгая на одной ноге. По ходу выздоровления метко раздавала ему гипсовые поджопники.

Разработала ногу, вернулась в риелторское агентство. Вроде вздохнула с облегчением, но тут у Семки пошли пубертатные дела. Бабушка с внуком не справлялась, пришлось искать работу стуки через трое. Так Лена попала в обменник. Сутки отдыхала на работе, трое воевала с сыном.

Спрашивала совета у О. Ф., как уговорить сына.

— С детства надо было воевать, — хмыкнула О. Ф., — теперь уже поздно что-то делать.

Как-то, совсем отчаявшись, Лена позвонила бывшему мужу — просить помощи. Педя внезапно ответил трезвым голосом, вызвался подъехать завтра и спустить с сына все шкуры.

Слово свое сдержал. Остался на чай, решительно отказался от водки.

— Три месяца как завязал.

— А что так? — поинтересовалась Лена.

— За ум решил взяться.

Лена глянула недоверчиво, ничего не стала говорить. Подстегнутый ее молчанием, Педя кинулся рьяно выполнять свои отцовские обязанности — забирал к себе на выходные Сему, по первому требованию нещадно муштровал и даже настоял на алиментах. Растроганная Лена стала называть его Педро, этакий переходный вариант между Петей и Педей.

Спустя полгода в том же составе — Сема, фикус, спаниель Сушка — переехала к нему на проспект Вернадского. К моменту переезда три месяца как ласково называла мужа Петюшей.

Через год ушла в декрет. В положенный срок родила близнецов — Сергея Петровича и Александра Петровича.

На том и устаканилась в своих эзотерических метаниях.

Еще немного диалогов Натальи

Теребит в руках стодолларовую купюру:

— Смотри, как все придумано хитро. Тут и водяные знаки, и лента, и разные примочки (задумчиво перечисляет): дерево, шпиль, часы. Хм. Президент.

— А президент чего?

— Франклин.

— Чего Франклин?

— Косой и пучеглазый. Теперь понятно, зачем его на стодолларовую купюру поместили.

— Зачем?

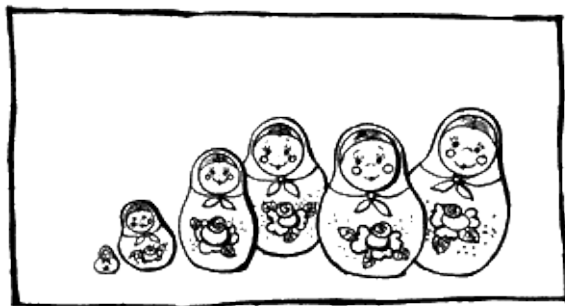
— Пучеглазие-то небось трудно скопировать!

— Да ладно!

— А то! Вот сама попробуй и скажи мне — легче обычно смотреть или выпучившись?

— Ну при чем здесь это?

— А при том. Небось и фальшивомонетчику трудно это пучеглазие печатать. Такой напряг для глаз!

Хвастает новой тушью:

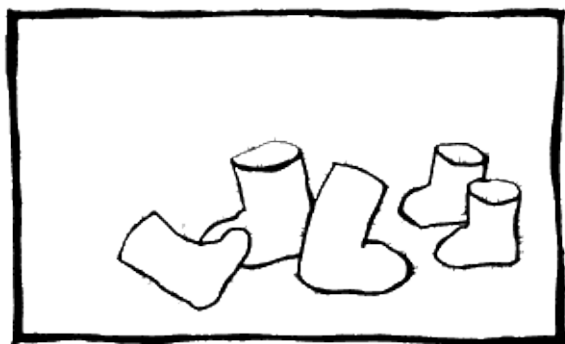
— Водонепроницаемая.

— Может, все-таки водостойкая?

— Как-как?

— Водостойкая.

— Блин! Еще и водостойкая!!!

Разговаривает по телефону с мамой:

— Мам, ну чего ты! Я уже пять дней не курю!

Ловит на себе осуждающий взгляд Праведной Ольги.

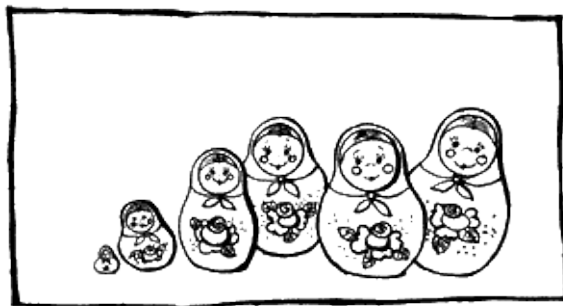
— Ладно, четыре! Не пью и не курю!

Ольга возмущенно скрипит стулом.

— Ладно, три дня. Не пью, не курю и не трахаюсь. Ольга вздыхает.

Прикрыла трубку рукой:

— Заканчивай вздыхать. Ты что, хочешь, чтобы я про свою молочницу проговорилась?

Спряталась за колонну в фойе, следит, как жрица любви торгуется с потенциальным клиентом. Прибежала к Понаехавшей, шепчет в окошко:

— Слушай, а вот чего это она говорит «севенти»?

— Семьдесят.

Убежала. Примчалась через минуту.

— А чего такое фифти?

— Пятьдесят.

— А твенти?

— Двадцать.

— Охренеть. Она ему за полтинник двадцать раз сделает минет.

— Гы-гы. Ты что-то не так поняла.

— Да все я так поняла! Говорит — фифти бакс. А он что-то мычит. А она говорит — твенти минит. Ты же говоришь, что твенти — это двадцать?

— Ну!

— А минит — это минет. Международный термин! Таких простых вещей не знаешь, дурашка (*снисходительно*).

Глава двенадцатая. Дефолт. Грустная история в двух зарисовках

Зарисовка первая. Сюрприз

Однажды в России случился дефолт. По своему обыкновению — весьма неожиданно. Сегодня заснул в благополучной стране — завтра проснулся в Суринаме. Солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь, и с неба пошел дождь из лягушек. Ну, как оно в России исторически заведено.

Дефолт предвещали весьма странные события. Несколько дней банк непонятным образом лихорадило. Администраторы сновали по коридорам со взъерошенными лицами и на все вопросы отвечали обнадеживающими фразами типа: «Все в порядке, вешаться пока рано».

Потом позвонила давно уволившаяся Галя.

— Девочки, — таинственным шепотом сообщила она, — тут мой Петя волнуется. Говорит — скоро рванет.

— Чего рванет? — напряглась О. Ф.

— Да хрен его знает. Третью неделю нудит. Что-то про развал банковской системы, про невыплаченные долги. Не знаю, то ли верить, то ли санитаров вызывать.

— Дай ему по-человечески, и он успокоится!

— Да я извелась ему давать, — замычала Галя, — а толку!

— Совсем без толку? — заволновалась О. Ф.

— Как об стенку горох!

И разговор, вильнув хвостом, потек о своем, о наболевшем женском.

А потом грянул дефолт. На следующий день позвонила Бедовая Люда и, сославшись, на семейные обстоятельства, отпросилась на одну смену. Вышла она на работу через неделю, в траурном обрамлении мимических морщин, прижимая к груди пакет с призывно позвякивающими бутылками.

— Что случилось? — ахнули девочки.

— Ой, девочки! — заголосила Люда. — Ой, девочки!

— Так! — властным жестом остановила плакальщицу О. Ф. — Ты сначала разлей, а потом причитай.

Люда вытащила из пакта бутылку, разодрала зубами золотистую крышку, хлебнула из горла и разрыдалась.

О. Ф. молча открыла вторую бутылку, разлила по пластиковым стаканчикам водку, сунула Понаехавшей крышку:

— Понюхай хоть, горе горькое!

Девочки скорбно выпили, закусили четвертиночкой «Дарницкого» и устали на Люду. Понаехавшая, как единственный непьющий работник в коллективе, опустила жалюзи второго окошка и приготовилась работать сутки в одно рыло.

— Рассказывай, — дала отмашку О. Ф.

И Люда, периодически скорбно отхлебывая из бутылки, поведала коллегам свою трагическую историю. Оказывается, за две недели до дефолта Людина свекровь Серафима Петровна, не ставя наследников в известность, продала две свои комнаты в большой коммунальной квартире на Кузнецком Мосту. За сто двадцать тысяч долларов. И аккуратно шестнадцатого числа положила все деньги в банк.

— Звонит она нам вечером, мол, у меня сюрприз. Жить я буду теперь с вами, зато денег у нас в банке о-го-го!

Чем обернулось это «о-го-го» на следующее утро, знают все. И теперь Серафима Петровна, после пятидневного дежурства в очередях перед рухнувшим банком, счастливо двинулась мозгами и сочиняет письмо Ельцину. Премьеру Кириенко письмо с клоком интимного начеса уже отправлено.

— С клоком чего? — поперхнулись девочки.

— Того самого! Шаманит. Говорит, что у нее открылся третий глаз, и теперь она житья никому не даст. Сейчас Ельцину письмо отстрижет, а потом и до Волошина дело дойдет.

— Так на всех клоков не напасешься! — поцокала языком О. Ф.

Люда фыркнула, утерла рукавом заплаканное лицо и вдруг, запрокинув голову и по-бабьи всплескивая руками, звонко расхохоталась.

Далее банкет потек по обычному сценарию — Добытчица Наташа показывала всем фирменный фокус с сисями, О. Ф. периодически выскакивала в фойе, чтобы устроить традиционную охоту за каким-нибудь залетным «авторитетом», а Люда терпела-терпела, а потом сбегала в туалет и снова застряла в кабине, откуда ее, повизгивающую от истерического хохота, выудила натасканная на Людины выходки уборщица.

Сто двадцать тысяч долларов, огромное по тем временам состояние, безвозвратно сгинули вместе с руководством банка.

Зарисовка вторая. Гуманитарная помощь

Серафима Петровна двинулась мозгами навсегда и бесповоротно. Но с некоторым, если можно так сказать, созидательным уклоном. Созидательный уклон заключался в том, что Серафима Петровна бегала по разным собесам и офисам неправительственных организаций, выклянчивая себе гуманитарную или какую другую помощь. В фонде Сороса, например, ее знала каждая собака и старалась раствориться прежде, чем Серафима Петровна примется с жаром рассказывать про сто двадцать тысяч долларов и интимную переписку с руководством страны.

Но однажды случилась история, которая раз и навсегда отбила у Серафимы Петровны желание бегать по разным учреждениям.

То утро, казалось, не предвещало ничего нового — традиционная

грызня с невесткой, долгое мстительное мытье в душе, пока эта шалава скакала под дверью с криками выдать косметику, потому что накраситься нечем.

Затем Серафима Петровна, довольная тем, что невестка таки ускакала на работу бледной молю, обстоятельно завтракала гречневым проделом и просроченным печеньем, запивая это дело спитым, зато крепкосладким чаем. Далее шаманила над нижним бельем сына, чтобы без простатита и каких других геморроев, и над нижним бельем невестки, чтобы лишай ей на одно место и молочница в любое время дня и ночи. А потом спустилась к почтовому ящику — переругиваться с рекламными листовками. Вот тут-то все и приключилось — среди бесполезной макулатуры обнаружилось письмо в многочисленных иностранных штампах, с краснощеким Санта-Клаусом на конверте.

Серафима Петровна, как всякий выпестованный по эту сторону железного занавеса бдительный гражданин, первым делом обстоятельно изучила конверт на предмет обнаружения хитропродуманных шпионских заморочек. Конверт был слегка помят, но в целом выглядел вполне безобидно, хоть и пах пылью и котами. Это настораживало.

Поэтому Серафима Петровна, конспиративно сливаясь с матерным граффити на стенах подъезда, бесшумно прокралась в квартиру и принялась облучать вражеское послание под кварцевой лампой. Далее она аккуратно вскрыла его над дымящимся носиком чайника, чтобы, если что — мгновенно запечатать обратно и отречься от содержимого. Из конверта выпали исписанный иностранными словами лист бумаги и фотография. На фотографии незнакомая пожилая пара, нежно обнявшись, с улыбкой глядела в объектив.

— Точно шпиёны, — похолодела Серафима Петровна и побежала спускать компромат в унитаз. Но тут с работы вернулся Жорик. Обнаружив мать в воинственной позе с маникюрными ножницами и конвертом над унитазом, он решил, что та обратно взялась за старое и отстригает очередное интимное послание в верха. Поэтому, пригрозив болевым приемом с удушающим захватом, он отобрал у нее письмо.

И, пока расстроенная Серафима Петровна разогревала обед, Жорик, вооружившись немецко-русским словарем, переводил послание. Из письма следовало, что пожилая австрийская пара передает незнакомой русской семье, счастливо дожившей до «perestroika und glasnost», большой привет и оповещает ее, что в скором времени она получит рождественский презент — посылку с гуманитарной помощью.

Рождественский презент не заставил себя долго ждать, и в начале

весны постучался уведомлением в почтовый ящик. В посылке, которую в тот же день приволок Жорик, лежали несколько банок фасоли в подозрительно коричневом соусе, длинный красный колпак Санты с белым помпоном на конце и вязаный носок (одна штука), набитый доверху твердокаменными мятными пряниками.

Подозрительно коричневый фасолевый соус на поверку оказался шоколадным, и даже закаленная советским дефицитом Серафима Петровна не смогла съесть такую гадость. Попытка выйти тайком из дому в красном колпаке Санты не увенчалась успехом — сын с невесткой пригрозили сменить замки и никогда более не пускать ее на порог. Один носок, хоть и шерстяной, при всем желании не наденешь. Если только на одну ногу. Но где же это видано. Твердокаменные мятные пряники отдавали скипидаром, и даже прожорливые чистопрудные голуби, к которым Серафима Петровна ездила через весь город с тремя пересадками, шарахались от них, брезгливо кривя клювы.

«Вот оно как, — думала Серафима Петровна, наблюдая, как толстопопые сизые голуби, переваливаясь с лапки на лапку и истово курлыча, ходят по самому краю воды. — Вот оно как. Свои ограбуют, а чужие надуют. И с энтим надо как-то жить».

Профессионализм

Однажды у О. Ф. случился день рождения. Самый настоящий юбилей, сорок пять лет.

О. Ф. сразу предупредила, что отмечать ничего не собирается.

— Что я, дура, такое праздновать? Сделаем вид, что мне тридцать пять, и на той жопе сядем. Подарок возьму трехлитровой кастрюлей из нержавеющей стали. Которая с пожизненной гарантией. Предупреждаю — стоит дорого. Но с восьми человек триста долларов — это тьфу!

Девочки скинулись, связались с менеджерами фирмы, заказали кастрюлю. Угодили в беспрецедентную презентационную акцию, получили в подарок за заказ стеклянный контейнер для хранения продуктов.

Красиво завернули презент в гофрированную упаковочную бумагу, затянули шелковыми ленточками. В торжественной обстановке вручили имениннице.

О. Ф. всплеснула руками. Расшнуровала упаковку, долго ахала, изучая свое отражение в термоаккумулирующем дне кастрюли.

— А это что? — ткнула пальцем в контейнер.
— Это для хранения продуктов. Вакуумный контейнер.
— Совсем охренели. Я же только кастрюлю просила!
— Не волнуйтесь, он нам бесплатно достался. Как бы довеском.
— Так, — О. Ф. отложила подарки, порылась в сумочке, вытащила кошелек. — Айда со мной в магазин.

Девочки заволновались.

— Может, не надо? Вы же говорили, что отмечать не собираетесь.

— А теперь говорю — собираюсь. Легонько, без пафоса. Минимум алкоголя, немного закуски. На сладкое — торт. Отметим прямо тут, не отходя от кассы. Час посиделок — и разбегаемся по домам.

— Час — это хорошо! — встряла Понаехавшая. — А то я после суток, устала — сил нет. И ночью как назло не удалось поспать, туристы словно взбесились, через каждые полчаса прибывала новая группа.

— Час — и ни минутой больше, — заверила О. Ф.

— Наивная ты дура, — отчитывала Понаехавшую Трепетная Наталья, наспех отодвигая в сторону рабочую аппаратуру и освобождая место для посиделок, — каждый раз за всех отдуваешься. Сутки работала — а теперь дальше сидеть. Уж лучше бы пила, что ли?

— Да не могу я. Ты же знаешь!

— Знаю. Вот и говорю, что дура.

К возвращению девочек помещение было полностью готово к банкету — Понаехавшая маячила в дальнем окошке и старательно светила наружу настольной лампой, чтобы даже самые глазастые интуристы не разглядели сквозь затуманенное бронированное стекло происходящие в обменнике запрещенные дела. Рабочее место второй кассирши было полностью освобождено от аппаратуры и тщательно застелено запоротыми реестрами покупки и продажи валюты. Аккуратной стопочкой высилась тщательно прополоснутая одноразовая посуда. Верхний свет был погашен, вентилятор работал на полную мощность. Магнитофон нежно журчал «лашате ми кантарой» — О. Ф. всякой другой эстраде предпочитала итальянскую, слушала Кутуньо и Челентано, причем Кутуньо жалела за бездетность, а Челентано неустанно ревновала к жене, называла ее безрогой выдрой.

— Мы даже водки не стали брать! — водрузила на стол две бутылки шампанского О. Ф. — И еды взяли минимум — хлебушек, колбаса. Торт. То есть буквально выпили, закусили, и всё, аривидерчи.

— Вот и славно, — обрадовалась Понаехавшая. — Часа два я точно продержусь.

— Тридцать минут! — покрылась комсомольскими мурашками О.

Ф. — И ни секунды больше!

Первые три часа Понаехавшая держалась молодцом, потом выдохлась и перешла на автопилот. Но автопилот через какое-то время тоже заглох. В ушах противно зазвенело, начались глюки. Со всех без исключения купюр на нее укоризненно глядел Эндрю Джексон. С некоторых грозил пальцем.

Понаехавшая пугалась, бегала к ближайшему автомату — за очередной порцией кофе. От кофе клонило в сон.

Меж тем в обменнике разворачивалось прямо-таки античное пиршество, как минимум сатурналии. И если сначала подгоняемые полусладким шампанским и бутербродами с колбасой девочки держались ледяными и вели светские разговоры за жизнь, то после нового рейда в продуктовый и двух бутылок полусухого решили более не сдерживаться и перешли на водку. Пели «Сюзанна, мон амур», травили анекдоты, рвались станцевать белый танец, дамы приглашают кавалеров. Не обнаружив в обменнике ни одного кавалера, сильно озадачились, традиционно обозвали козлами. Выпили, не чокаясь, за настоящих мужиков, закусили чипсами.

Потом кончились деньги. У всех.

— Не бздим, а действуем! — встопорщилась О. Ф. — Где там ваша нежрав... нежравав... тьфу! Кастрюлю дайте мне!

— Кастрюлю в студию! — заголосили девочки.

— Зачем вам кастрюля? — выплыла из анабиоза Понаехавшая.

— Сказано — не бзди! — остановила ее царским жестом О. Ф. — Лучше работай, видишь, там у тебя в окошке какой-то пидор маячит.

Понаехавшая обернулась к окошку и похолодела — сквозь мутное бронированное стекло на нее глядел начальник гостиничной охраны Сергей Владимирович по кличке Дровосек.

— Это кто меня тут пидором называет? — любопытствовал он.

— Ой, это она не вас, — затрепыхалась Понаехавшая, — это она меня.

— В смысле тебя? И что это у вас там происходит? Чего вы на всю гостиницу горланите?

— Да вот! — Понаехавшая повернула настольную лампу и посветила внутрь обменника. — Юбилей у нас.

— Тридцать лет! — полезла в окошко О. Ф.

— Ну, тогда ясно, — расплылся в улыбке Дровосек. — Только вы это, потише, что ли. А то на все фойе орете.

— Извини, Сергей Владимирович, больше не будем!

— Ладно.

Как только Дровосек отошел от окошка, О. Ф. вооружилась кастрюлей, а Добытчице Наташе всучила контейнер для хранения продуктов:

— Пошли!

— Куда?

— Сказано — пошли, значит, вперед и с песней!

— Может, лучше я? — вскочила Понаехавшая.

— Сиди! — пригвоздила ее к месту взглядом О. Ф. — И работай! А вы, — обратилась она к остальным девочкам, — освежите пока закуску. Чипсов положите, чего там у нас еще осталось? Хлеба? Вот и хорошо, хлеба положите. Аккуратным веером на тарелочке разложите, чтобы культурно и красиво. А мы пошли. Будем через десять минут!

И, элегантно зажав под мышкой трехлитровую кастрюлю и несколько заслонившись от любопытных взглядов крышкой, О. Ф. выплыла в фойе. Следом выпала Добытчица Наташа, пестуя на груди вакуумный контейнер для хранения продуктов.

Движение в фойе моментально встало. Гостиница с интересом наблюдала, как дуэт работниц обменника, вихляя посудными принадлежностями, огибая непринужденной синусоидой замершие соляными столпами препятствия, уходит вдаль, в сторону лифтового холла. В авангарде, истинным воплощением хитроумного идадьго Дона Кихота Ламанчского, маршировала О. Ф., сзади топталась верная Санчо Панса Наташа. Поворот налево О. Ф. взяла умеючи, большим кругом, чтобы не вписаться в угол.

— Не бзди! — донесся до Понаехавшей ее окрик — видимо, аррьергард не справился с управлением и таки врезался в зловредно выпирающий угол лифтового холла.

Администраторши из ресепшн пришли в себя первыми, обернулись к обменнику, вопросительно повели скулами. Понаехавшая посветила им лампой: точка, тире, точка и еще множество хаотичных точек — помогите, SOS. Администраторши порадовались цветомузыке, весело помахали в ответ.

«Сейчас умру», — подумала Понаехавшая.

В обменнике меж тем творилось дивное — Красавица Настя учила девочек, как путем применения острого каблука системы шпилька обезвредить насильника летней ночью в подъезде. На вопрос Понаехавшей, почему именно летней ночью, веско ответила, что зимой не все ходят на шпильках, поэтому в холодное время года против насильников применяются совсем другие предметы.

— Ножи? — испугалась Понаехавшая.

— Можно ножи, — согласилась Настя. — Но лучше, конечно, зонтики. А то доказывай потом, что это ты в целях самообороны его ножиком в

лапшу покрошила. А зонтик — практически безобидная штука. Раскрыл и обезвредил.

И Настя, схватив с полки линейку, кинулась с жаром демонстрировать, как можно обезвредить насильника зонтиком.

Минут пятнадцать Понаехавшая наблюдала рукопашную девочек, потом, дабы взбодриться, сама полезла в драку. Была моментально выкинута метким пинком обратно на рабочее место. Как раз очень вовремя, потому что в следующий миг из лифтового холла вынырнула странная процессия. Впереди процессии волнительным зигзагом, мелко ковыляя в унисон, шли на полусогнутых О. Ф. и Добытчица Наташа. Сзади, высоко держа перед собой вакуумный контейнер для хранения продуктов, аккуратно ступала Ираида Михайловна, врач из медпункта на третьем этаже. В мареве бронированного стекла Понаехавшая не сразу разобрала причину столь интригующей походки своих коллег. И только когда они поравнялись со стойкой ресепшн, стало ясно, что brave коллеги, вцепившись с двух сторон в ручки, несут приснопамятную кастрюлю. Кастрюля явно была наполнена чем-то доверху, поэтому О. Ф. с Наташей шли чуть ли не на корточках — чтобы не пролить содержимое.

— Неужели там водка? — ужаснулась Понаехавшая.

О. Ф., словно услышав мысли подчиненной, сделала успокаивающий жест рукой.

— Не бзди! — пронеслось раскатисто по фойе.

— Не бжю... бжу... бздю, — засемафорила настольной лампой Понаехавшая.

В кастрюле оказался гороховый суп. О. Ф. выпросила его в столовой для гостиничных сотрудников, с далеко идущими планами выпросила. Крепко обещалась расплатиться завтра. Далее, чтобы не заплутать и не дай бог не сбиться с намеченного маршрута, они с Наташей вцепились в кастрюлю, кое-как добрались до лифта и поехали на третий этаж — менять суп на медицинский спирт. Тут далеко идущие планы О. Ф. чуть не рухнули, потому что Ираида Михайловна категорически отказалась идти на обмен.

— На всех медицинского спирту не напасешься! — встала руки в боки она.

— Сорок пять лет! — пошла на трагическую исповедь О. Ф.

— Мать твоя женщина, что же ты молчишь! — заохала Ираида Михайловна, забрала у Наташи контейнер, наполнила его на три четверти спиртом, долила воды, размешала градусником. — Пойдем, я вас провожу.

Проснулась Понаехавшая в шесть часов утра. Сильно удивилась, обнаружив себя за столом лежащей лицом в калькуляторе. Подняла голову, поймала свое отражение в окошке. Отпрянула от ужаса — из ушей воинственно торчали скрученные трубочкой салфетки. Выдернула импровизированные беруши, окинула взглядом обменник.

На диване, тесно прижавшись друг к другу, спали О. Ф., Добытчица Наташа и Бедовая Люда. Куда подевались остальные девочки, было неясно.

Понаехавшая попыталась вспомнить вчерашний вечер. Тщетно. Нет, кое-что всплывало в памяти, какие-то обрывчатые кадры, например, как О. Ф. с Наташей затаскивали в обменник кастрюлю с супом. Засылали в столовую Трепетную Наталью — выпрашивать тарелки с ложками. Разливали по одноразовым стаканчикам спирт с помощью шприца — чтобы ни капли мимо!

Последнее, что запомнила Понаехавшая, — это как О. Ф. с Ираидой Михайловной шли зигзагом по фойе. Несли перед собой кастрюлю с остатками супа.

— Куда это они? — выдохнула Понаехавшая.

— За спиртом.

— А кастрюлю зачем взяли?

— Для отвода глаз!

Далее память заволакивало непробиваемой черной дырой. Понаехавшая заволновалась. Мало ли что еще могло приключиться, пока она была в отключке. К счастью, тут проснулась именинница. Следом проснулись девочки. Первым делом ринулись конспиративной пробежкой в туалетную комнату — смывать вчерашний спекшийся макияж. Позавтракали кофе и таблетками аспирина, подробно рассказали, как догуливали вчерашний вечер. Путались в показаниях. Чуть не подрались, вспоминая, где же они танцевали жгучий танец танго, — то ли возле стойки такси, то ли вообще в зимнем саду.

Понаехавшая слушала глаза врасстыр. Боялась слово вставить. Потом все-таки решилась:

— А где остальные?

Воцарилась сокрушительная тишина. Девочки крепко задумались.

— Ночуют в медпункте на третьем этаже, им Ираида Михайловна выделила два топчана, — осенило Добытчицу Наташу.

— А я что в это время делала? А то совсем не помню.

— Как это не помнишь? Работала как подорванная, потом внезапно заснула. Просто упала лицом в калькулятор, и все. Мы пытались тебя растолкать, но никак. Обслуживали клиентов поверх... хм... тебя. Только

заткнули уши салфетками, чтоб не мешать спать. А то ты вздыхала каждый раз, когда лязгал лоток для передачи денег.

— И что, все меня видели с этими затычками в ушах? — густо покраснела Понаехавшая.

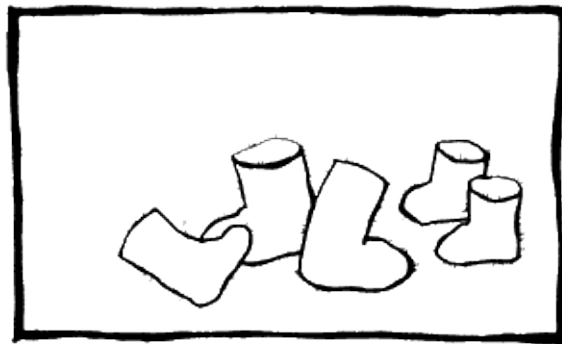
— Не парься, все нормально! Мы тебя ведомостями прикрыли. Так что никто ничего не видел. Подвинься, будем считать. Теперь главное, чтобы остатки сошлись, — хмыкнула О. Ф.

Девочки с замиранием сердца обступили кассу. Пересчитали наличность.

Не поверили глазам своим, пересчитали еще раз. Перепроверили документацию.

Никакой недостачи, остатки сошлись тютельница в тютельница.

— Знаете, как это называется? — О. Ф. поднялась со стула, гордо выпятила грудь. — Высокий профессионализм — вот как это называется! Восемь пьяных в жопу баб и один непьющий, работающий вторые сутки даун! А касса сошлась. Так что зарубите себе на носу — профессионализм, блядь, никак не пропьешь! Как бы ни старался!

Глава тринадцатая. Выбор Бедовой Люды

Однажды в жизни обменника случилась трагедия. Притом трагедия такого масштаба, что никакие ограбления ей в подметки не годились.

Некоторые девочки потом говорили, что причина в Людиной кличке. Мол, если бы ее называли не Бедовой, а наоборот, Фартовой, ничего такого не случилось бы. Другие утверждали, что это вообще удивительно, как Люда после такого выжила. Мол, они при таких трагических обстоятельствах сразу бы сыграли в ящик. На них грозно шикали и делали круглые глаза.

Так получилось, что в то злосчастное утро Бедовая Люда работала одна. У Трепетной Натальи ночью поднялась температура, и она уехала домой. И Люде пришлось отдуваться за двоих. К часу дня должна была подъехать следующая смена в лице Понаехавшей и Добытчицы Наташи.

О. Ф. обычно приезжала к одиннадцати, но ее, как назло, задержали в банке.

То есть звезды в тот день сошлись так, чтобы случилось то, что случилось.

Девочки потом по сто раз перетирали историю, пытались понять, где, в каком месте переклинило Бедовую Люду. Люда объясняла, что всему виной странный жест.

— Вы понимаете, этот жест... Он таким движением кинул деньги в лоток, что далее я двигалась как зомби. Понимала, что делаю что-то не так, но остановиться не могла, — плакала Люда.

— Прорвемся, — качали головами девочки и прикидывали в уме, на сколько лет надо продать в рабство Люду, чтобы она смогла покрыть недостачу в две тысячи четыреста долларов. Учитывая Людины чахлые впуклости, ибо выпуклостями то, что Люда носила на себе, язык назвать не повернется, получалось, продавать надо Люду пожизненно.

Люда рыдала в четыре ручья и порывалась убиться о счетчик банкнот. О. Ф. ходила мрачнее тучи, не ругалась матом, не пила водки.

То есть это был апокалипсис в самом прямом его значении. Земля налетела на небесную ось, поменялись местами магнитные полюса, и настал всеобщий звездец.

В то злосчастное утро Люда никого не трогала, сидела себе тихо за кассой, проворачивала в голове вчерашний конфликт со свекровью.

Серафима Петровна ела невестку поедом, продыху не давала. У Люды от этого ныла и покалывала грудь, поэтому она ходила на работу обмотанная капустными листьями. Фиксировала их на груди бюстгальтером. Капустный лист через какое-то время терял свою свежесть и начинал отчетливо отдавать бланшировкой. Тогда Люда отколупывала от кочана сменные листья и убегала в туалетную комнату — выкидывать за ненадобностью старые. О чем думали уборщицы, доставая из мусорной корзины в туалетной комнате пожухлые капустные листья, — история умалчивает. Скорее всего, списывали все на эксцентричных интуристок.

Итак, сидела пригорюненная Люда у окошка, в магнитофоне пела Жанна Агузарова, в городе было промозгло и по-февральски неуютно, туристы в ожидании экскурсионных автобусов вяло передвигались по фойе. Вдруг к обменникову окошку подлетела группа из пяти молодых людей.

«Пакистанцы», — почему-то решила Люда.

Молодые люди были очень хороши собой — высокие, смуглые, тонкокостные, с дивными миндалевидными глазами и темными кудрями. Двигались они практически синхронно, и даже глядели одинаково, чуть искоса, из-под полуопущенных век.

— Доллары есть? — спросил один из них с необычным певучим акцентом.

— Есть.

— Мне нужны специальные доллары, я... собирать. Collector.

— В смысле? — удивилась Люда.

— Я собирать букфы! — Молодой человек ослепительно улыбнулся, достал из нагрудного кармана пиджака сто долларов, на пальце сверкнул диковинной формы перстень — длинный, прикрывающий фалангу. Люда еще подумала, что очень неудобно ходить с таким перстнем, во-первых — цепляется за все, а во-вторых — некомфортно пальцу, он фактически не сгибается.

— Вот, смотреть! — «Пакистанец» развернул стодолларовую купюру и потыкал пальцем в строчку с контрольными буквами. — Мне нужен купюры с букофами «си» англиш.

И молниеносным круговым движением кисти молодой человек кинул стодолларовую купюру в лоточек для передачи денег. В ушах противно зазвенело, сердце словно взлетело и забилося где-то в горле. Люда подняла глаза с купюры и уставилась на «пакистанцев». Они спокойно и даже чуть насмешливо смотрели на нее своими миндалевидными бархатными

глазами.

«Чисто восточные принцы», — подумала Люда и взяла купюру. Разглядывала ее долго, кинула обратно в лоточек. А дальше случилось то, чему она не могла найти объяснения и оправдания. Люда вытащила из кассы пачку стодолларовых купюр, развернула веером. И положила в лоточек.

— Поищите сами, я не очень пойму, чего вам надо.

Молодой человек кивнул, взял купюры, повертел в руках, рассматривая каждую, вздохнул, вернул обратно.

— Ньет. — И сокрушенно покачал головой. — Ньет у вас таких букоф.

Люда убрала деньги в кассу. Когда подняла глаза — окошко было пусто. В лоточке для передачи денег лежали пятьдесят рублей.

— На чай оставили, — удивилась Люда, — только зачем? Вроде ничем помочь я им не смогла.

К часу приехала пересменка. Люда забрала свои деньги и села в уголок — сводить кассу и заполнять сопроводительную документацию. Вот тут все и открылось. Сначала девочки наблюдали расширившиеся от ужаса Людины глаза, потом истерику, потом всем миром снова пересчитывали деньги. Две тысячи четыреста долларов будто корова языком слизнула.

Люда вытащила кошелек, wygrебла оттуда тысячу пятьсот пятьдесят рублей и кинула в кассу. С надеждой еще раз пересчитала деньги. Недостача сократилась ровно на двадцать шесть центов.^[11]

Прилетевшая по скорбному зову из банка О. Ф. застала съезд древнеегипетских плакальщиц в самом разгаре. За короткие полчаса девочки добросовестно выплакали себе все глаза. В обменнике густо пахло тушеной капустой — от пережитого шока у Люды резко поднялась температура и довела капустные листья в бюстгальтере до готовности. О. Ф. пораскинула мозгами и быстро вычислила, куда утекли деньги. Люда с вселенским воем призналась, что таки да, после того как «пакистанец» вернул ей доллары, она их, не пересчитывая, положила в кассу.

— Ну как же так, — разводила О. Ф. руками, — мало того что ты в нарушение всех правил выдала валюту не пойми кому, так еще не стала пересчитывать, когда забрала обратно?!

— А он ничего с нею не делал, просто повертел пачку в руках и вернул мне.

— Как повертел?

Люда хотела ответить, но вдруг осеклась. Резко упала лицом, потускнела губами.

— Как фокусник вертел, — прошелестела. — Повернет купюру,

продемонстрирует мне, мол, вот она, на месте, и берется за другую.

— Как давно они ушли?

— Часа три точно.

О. Ф. молча выскочила, громко хлопнув тяжелой дверью. Какое-то время ходила вокруг обменника мрачнее тучи. Истово ходила, не останавливаясь. Девочки, обливаясь слезами, следили за ней в два обменниковых окошка. На автомате обменивали деньги. Молчали, да и что тут скажешь?

На каком-то очередном вираже О. Ф. притормозила, подлетела к окошку, дыхнула в лоточек для передачи денег:

— Милицию вызывать не будем. Во-первых, никого они не найдут, только нервы нам будут трепать. А во-вторых, если вызовем милицию — о недостатке узнают в банке. Тогда это горе горькое уволят с концами!

Люда брызнула благодарственными слезами — она и не надеялась, что О. Ф. оставит ее на работе. О. Ф. глянула на свою бедовую подчиненную жалостливым взглядом, покачала головой.

— Тебе есть где деньги занять?

— Нету!

— Йоптворюмать!

Ринулась дальше наматывать круги. Пока О. Ф. придумывала многоходовую комбинацию спасения Люды, девочки шепотом совещались. Сбережений вскладчину оказалось кот наплакал, долларов двести, зато Добытчица Наташа вспомнила про свою знакомую, челночницу Зину.

— У нее павильоны в ЦСКА, вы же знаете, какие там цены. Думаю, я смогу занять у нее денег.

Цены в ЦСКА, самом богатом и дорогом вещевом рынке Москвы 90-х, были просто запредельные. Понаехавшая с Праведной Ольгой как-то побывали там. Ушли несолоно хлебавши, в невероятной печали — диск с записями Гато Барбиери стоил сто пятьдесят долларов, одежда и обувь от Томми Хилфайгер — пятьсот.

Наташа кинулась названивать Зине. Долго переругивалась в трубку, оперируя искрометными выражениями: «Да от нее толку, как от козла — говяжьей вырезки» и «Окстись и вздрогни».

Положила трубку. Уставилась на Люду. Люда, окутанная капустными парами, глядела агнцем на закланье. Трепетала ресницами.

— Алё! — постучала в окошко Добытчица Наташа бегущей по кругу О. Ф. — Начальство! Алё!

О. Ф. притормозила.

— Выход найден! — возопила Наташа. — Заааааходи!

Выход действительно было найден. Несколько рискованный, но все-таки выход. Из разговора с Зиной Наташа узнала, что скоро та собирается в Турцию — за очередной партией товара. Обычно Зина ездила туда с напарницей, вдвоем было проще контролировать товар, который с большой охотой растаскивали всякого рода мелкие и крупные воришки, начиная с гостиничной obsługi и заканчивая таможенным контролем на обеих границах. Но напарница Зины угодила с серьезной операцией в больницу и какое-то время не в состоянии ездить по заграницам. Зина согласилась дать деньги в долг только с тем условием, что Люда съездит с ней в Турцию и поможет с перевозкой товара.

— Она оплачивает тебе дорогу туда и обратно. Дает сегодня денег — закрыть недостачу. Говорит — пусть назанимает где может еще долларов, слетаем в Турцию, накупим и на ее долю товара. Толкнем на рынке. Закроет долги, еще и подзаработает.

Люда съездила в ЦСКА, познакомилась с Зиной, оросила ей обширную грудь слезами, вернулась с долларами. Торжественно закрыла недостачу.

На следующий день оформила отпуск на месяц.

О. Ф. благородно обещалась заменять ее.

— Я вам привезу красивый свитер из ангорки. Какого-нибудь нежного цвета, с бисерным узором на груди, — обещала растроганная Люда.

— Засунь себе этот бисер сама знаешь куда, — огрызнулась О. Ф. — А мне привези кожаный жилет, обязательно бирюзового цвета.

— Зачем вам такой жилет?

— Буду с прозрачной блузкой носить, мужиков штабелями укладывать!

Люда тайком от свекрови продала два золотых царских червонца, единственное достояние семьи, раздобыла еще какое-то количество денег и уехала в Турцию. В течение месяца давала о себе знать короткими телефонными звонками, докладывалась, что все у нее хорошо, но сильно устает, а еще научилась ругаться, как портовый грузчик. Передала с мужем Жориком О. Ф. кожаный жилет (бирюзового цвета), девочкам — по футболке и маленькому набору теней. Попросила продлить отпуск еще на один месяц.

Вернулась к апрелю, вся в новом. Худая, как щепка, с выгоревшим лицом и огрубевшими руками. Рассказывала много интересного. Например, что у Зины торговые павильоны по всей Москве, начиная от пафосного ЦСКА и заканчивая вещевым рынком на Южной. И что во всех этих павильонах продается одна и та же турецкого производства одежда. Просто

на Южной ее можно купить за сто долларов, а в ЦСКА — за две тысячи.

— Знали бы люди, как их дурят, — вздыхала Люда.

За два месяца она побывала в Турции три раза. Работала с утра до ночи, ездила по Москве с товаром, отвечала за ассортимент Зининых павильонов. Закрыла долги, выкупила царские червонцы. Обновила гардероб себе и Жорику. Свекрови привезла большой, жемчужно-серого цвета жакет из ангорки, с бусами на рукавах. Смешно рассказывала, как Серафима Петровна ездит в этом жакете на Чистые Пруды — кормить голубей — и торжественно ходит туда-сюда перед посольством Казахстана. Мстит цветущим видом за высокую аренду космодрома Байконур.

О своем челночном периоде жизни Люда вспоминала с содроганием, никогда больше не рвалась назад. Уверяла, что человек деградирует обратно пропорционально шальным деньгам. Чем больше денег — тем меньше извилин. Заявляла, что сделала выбор в пользу извилин. На этой почве лечила потрескавшуюся кожу на ладонях гусиным жиром. Обмазывала обильно ладони и работала в перчатках.

Что удивительно — боли в груди как рукой сняло, Люда даже не вспоминала о них. Так что гостиничные уборщицы больше не вздрагивали, доставая из мусорных корзин скукоженные капустные листья.

Неудавшиеся браки Веры

Однажды в обменнике работала девушка Вера. Тихая, добрая, отзывчивая, немножко дура.

Как ни странно, при таких неоспоримых достоинствах личная жизнь у Веры категорически не складывалась. Мужчины уходили от нее косяками. А всё почему? А всё потому, что, как только дело доходило до постели, Вера неосмотрительно открывала интимное свойство своего организма.

— Плачу после оргазма, — доверчиво глядя в глаза, признавалась она.

— То есть как это?

— А вот так. Как только кончу — тут же начинаю плакать. Остановиться не могу.

— А если не плачешь? — пугались ухажеры.

И тут срабатывала Верина немножко дурость.

— А если не плачу — значит, всё. Не кончила! — рубила она с плеча.

Женский оргазм — оно ведь дело такое. Несговорчивое. Тут он есть, а тут нет. Опознать его по косвенным признакам категорически сложно, если

вообще возможно.

Женский оргазм — как Лохнесское чудище. Все знают, что оно есть, но никто не видел. Вот, например, богомолы. У них все просто — пока ты пытаешься чего-то там сделать, она тебя потихоньку ест. А как довел дело до кульминации — так и увидел свет в конце тоннеля. Блажен, кто довел, вот как оно у богомоллов называется.

Как оно у людей называется — а черт его знает! Ешь его или не ешь — один толк — света в конце тоннеля не видать.

Поэтому ничего удивительного, что через какое-то время ухажеры от Веры сбегали. Они находили себе не обремененных интимными выкрутасами женщин и отсеивались восвояси. Вера расстраивалась, рыдала щедрыми слезами на много неудавшихся оргазмов вперед. Мыслила странными категориями:

— Это было в том году, когда я не вышла замуж за Олежку, — говорила.

Или:

— Мы с Рамилем сошлись накануне путча, а разошлись с арестом гёкачепистов. Четыре дня продержались!

Или:

— Когда мама заболела, в больницу ее отвозил Володя, а забирал уже Гоша.

— Так долго лежала? — удивлялись девочки.

— Долго. Почти две недели, — кивала Вера.

Проработала она в обменнике мало. Месяца три. За это время у нее случились две любовные истории — с Владиком и Гришей.

1. История с Владиком

Как-то Вера познакомилась с мужчиной Владиком — мастером спорта по самбо и охранником казино. Владик был настоящим борцом, поэтому, потерпев сокрушительное поражение от Вериного индикатора оргазма, сдаваться не стал. Посоветовался с коллегами-охранниками, придумал себе специальное меню и принялся усиленно питаться бараными яйцами и корневым сельдереем. Причем за сельдереем раз в неделю ездил на Дорогомиловский рынок, потому что в обычных продуктовых его было не достать.

Афродизиачовая диета не очень помогала. Точнее, совсем не помогала.

Но Владик так просто отступать не умел, поэтому решил пойти на отчаянный шаг — купить «Виагру». Сам постеснялся за ней сходить, снарядил в аптеку деда, ветерана войны. На дворе стоял месяц май, впереди

маячила очередная годовщина великой победы, и выходить из дома в гражданском дед отказывался. Поэтому пошел в аптеку при полном параде — в кителе с орденами и медалями на всю грудь. В очереди разговорился с Максимовной из соседнего подъезда, между делом сообщил, что пришел за «Виагрой». Максимовна кокетливо взбила чахлый кудель на макушке и призывно повела бровью.

Дед заподозрил неладное, но виду не подал, дождался своей очереди и оглушительно спросил у аптекарши, что это за таблетку от давления попросил купить внук. Под общий хохот аптекарша ему поведала, что таблетка не совсем от давления, а если даже и от давления, то в другом месте.

Дед крикнул, но таблетку взял, покрыл расстояние до дома за рекордно короткий срок, устроил внуку скандал, по силе не уступающий взятию нашими войсками Рейхстага, и в наказание выдал половину таблетки.

— А что со второй делать будешь? — пробубнил Владик.

— А это уже мое дело! — отрезал дед и гордо удалился в свою комнату.

Владик проглотил «Виагру» и поехал к Вере — штурмовать ее Рейхстаг.

На следующий день Вера пришла на работу мрачнее тучи:

— Бросил он меня!

— А что так? — полюбопытствовали девочки.

И тут Вера поведала душераздирающую историю о том, как Владик сначала всяко пытался довести ее до слез, потом, когда она озверела и спихнула его с себя, остаток ночи развлекался тем, что ходил по стенам и потолку. Периодически, когда становилось совсем не вмоготу, он залезал под холодный душ. Но душ мало помогал — восставшее мужское естество требовало успокоения, подручные средства не помогали, сатисфакция если и наступала, то облегчения не приносила. К утру он забылся тревожным отрывистым сном, проснулся весь в поту, доел остатки сельдерея, обозвал Веру фригидной и ушел навсегда.

Искать бабу с нормальными запросами, чтобы без подковырок.

Так Вера не стала женой охранника казино Владика.

2. История с Гришей

Однажды у Веры случился brutальный мужчина Гриша, бывший спецназовец, косая сажень в плечах. Познакомились они в электричке. Гриша пересел к Вере, стал рассказывать о той, военной жизни. Например, как их отряд забрасывали куда-нибудь в Парагвай, в бескрайние

кукурузные поля, и они там сидели, в этих полях, по три-четыре дня, питались сырой кукурузой, пили из луж, ждали приказа.

— Срали там же, но старались не шуметь, — рассказывал Гриша, скупно артикулируя суровым лицом, — срать ведь тоже надо умеючи, не шумя, чтобы не выдать места дислокации.

— А почему именно... срали? — трепетала Вера.

— Сухой паек закончился, а жрать хочется. Огонь не разведешь, чтобы кукурузу запечь, враги по дыму засекут. А от сырой круто не покакаешь, — терпеливо объяснял Гриша.

— И чего? — поторапливала его Вера. — Жили вы в этом поле, а дальше что?

— А дальше прилетал вертолет и увозил нас обратно.

— То есть как это обратно? А с какой целью вы несколько дней сидели в полях?

— А фиг его знает. Может, переворот устроить или, наоборот, поддержать. Если надобность во вмешательстве отпадала, нас тут же возвращали на базу. — И Гриша, не прекращая сурово смотреть лицом, подсел ближе к Вере и положил широкую, как саперная лопатка, руку ей на колено.

— А я плачу после оргазма, — доверчиво улыбнулась Вера, — от счастья.

— Это мы легко можем устроить, — согласился Гриша.

Вера засмущалась и прижалась к его плечу. В ту же ночь Гриша трижды довел ее до слез, один раз — чуть ли не до вселенского потопа.

К сожалению, счастье было недолгим. Через неделю вернулась из командировки Гришина жена, и влюбленным пришлось расстаться.

— На две бабы жить не умею, — сокрушался Гриша, обнимая на прощание Веру.

Так Вера не стала женой бывшего спецназовца.

Уволилась она сразу после расставания с Гришей. Пропала надолго. До девочек доходили совершенно дикие слухи. Что Вера устроилась стюардессой на трансатлантические рейсы, мол, на высоте легче добиться того, чего на земле со слезами не допросишься. Что приняла постриг и ушла в монастырь. Что вышла замуж за чукчу и укатила на Крайний Север. Мол, в краях оленьих рогов и китовых усов проблем с оргазмом не бывает.

Появилась она через год. Довольная, беременная. Смотрела заплаканными глазами, светилась от счастья.

Счастье звалось Митей, отличалось куцей статью и повышенной

кустистостью бровей.

— Мал да удал! — улыбалась Вера.

— Да, я такой, — соглашался Митя.

Девочки нарадоваться не могли. О. Ф. самолично пожала Мите руку. Невзирая на строгий запрет — впустила в обменник. Потчевала бутербродами с ветчиной, поила чаем.

— Метр с кепкой, а умеет! — восхищенно цокала языком.

— Метр шестьдесят один! — поправлял Митя.

— Ладно, метр с двумя кепками, — соглашалась О. Ф.

Жрица любви — 2

Однажды к обменнику подошла жрица любви и, пока Понаехавшая меняла ей немецкие марки на рубли, решила завести светский разговор.

— Ты кто у нас? Грузинка-армянка?

— Армянка.

— Был у меня один клиент армян. Хуй маленький — зато понтов! Понтоооов!

Понаехавшая отсчитала рубли и положила в лоточек для денег.

— Расстроилась? — спросила жрица.

— Да нет.

— Не расстраивайся, сейчас чего хорошего скажу. Зато волосат был — жуть. Прямо когда моется — ни одно полотенце его не берет. Хоть феном суши.

— Кхм.

— Расстроилась?

— Нет!

— Не расстраивайся, сейчас чего хорошего скажу.

— Может, не надо?

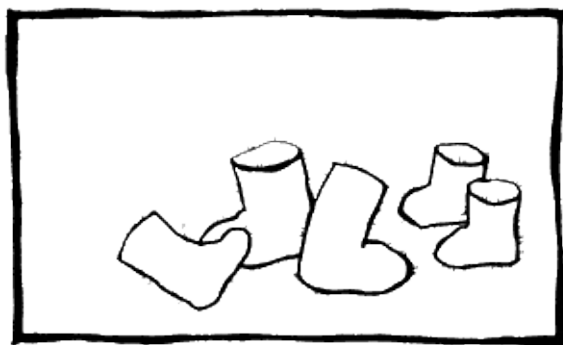
— Не, реально хорошее скажу. Зато яйца у него были — во!

Жрица любви сжала руку в кулак, накрыла его второй ладонью и гордо продемонстрировала оторопелой Понаехавшей эту сокрушительную конструкцию.

— Правда, — задумчиво продолжила она, — какой смысл в таких яйцах, если хуй все равно с фигулину, я так и не поняла.

И, активно недоумевая лицом, с претензией уставилась на Понаехавшую.

Из личного опыта: если эмигрируешь в другую страну — будь готов держать ответ за конструктивный диссонанс в штанах любого своего соотечественника.

Глава четырнадцатая. Прощание армянки

Из письма Понаехавшей к подруге:

«Она совершенно замечательная. Впрочем, я это давно знала, уже тогда, когда ехала к ней, незнакомой женщине, с нелепым чемоданом наперевес, раздавленная этим новым, огромным городом, к которому мне еще привыкать. В тот первый день приезда я даже представить себе не могла, какой он огромный, этот город. Огромный и прекрасный.

Но она мне открыла — совсем теплая, совсем родная, смешной ободок в волосах, сразу побежала чайник ставить, потом спохватилась, вернулась, расцеловала в обе щеки. Мне всегда везло на людей.

Рассказывала о себе какие-то „Петрушевские“ ужасы. После войны мужчин совсем не стало, весь тяжелый труд на женщинах. Работали на стройке АЗЛК, возводили стены, таскали мешки с цементом, камни. Худющие, двухильные. Восемь девочек в одной комнате общежития, одно выходное, купленное вскладчину платье на всех — из синего панбархата, с белым кружевным воротничком и пышной юбкой. В этом выходном платье и спуталась с женатым мужиком, забеременела от него. Вызвали какую-то бабу-повитуху, страшную как смерть, всю в отрепьях. Та вытащила из-под отрепьев какой-то крюк, по виду большой гвоздь, изогнутый с острого конца. Прокипятила и вставила... туда.

От жуткой боли потеряла сознание. Вот такой был ребенок, показывает, водя большим пальцем по основанию указательного. Практически куклениш. Глядит потемневшими, сухими глазами. Слез нет, все слезы по нему давно уже выплакала. Похоронила под вербой. Завернула в кровавые тряпки, положила в коробочку и похоронила.

Детей у нее больше не случилось. Она ежечасно повторяет про себя молитву Божьей Матери Державной, вымаливает грех за невинно убиенное дитя. Ходит в церковь, на утреню и вечерню, соблюдает все посты.

Недавно о чем-то говорили, она мне в ответ: „Да, дочка, да“. Сказала, украдкой глянула в мою сторону, повторила шепотом: „Дочка“. Я знала, как ей было важно в эту минуту, чтобы я подошла и обняла ее, но что-то меня удерживало, робость или нерешительность, не знаю. А она смотрела какое-то время, потом повернулась к окну, так и стояла в профиль, молчала.

Когда бабуля умерла... Я прибежала к ней, слова сказать не могу, а

она все поняла, напоила меня валерьянкой, уложила в постель, а сама молилась до утра...

Рассказала сводной сестре, что я ей как дочка. Та прилетела на следующий день, подняла жуткий скандал: „Что ты ее дочкой называешь, — кричала, — ты еще пропиши у себя, квартиру ей оставь! Выбирай, — кричала, — или я, или она“.

Я молча пошла вещи собирать.

Д. поговорил с родителями. Жить у них негде, но на первое время они обещали нам помочь. Нашли квартиру, совсем пустую, сломанный диван и газовая плита на кухне. Зато во дворе, совсем вплотную к дому, стоят березы. Когда ветер — они стучатся в окна своими безвольными длинными пальцами.

Мне ее не хватает. Она недавно приходила к нам в гости, волновалась ужасно. Посидели мы с ней, попили чаю. К Д. она настороженно относится, не доверяет. Он смеется, называет ее в шутку тещей.

Рассказывала, что сестра к ней свою дочку подселила. От греха подальше.

— У тебя все будет в порядке? — спросила и расплакалась. Беспомощно, по-детски навзрыд. Я обняла ее, сидели мы так какое-то время, молчали.

Это большое счастье — знакомиться с новыми людьми, улыбаться, держать их за руки, заглядывать в глаза.

Но как больно потом с ними расставаться!»

Тетя Майя

Тете Майе в этой жизни категорически не повезло. Казалось бы — все как у людей. Два глаза, два уха, опять же грудь. Одна, но большая. Вместо второй от плеча и чуть ли не до селезенки тянулся длинный грубо справленный по шву шрам. Чуть ниже, от пупка, кривым зигзагом уходил вниз второй — убрали все «женское».

— Разве нормальный мужик такое вытерпит? Ну и мой не смог, — рассказывала тетя Майя, протирая окошко обменника рукавом от старой кофты — даже в такой, казалось бы, небедной гостинице, как «Интурист», порой не хватало простых тряпок для протирки пыли. Вот и приходилось тете Майе взбираться на «тубаретку» и, кряхтя, вытаскивать с антресолей большой, набитый тряпьем мешок, чтобы среди руин изношенного до дыр

«когда-то гардероба» отыскать подходящий для уборки лоскут. Главное, чтобы ткань была натуральной — ситец или хлопок, можно шерсть. Ведь что от капрона, что от кримплена толку с гулькин нос — только елозят со скрипом по поверхности да грязь размазывают. Очень хорошо справлялись с уборкой советской закваски кальсоны с начесом, но тетя Майя берегла их как зеницу ока и на уборку не пускала. Она штопала «облысевшие» части кальсон останками других и ходила в непролазные московские зимы как в латах — защищенная от простуды и цистита и какого другого гайморита.

— Хороший был мужик, но пьянь. Правда — честный. Принесет получку, сто тридцать рублей, сто десять отдаст мне, а двадцать себе забирает. Майя, говорит, ближайшие две недели изволь — изволь! — меня не ругать. Я буду пить. Ты, главное, меня не пили да с утра вовремя на смену буди. Ясно? — рассказывала тетя Майя тощему высокому ирландцу, пока Понаехавшая в скором порядке обменивала фунты стерлингов на рубли. Ирландец водил длинным носом и растерянно улыбался в ответ.

— А я чего? Я не могла ему запретить пить. Он пьет — а я плачу. Мне его жалко и себя жалко. Приползет вечером на бровях, ляжет поперек кровати. Иногда во сне обоссется. Вот я и подстилала ему клеенку, как дитю малому. Две недели пьет, как сволочь, буянит. Жидовской мордой иногда обзывает! — Тетя Майя наливалась слезами, замолкала на секунду, таранилась глазами. Аккуратный маленький японец, которому она жаловалась, участливо качал головой. — А сам-то, можно подумать, сам-то кто? — вздыхала тетя Майя. — Голимый калмык. Узкоглазый, навроде тебя! Но туда же.

Убиралась тетя Майя специальной, собственного авторства жидкостью: на пять литров воды — горсть натертого на крупной терке хозяйственного мыла плюс синьки столовую ложку, да нашатыря столько, чтобы «не ядрено, но и не жидкие сопли».

— От всяко-разной инфекции, — поджимая губы, многозначительно кивала она в сторону жриц любви.

Неизвестно, убивала все некошерное дезинфицирующая жидкость или нет, но воняла она так, что припозднившиеся интуристы брезгливо шарахались, учуяв немилосердное амбре.

— What a... — щелкали они пальцами, пытаюсь подобрать какое-нибудь цензурное определение тому, чем тетя Майя протирает стойку ресепшн, и, не придумав ничего вразумительного, капитулировали: — What a fucking shit?^[12]

— Рашн дуст, — отшучивались администраторши.

— Потерпят, ничего с ними не станется! — пыхтела тетя Майя на их

слабые призывы к состраданию. — Нанесут своих микробов, а потом отдувайся. СПИД окаянный в Москву откуда пришел? Мы, что ли, его придумали?

— Не мы, — соглашались администраторши.

— То-то!

Объяснять тете Майе, что «раши дустом» микробы окаянного СПИД не возьмешь, не имело никакого смысла — тетя Майя свято верила в чудодейственную силу жидкости для уборки. Будь ее воля — она бы каждого интуриста натирала своим дустом на подступах к таможенному контролю и только потом запускала в Россию.

— А то чихнут на тебя своими гониреями — а ты лечись потом! — пыхтела возмущенная беспардонным поведением гостей столицы тетя Майя.

Основная уборка гостиничного фойе проводилась почти под утро. Как только часы пробивали три, из служебных помещений важно выплывали уборщицы — тетя Галя, тетя Майя и молоденькая Саша. На всю мощность включались вытяжки, мерно гудели пылесосы, тихо бормотали подвешенные под потолок телевизоры. Усталая охрана разбредалась по углам, убирался большой свет, один за другим закрывались торгующие сувенирами магазинчики. Наступало «Время-ночь».

В целях безопасности блокировался вход в гостиницу, открытой оставалась только боковая дверь. Ночью на Тверской было страшно — помимо пьяных мужиков, снующих на машинах от одной стайки проституток к другой, по улице разъезжали милицейские патрули. И неизвестно было, кого бояться больше — обкуренных крикливых проституток, их отвязной клиентуры или рыскающей по темному городу милиции. Все они, по большому счету, были на одно лицо.

Гостиница никакого отношения к ночной Тверской не имела — она жила своей жизнью, в летнем саду колобродили счастливо напившиеся финские туристы, вились окрест полупьяные ночные жрицы. Из казино периодически прибегали мелкие клиенты, крупные до обменника не снисходили, за крупных отдувалась личная охрана (девочки, поменяйте пять тысяч долларов, да какой там паспорт, оформите на дядю Ваню из Тамбова, ладно, вот вам мое удостоверение, это всё, что есть, только оформляйте быстро, а то шеф не в духе, проигрывает по третьему кругу).

Вокруг обменника, передвигаясь коротким гусиным шагом и таща за собой гудящий пылесос за резиновый хобот, убиралась тетя Майя — самая старая и от этого особенно авторитетная уборщица гостиницы. После уборки она обязательно заходила к девочкам в обменник — попить чаю.

Рассказывала удивительные истории о прошлом «Интуриста». Например, поведала страшным шепотом причину хромоты сутенерши Веры.

— Она ведь раньше сама проституткой была! Работала где-то в тайном притоне. Туда наряд милиции нагрянул, а она выпрыгнула в окно. Со второго этажа. Вот и сломала себе ногу. Но ремесло свое позорное все равно не бросила. И на хромых, видать, есть спрос. А теперь она у них начальница. Вон, сколько золота на себе таскает. На «Ауди» ездит. Богатая! Я слышала, — переходила на азбуку Морзе тетя Майя, — что и на таких, как я, есть спрос. Чтобы без груди и в возрасте! Тьфу!

— Ну чего сразу тьфу? — возмущались девочки.

— Конечно, тьфу. Кому оно надо — весь перед изрезан, самой страшно глядеть.

Мужа-предателя она все равно любила.

— Хорошо жили, душа в душу. А вот детей не случилось. Кровью не совпадали, резусами. Восемь выкидышей я пережила, во-семь! Но он меня любил, прощал.

— Что прощал?

— Как что? Резус мой прощал. У него плюс, а у меня минус. Не совпадали.

— Благородный какой.

— Благородный, ага, — не замечала иронии тетя Майя, — а вот рака мне уже не смог простить. Через месяц ушел. Да и кто такое станет прощать?

С тетей Майей никто не спорил. Даже О. Ф. Потому что это было совершенно бессмысленным занятием.

Ибо когда женщина по-настоящему любит — это навсегда.

Однажды у О. Ф. был сын Павлик

Однажды у О. Ф. был сын Павлик. Ну, то есть сын Павлик у нее был всегда, по крайней мере — с июня 1979 года точно, но однажды он влюбился. И девушка ответила ему взаимностью. Перпостельно. То есть лишила его девственности. Метко и навсегда.

Что Павлик уже не девственник, кассирши поняли сразу, как только О. Ф. ворвалась в обменник. Любая прошедшая через горнило этого испытания мать легко вычисляется по дрогнувшему овалу лица и порушенной мелкой моторике.

Обменник заколотился и внутренне сжался — О. Ф. в расстройстве была страшнее отвергнутого африканского носорога.

— Когда-нибудь оно должно было случиться, — примирительно мявкнула Понаехавшая.

— Какая-то шалава! Из Твери!!! — взревела О. Ф.

— Ну зачем сразу шалава? — замахала руками Добытчица Наташа. — И вообще, радоваться надо, сын мужиком стал!

О. Ф. послала подчиненных на три буквы и, немилосердно хлопнув дверью, ушла в начальственный офис — скандалить за меблировку обменника. Так что благодаря Павликову боевому крещению у девочек случились новые настольные лампы и стулья с обитыми скрипучим дерматином сиденьями. В летнюю жару эти сиденья намертво прилипали к попе и отдирались с громким чавканьем. Поэтому, если в окошке случались какие-нибудь жаждущие обмена интуристы, девочки старались со стульев не вскакивать. Иди потом доказывай выкатившему квадратные глаза интуристу, что это не ты!

Какое-то время, недели три, а может четыре, в О. Ф. боролись два противоречивых, но замечательно дополняющих друг друга чувства — гордость за сына и желание придушить эту наглую Олесю с потрохами.

Олеся демонстрировала чудеса дипломатии — на глаза О. Ф. старалась не попадаться, а если и попадалась, то тут же принималась шуршать по дому — мыла полы, гладила белье, пекла пироги со всевозможными начинками.

О. Ф. пироги милостиво ела, но вела себя как попавший в осаду диверсант — боевой оскал, желваки, крапчатая мимикрия.

— Не нравится она мне, — плевалась она ядом, — что-то в ней не так.

— Ну чем она тебе не нравится? — удивлялись кассирши. — Красивая девочка, сына твоего любит, еще и домовитая, вон, пироги какие печет!

— Она не домовитая, она блядовитая! — отрезала О. Ф. — И вообще, молчите в тряпочку. Материнское сердце не обманешь. Что-то в ней не так!

Что в Олесе не так, открылось буквально через неделю. В тот день О. Ф. вползла в обменник задумчивая и даже в некотором роде торжественная. На приветствие не ответила, скинула обувь, легла лицом в диван. Лежала долго, не шевелилась. На предложение сбегать за водкой отрицательно помотала головой.

Отказ от водки девочек крепко насторожил. Понаехавшая испуганно уставилась на Галю. Галя сделала круглые глаза и прижала палец к губам. Вытянула листочек и накарябала крупным почерком: «Молчи. Отгадет — сама все расскажет». В обменнике воцарилась настороженная тишина —

девочки шепотом работали, стараясь не греметь выдвижными лоточками для передачи денег, О. Ф. лежала ниц и не подавала признаков жизни, только изредка шевелила пальцами на ногах. Потом, спустя бесконечное время, она шумно вздохнула, перевернулась на бок. Девочки напряглись спинами, но не обернулись. О. Ф. еще раз вздохнула, прочистила горло и вдруг запела революционное: «Есть пули в нагане, и надо успеть / сразиться с врагами и песню допеть».

Когда, приподнявшись для убедительности на локте, она затянула: «Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови», — Понаехавшая хрюкнула, упала лицом в кассу и затряслась плечами. Следом загоготала Галя. О. Ф., не обращая внимания на бессовестное зубоскальство подчиненных, невозмутимо допела песню, рывком села и вытащила из сумки косметичку. Сначала беспощадно напудрилась, а потом, растянув губы в полуулыбке, стала аккуратно обводить их карандашом.

— От вы ржо...оте, а гла...авного не знаете, — стараясь не шевелить губами, проговорила она.

— Чего не знаем?

— А то...го не знаете! — О. Ф. вытащила тушь и принялась щедро нагутаинивать ресницы. Раз прошлась щеточкой по всей длине ресниц, два прошлась. Придирчиво разглядела в зеркальце один глаз, потом второй. Удовлетворенно хмыкнула. Убрала косметичку, победно щелкнула сумочкой золотистой застежкой. — Олеся залетела.

— То есть как это залетела?

— А вот так. Доеблась. Вчера приперлась со всей своей родней — пугать меня изнасилованием несовершеннолетней. Вы бы видели эти хари! Одна бабка чего стоила — с бельмом на глазу, вся в репьях. Видать, с поля пригнали, прямо с картофельных грядок. Трясла перед моим носом справкой о беременности, грозилась судом. Только не на ту напали, у меня тоже сын несовершеннолетний, семнадцать лет. И это еще вопрос, кто кого изнасиловал!

В том, что насилуемым в данных обстоятельствах был несчастный Павлик, никто из девочек не сомневался.

— И чего теперь будет?

— Свадьба будет, чего будет. Не доводить же дело до аборта. Так что быть мне в сорок пять бабушкой. — О. Ф. снова вытащила пудреницу, вытянула рот в ниточку, придирчиво оглядела верхнюю губу. — Или дедушкой, судя по активно пробивающимся в последнее время усам.

Свадьбу играли большую и шумную.

Тверская родня потрясла московскую умением пить на брудершафт

всей честной компанией — вставали в круг и, скрещивая руки, пили каждый из бокала соседа. До дна.

Московская родня, дабы не ударить в грязь лицом, попыталась повторить маневр, потерпела сокрушительное поражение и была жестоко обсмеяна тверской. Зато отомстила неумелым, но вполне воинственным нижним брейк-дансом. О. Ф. потом несколько дней ходила скособоченная, с горчичным пластырем на спине, но довольная донельзя. Демонстрировала девочкам фотографии. На фотографиях молодожены, забившись за дальнюю колонну зала, с ужасом наблюдали баттл новоиспеченных сватов. Особенно потрясала бабка невесты — невысокая, коренастая, с безумным начесом пергидрольной химии, она постоянно что-то жевала и отовсюду смотрела в объектив разношерстными дикими глазами.

— Что это у нее с глазами? — ужасались девочки. — Один вроде нормальный, а второй не пойми какой. Искусственный, что ли?

— Это фотограф, как умел, зрачок на белье рисовал. Иначе получилась бы вообще страсть господняя. А так какой-никакой, но хотя бы глаз!

Со временем О. Ф. смирилась с невесткой и даже полюбила ее. Впрочем, это не мешало ей скандалить с Олесей по пустякам. Олеся относилась к диктаторским замашкам свекрови с пониманием, метко отгавкивалась, пекла пироги. Через семь месяцев родила мальчика Степу. Павлик от навалившейся ответственности резко возмужал, перевелся на вечернее отделение института, устроился на работу.

В общем, и на улице О. Ф. наконец-таки наступил заслуженный праздник.

Метод питья тверской родни: нужно встать в круг, поплями внутрь. Скрестить руки, рюмку держать в левой. Сосед справа протягивает левой рукой рюмку соседу слева. Сам придерживает правой рукой рюмку, которую ему протянул сосед справа.

Главный цимес ритуала — в синхронности движений.

О. Ф. утверждала, что тверская родня довела групповой брудершафт до высочайшего уровня — рюмки опустошались в

секунду, и никто не обливался!

Марина

Однажды в обменнике работала девушка Марина, беженка из Абхазии.

Приехала она в Москву с пятилетним сыном Борькой, первое время жила у родни в малогабаритке. Ночевала на кухне, между холодильником и угловым диванчиком. Холодильник был допотопный, раннесоветский, работал как по часам — включался каждые пятнадцать минут, изуверски гремел содержимым, сокрушительно умирал. Казалось — навсегда.

Но не тут-то было.

Сначала Марина честно пыталась заснуть в перерывах между эпилептическими припадками холодильника. Но потом махнула рукой и придумала себе занятие — стала вязать носки. Через три месяца бессонных ночей она связала сорок восемь пар шерстяных носков.

Спала урывками, днем, особенно где приятно укачивало. В лифте, например, или в метро.

Старшая по подъезду, Макаровна, навсегда настороженная к нерусским, Маринину родню по-своему уважала и, как умела, опекала. Вела светские разговоры.

Соберутся они в воскресный день в гости, а Макаровна тут как тут, высунулась по пояс в окно своей квартиры на третьем этаже и любопытствует:

— От вы, ну точны как цыганы! Табором туда-сюда снуете. И еда у вас перченая вся, как рак языка себе еще не заработали? И имена у вас чудные! Ну что это за имя — Тамаз, был бы уж Камаз, что ли?

Любила зайти в гости, поинтересоваться меню:

— Ты, Маринка, чего там намесила в кастрюле, на вид говно, а есть вкусно (лобию).

Время от времени фонтанировала альтруистическими предложениями:

— Вашу мать я пропишу у себя, но к прокурору схожу на всякий случай, вдруг вы меня потравите.

Сеяла мелкую межнациональную вражду:

— А ваша Нонка у чеченов работает? Ууу, вы ей скажите, их бояться надо!

Давала полезные советы:

— Кто ж на крышу в пинжаке лезет, иди возьми дедову телогрейку, может, там вши, но это ерунда, зато пинжак не порвешь!

Узнав, что Маринка связала огромное количество носков, погнала ее к метро — продавать прохожим. Марина отбрыкивалась до победного. Тогда Макаровна забрала у нее носки, пошла торговать сама. Вернулась вся измазанная в грязи — подралась с бабкой, торгующей вязаными шапками. Зато довольная донельзя — отдала товар оптом за пятьсот рублей. Со скандалом всучила деньги Марине, ходила по двору гоголем. Марина посчитала в уме. Получалось — сорок три пары носков она отдала бесплатно. Повздыхала, сходила в магазин, накупила продуктов. Испекла хачапури. Отнесла Макаровне.

Растроганная Макаровна обещала помочь с трудоустройством. Через неделю прибежала с радостной вестью:

— Собирайся. Будешь работать в санатории. Называется «Шелковый», там сотрудники шелкового комбината отдыхают.

— Кем буду работать? — обрадовалась Марина.

— Сторожем! Вот и выпишься наконец. Только ты обязательно отблаговари директора. А то Вадим Михайлович шибко добрый — согласился тебя с сыном туда взять. Так что целынь день с ребенком будешь.

— Чего купить?

— Да купи ему вина!

Марина сбегала в магазин, взяла самого дорогого вина. Прибежала показывать Макаровне.

— Такое пойдет?

— Это что? Тебе ж сказали вина, а ты что купила??

— Вино!

— Да этим мы запиваем! Воодка у нас вином называется, ВООДКАА!!!

«Шелковый» оказался лечебно-оздоровительным профилакторием. Три сезона там отдыхали взрослые, а летом — дети. Марина проработала до глухой осени. Днем помогала на кухне, а ночью ходила по периметру сторожевой будки — караулила Борькин сон.

Как-то приехали в санаторий братки с бритыми затылками и полной машиной проституток, потребовали пустить в сауну. От ужаса, что сын может проснуться и увидеть такое количество полуголых баб, Марина воспарила духом, выхватила из-под кровати кочергу и пошла скандалом на три густо затонированных джипа.

Джипы стушевались, отъехали на безопасное расстояние, долго ругались в мобильные телефоны. Через двадцать минут приехал

всполошенный директор Вадим Михайлович, покрутил Маринке пальцем у виска, впустил братков.

— Ты совсем с ума сошла? Они же нас «крышуют»!

Марина решила, что братки сначала помогут, потом ее убьют, перекрестилась и стала ждать. Но «крыша» уезжала довольная, притормозила возле сторожевой будки, вручила сто долларов.

— За бдительную службу!

Пока она ходила поднимать шлагбаум, проститутки из второго джипа демонстрировали выглядывающему в окно пятилетнему Борьке свои голые груди.

Марина пропустила машины, дернула вниз шлагбаум, вернулась к сыну. Застала в распахнутом окне его вспотевшее оловянное лицо. Встала руки в боки:

— Нашел на кого смотреть. Весь в отца!

Борька виновато засопел в ответ.

Марина хмыкнула, плюнула вслед укатившим проституткам и уволилась на следующий день.

В обменнике она проработала недолго, месяца два. Уходила с неохотой — успела привязаться к девочкам. На прощальный банкет напекла хачапури, наготовила пхали и сациви.

Смешно рассказывала, как однажды двоюродная сестра Нонка чуть не купила целую коробку свечей в форме... восставших фаллосов. В Грузии тогда шла тяжелая гражданская война, электричество подавали в лучшем случае два часа в сутки, свечи стоили каких-то безумных денег. Вот и помогали родственникам, как могли. Шла Нонка как-то по темному переходу, видит — продаются свечи. По каким-то смешным ценам. Кинулась покупать, хорошо, что развернула одну упаковку.

— Как представлю лицо дяди Ираклия с парафиновым членом в руках, аж дурно делается, — хохотала Марина, забавно пародируя выражение лица дяди Ираклия.

Рецепт Наташиного семейного счастья

Добытчицу Наташу всю жизнь обожали мужчины. Бесконечно млели, рвались носить на руках. Наташа царственно почивала на лаврах, созданных ее бесспорной пышногрудой сексуальностью. Нагнетала умеючи — подводила сурьмой глаза, красила ресницы синей тушью.

Складывала губы бантиком, колыхалась грудью в кружевные выреза.

Мужчины укладывались штабелями, расплывались улыбками, стремительно глупели лицом. Количество жертв исчислялось сотнями, если не тысячами.

Наташа флиртowała, рассыпалась кругом воздушными поцелуями. Искрилась и переливалась. В анамнезе имела два бывших мужа и три бывших свекра. Почему три свекра, потому что первый Наташин муж был гражданским, за что ласково назывался недомужем. А назвать недосвекром профессора МГУ не поворачивался язык. Так и получалось, что при двух бывших мужьях Наташа щеголяла тремя бывшими свекрами.

Свекры Наташу особенно обожали. Заваливали подарками на любые праздники — будь то годовщина Октябрьской революции или День пограничника. Наташа охотно отвечала им взаимностью. Посредством рукоделия. Связала каждому по теплому свитеру с высоким воротом. По жилету связала, с ромбами вдоль и дырочками поперек. По длинному полосатому шарфу связала, по лыжной шапочке. Подумывала связать еще и по жакету, но тут взбунтовался действующий муж Виталий.

Виталий строго потребовал, чтобы из купленной на его трудовые мозоли пряжи Наташа вязала только ему. Или сыну. В крайнем случае — догу Марсу. После дога можно теще. Но больше никому.

Наташа Виталию «после дога можно теще» не простила, в отместку связала матери пушистый пуловер с воротником-хомутом, в воротник грохнула пряжу на целый свитер.

Виталий поджал губы в ниточку, никогда более не выступал. Но обиду затаил.

Однажды Наташа застала в его кармане дивное письмо. «Ты — смысл моей жизни! — объясняло письмо мелким заковырчатым почерком. — Ты тот глоток воздуха, без которого я не смог бы просыпаться. Только с тобой я понял весь смысл слова „любовь“. Я счастлива, что ты у меня есть. Твоя Анна».

Наташа перечитала письмо несколько раз. Подивилась тому, как легко по ходу любовного повествования Анна меняет пол. Изливается зауголинами в заглавных буквах, волнисто подчеркивает «т» сверху, «ш» — снизу, но неряшливо обращается с бумагой. Тут пятно, там клякса. Кругом помарки.

Она повертела в руках письмо, принялась. Конверт волнительно пах бензином и немного — воблой.

Вернувшийся с работы Виталий застал проект мужского свитера реглан с косой в восемь петель в полном разгаре. Великодушно дал

приложить к себе двадцать сантиметров готовой вязки, поахал, поцокал языком.

— Сам сочинял или Дима помог? — как бы между делом сунула ему под нос письмо Наташа.

— Сам! — Виталий густо покраснел.

— А писал кто?

— Дима.

— С какой стати?

— Что с какой стати?

— С какой стати письмо сочиняли?

— А чтоб ревновала! А то как не родная, всё другим да другим!

Наташа промолчала, но выводы сделала. Довязала мужу свитер, взялась за жилет. Виталий, пришпоренный таким щедрым аттракционом взаимности, затеял ремонт в ванной, заодно переклеил обои в квартире. Поднапрягся на работе и аккуратно к майским праздникам организовал путевки в Египет. Лето отвел строительным работам на даче. Под веселый перестук Наташиных спиц покрасил забор, сделала маленькую пристройку к дому. Подарил теще мопса — та обожала Дарью Донцову и по следам ее романов загорелась желанием завести себе собачку именно этой породы.

Обменник любил Виталия как родного, ставил в пример остальным мужьям. Самоотверженно вязал шарфы. Но остальные мужья оказались сущими чурбанами, подвиг жен не ценили, тещам мопсов не покупали. За что щеголяли в трикотаже фабричной вязки и на ужин периодически исхлопатывали локальный конфликт сокрушительного масштаба.

Что, впрочем, не мешало кассиршам жить с ними душа в душу.

Воистину, все счастливые семьи похожи друг на друга. Но универсального рецепта для счастья, как не было, так и нет.

Еще немного диалогов Натальи

Наблюдая, как Понаехавшая подкрашивает ресницы тушью:

— Нашла что подчеркивать! Ресницы у тебя и так о-го-го. Лучше нос замаскируй.

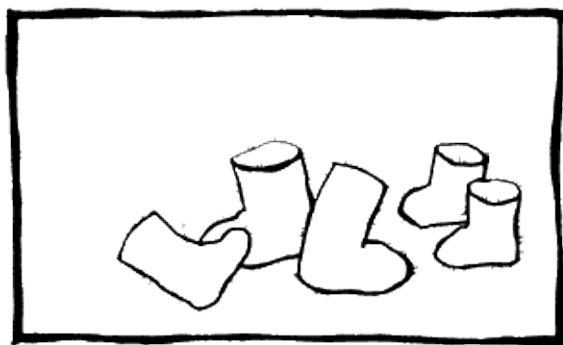
— Чем?

— В твоём случае только шарфом.

— Наталья, имей совесть!

— Ладно, противогазом.

Рассказывает об очередном кавалере:

- Хороший мужик, не пьет, не курит, деньги большие зарабатывает.
- Кем работает?
- А? Дача имеется. По Можайке тридцать километров от Москвы.
- Наталья!
- А что Наталья? Машина «Мерседес», черная.
- Работает кем???
- Бандитом.
- Ты что, совсем с ума сошла?
- Да я уже отшила его!
- А чего тогда рассказываешь?
- А чего мне одной страдать? Говорю же — дача, «Мерседес», не пьет, не курит! Вдобавок — круглый сирота!!!

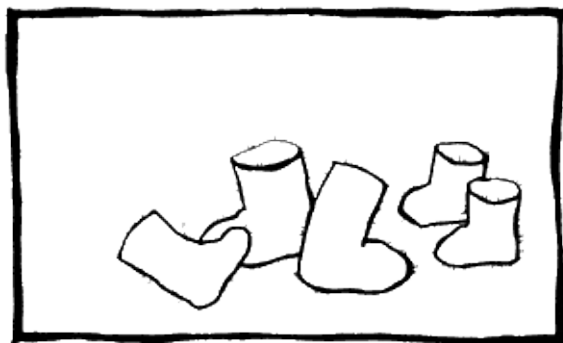

Наблюдая лихорадочные Петины метания по интуристовскому холлу:

- Галь? Он у тебя доктор каких наук?
- Физико-математических.
- А по виду debil дебилом.
- Ну, есть маленько.
- Знаем мы, что у него маленько.

— Наталья!

— А чего Наталья? Можно подумать, это я ему причиндалы лепила. Весь спрос с твоей свекрови. Какие у матери, такие у сына. Одно слово — наследственность!

О. Ф. прискакала из банка, злая, как сто тысяч чертей. Причитает с порога:

— Они меня доконают! Когда-нибудь они меня точно доконают!

Наталья:

— Оштрафовали?

— Отвянь.

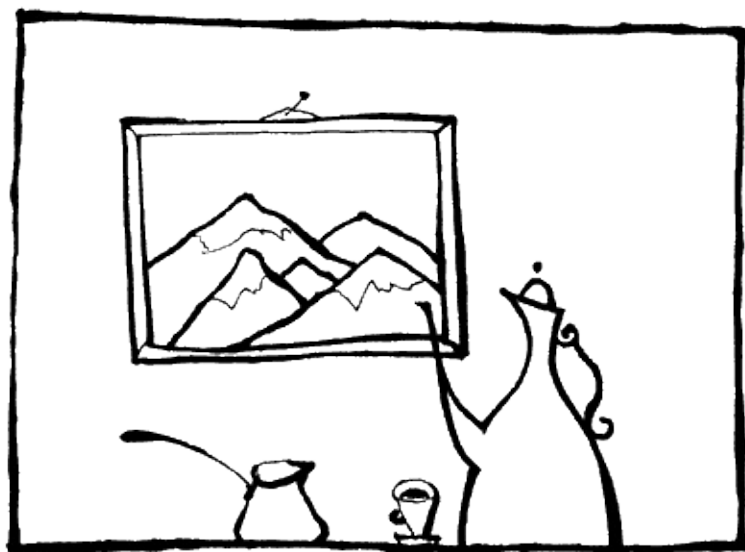
— Зарплату скостили?

— Сказано не лезь!

— Что, матом послали?

— Отъебись!!!

— Ну что за женщина! Утешить по-человечески не дает!

Глава последняя. Звонок тети Поли

дочка?
ну как ты там
нормально?

устроились?

у меня всё по-старому
ложиться собралась
дай, думаю, позвоню
узнаю, как у тебя дела

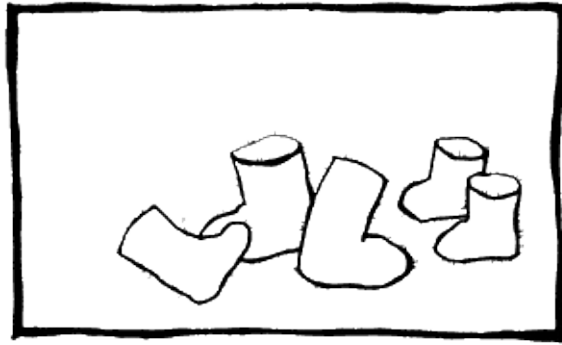
ты не забывай меня
ладно?

звони
если будет обижать
приезжай ко мне
ну их, этих мужиков
от них одни слёзы

целую тебя
моя хорошая
светлых тебе снов
счастливого пробуждения
и ангел-хранитель тебе на всю ночь

Моей Москве — с любовью

Н. Абгарян

---

notes

Примечания

1

Хочу ее трахнуть (*англ.*).

Минутку (*англ.*).

В. Маяковский, из стихотворения «Скрипка и немножко нервно».

4

Твою мать (*арм.*).

5

Что это такое? (нем.).

Это вам в подарок (*англ.*).

Добрый день! Я бы хотел поменять... (англ.).

Что, простите? (*англ.*).

Дословный перевод армянского выражения, означающего «конечно, не вопрос».

Господин, будьте так добры... (англ.).

Курс американской валюты в ноябре 1997 года составлял 5900 рублей за 1 доллар.

Что за... что за дерьмо? (*англ.*).